

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 6

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *председатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кобзев Артем Игоревич
Алаев Леонид Борисович	Кузнецов Василий Александрович
Александров Юрий Георгиевич	Любимов Юрий Васильевич
Алпатов Владимир Михайлович	Мамедова Нина Михайловна
Белова Анна Григорьевна	Микульский Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Ванина Евгения Юрьевна	Настич Владимир Нилович
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Орлова Кеся Владимировна
Воронцов Александр Валентинович	Панарин Сергей Алексеевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Плотников Николай Дмитриевич
Другов Алексей Юрьевич	Пригарина Наталья Ильинична
Захаров Антон Олегович	Сарабьев Алексей Викторович
Звягельская Ирина Доновна	Смагина Евгения Борисовна
Каменев Сергей Наумович	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаляпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна
Кобзев Артем Игоревич	

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 6

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
Языки Южной и Юго-Восточной Азии

Москва

2018

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Доктор филол. наук Белова Анна Григорьевна
Доктор филол. наук Бурлак Светлана Анатольевна
Кандидат филол. наук Кожма Ксения Анатольевна

Ответственный редактор выпуска

З. М. Шаляпина

Редакторы-составители

А. С. Панина, А. И. Коган

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.) / Отв. ред. З.М. Шаляпина сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. – М.: ИВ РАН, 2018. – 240 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-773-7

В сборнике представлены труды конференции по языкам Южной и Юго-восточной Азии, состоявшейся в Институте востоковедения РАН 26 октября 2016 г. Тематика статей охватывает грамматику, лексикологию, полевые исследования и литературоведение. Сборник также содержит обзор и выборочную библиографию исследований по языкам Южной и Юго-восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН.

Предисловие

Сборник включает в себя научные статьи, подготовленные по материалам конференции «Востоковедные чтения 2016. Языки Южной и Юго-Восточной Азии». В нем представлены 16 работ, распределенных по пяти разделам.

Первый раздел, «К истории востоковедной лингвистики», содержит две работы З.М. Шаляпиной. В первой из них указываются языки Южной и Юго-Восточной Азии, изучавшиеся в те или иные годы в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, и кратко характеризуются основные достижения сотрудников Отдела в этой области. Во второй работе дается список трудов по языкам региона, опубликованных или подготовленных их авторами в период их работы в Отделе.

В четырех других разделах сборника представлены работы, развивающие отдельные направления исследований по языкам Южной и Юго-Восточной Азии.

Раздел «Лексикология» содержит пять статей. В открывающей его статье Д.И. Еловкова затрагиваются общие вопросы номинации в кхмерском языке и предлагается классификация кхмерских номинативных единиц, преимущественно по семантическим основаниям. А.А. Смирнитская в своей статье также рассматривает семантические аспекты языковых единиц, но в сравнительно-историческом плане, устанавливая особенности семантического развития терминов родства в дравидийских языках по сравнению с индоевропейскими. Три другие статьи – В.А. Андреевой, П.П. Ветрова и Г.Б. Дудченко – полностью или частично опираются на китайский лексический материал. Первые две из них посвящены теоретическим проблемам фразеологии. П.П. Ветров демонстрирует специфику условий текстового употребления фразеологических единиц в китайском языке, предлагая выделять для их описания особый «фразеологический» раздел грамматики. В.А. Андреева рассматривает китайскую фразеологию, заимствованную во вьетнамский язык в разные периоды его развития, рассматривая особенности разных групп таких фразеологизмов. Г.Б. Дудченко исследует фонетические заимствования и особенности словообразования с применением транскрипций в современном китайском языке.

Раздел «Грамматика» включает четыре статьи, связанные с исследованием глагольных и именных категорий. В статье И.Н. Комаровой устанавливаются глагольные категории, свойст-

венные тибетскому языку, и отмечаются факторы, влияющие на образование в нем соответствующих глагольных форм. Т.Г. Погибенко исследует условия употребления видовременных показателей в языке ма как одном из изолирующих языков и показывает, что их факультативность в значительной степени обусловлена коммуникативными факторами. Е.А. Ренковская рассматривает категорию императива в малоизученном индоарийском языке куллуи, обращая особое внимание на прохибитивные и превентивные конструкции. Еще одна статья – С.Г. Крамаровой – посвящена категории определенности имени существительного и способам ее выражения в балийском языке.

Раздел «Полевые лингвистические исследования» включает три статьи. Первые две из них, как и статья Е.А. Ренковской в предыдущем разделе, опираются на материал, полученный в ходе лингвистических экспедиций в индийский штат Химачал-Прадеш, проведенных в 2014 и 2016 гг. сотрудниками Института языкознания РАН и РГГУ. В статье Ю.В. Мазуровой описываются общие задачи и особенности выполненной полевой работы и уточняется классификация обследованных языков и диалектов. Е.М. Шуванникова в своей статье оценивает степень витальности в указанном ареале одного из изучавшихся языков – куллуи. Статья А.С. Крыловой основана на результатах другой экспедиции 2016 г. – в индийский штат Ориссу, где были собраны, в частности, лексико-статистические данные для языков мунда, позволяющие уточнить их классификацию.

Последний раздел сборника «Литературоведение» включает две статьи по вопросам китайской литературной традиции. К.А. Антонян исследует произведения жанра цзацзуань, высказывая гипотезу о связи этого жанра со словарем Эрья, включенным во времена династии Тан в число конфуцианских канонov. Р.А. Андросенко рассматривает одно из стихотворений Го Мо-жо, показывая его связь как с традиционной китайской литературой, так и с жизненными реалиями автора.

Таким образом, в сборнике рассматриваются разные области восточного и общего языкознания, исследуемые на материале современных языков ЮВА. Он может представлять интерес как для лингвистов, специализирующихся на этих языках, так и для специалистов, изучающих сходные лингвистические явления на материале других языков.

З.М. Шаляпина

I. К истории отечественного востоковедения

©

З.М. Шаляпина

Институт востоковедения РАН (Москва)

Исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

В истории Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН ¹ немало известных исследователей, изучавших и описывавших языки Южной и Юго-Восточной Азии. В данной статье мы попытаемся вспомнить, по необходимости кратко, этих исследователей и их основные сферы деятельности ². Обзор ни в коей мере не претендует на полноту и систематичность.

1. Языки Китая

1.1. Китайский язык

Среди ученых, занимавшихся в Отделе языками Китая, в первую очередь вспоминаются Вадим Михайлович Солнцев (28.3.1928-19.4.2000), заведовавший Отделом в 1965-1982 гг., и

¹ По свидетельству Александра Отаровича Тамазишвили, заведующего архивом ИВ РАН, приказ о создании в Институте отдела, объединяющего специалистов по восточным языкам, был подписан 27 декабря 1957 г. [Тамазишвили 1998].

² Библиография основных трудов сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки по языкам Южной и Юго-Восточной Азии до 2005 г. достаточно полно представлена в справочниках [Милибанд 2008; Михайлова-Ландер 2002]. Некоторые работы, не вошедшие в эти справочники, а также основные из более поздних публикаций сотрудников Отдела по этой тематике указываются в сопровождающей данную статью выборочной библиографии.

Нина Васильевна Солнцева (10.02.1926 – 10.02.2014), проработавшая в Отделе всю жизнь.

Вряд ли требуется специально говорить, сколько оба этих ученых и каждый из них в отдельности сделали для исследования как собственно китайского языка, так и других языков Южной и Юго-Восточной Азии, особенно языков малых народностей Вьетнама (см. ниже разд. 4), а также для введения материала китайского и других восточных языков в общелингвистический обиход (обзоры их научных результатов в этих областях см., например, в [Солнцева 2003; Шаляпина 2014]). В своих индивидуальных и совместных работах по китайскому языкознанию ученые исследовали пути и тенденции развития китайского языка, его грамматические категории, служебные единицы, отдельные функционально-семантические поля и др. Помимо чисто китаистических работ, В.М. Солнцеву принадлежат многочисленные обобщающие работы по теории языкознания, опирающиеся среди прочего на материал китайского и других восточных языков. Точно так же и Н.В. Солнцева использовала материал китайского и других языков Южной и Юго-Восточной Азии для выявления общетеоретических закономерностей в развитии языков, в том числе для предложенного ею на этом основании пересмотра традиционной типологической классификации. В настоящее время в Отделе готовится к переизданию их совместная «Теоретическая грамматика китайского языка», впервые вышедшая в 1971 г. в качестве учебного пособия, но фактически являющаяся фундаментальной научной монографией по теории китайского и общего языкознания, сохраняющей свое значение и по сей день.

Нельзя не упомянуть также о курсах общего языкознания, которые в конце 50-х – начале 60-х гг. были разработаны для молодых сотрудников и аспирантов Отдела В.М. Солнцевым и Ю.В. Рождественским (см. о нем ниже на с. 10) и послужили важной лингвистической школой для первого поколения востоковедов-лингвистов.

За свои научные достижения В.М. Солнцев и Н.В. Солнцева были удостоены научных наград как в России, так и в странах изучавшихся ими языков. Оба были награждены медалями и орденами Социалистической Республики Вьетнам. В.М. Солнцев с 1984 г. был членом-корреспондентом РАН, с 1992 г. – действительным членом РАЕН. Н.В. Солнцева с 1996 г. являлась почет-

ным профессором Хэйлунцзянского университета, в 1999 г. была избрана членом-корреспондентом РАН. Исследователи оставили после себя множество учеников, в том числе китайстов, одна из которых – последняя аспирантка Н.В. Солнцевой Ксения Анатольевна Кожа – работает в Отделе и в настоящее время.

Из китаеведов старшего поколения, начавших свою работу в Институте еще до основания Отдела, у нас работал такой признанный классик китайского языкознания, как Илья Михайлович Ошанин (22.04.1900-05.09.1982). С 1956 года и до конца жизни он заведовал сектором восточных словарей, где под его редакцией был создан «Большой китайско-русский словарь» (БКРС), вышедший в свет уже после смерти Ильи Михайловича в 1983-1984 гг. и удостоенный в 1986 г. Государственной премии СССР.

Под руководством И.М. Ошанина над этим четырёхтомным словарем работали китайсты Отдела Т.П. Ворожцова, Г.М. Григорьев-Абрамсон, В.С. Кузес, А.И. Мелналкснис, А.А. Москалёв, Б.Г. Мудров, В.А. Панасюк, Е.В. Пузицкий, А.Л. Семенас, В.Ф. Суханов, Н.И. Тяпкина, А.Я. Шер, Е.И. Шутова, С.Б. Янкивер. Из них В.Ф. Суханов, В.А. Панасюк и А.И. Мелналкснис участвовали в подготовке всех четырех томов БКРС, Г.М. Григорьев-Абрамсон – всех томов, кроме 2-го, Т.П. Ворожцова, В.С. Кузес и А.Л. Семенас – всех томов, кроме 1-го. А.А. Москалёв, Е.В. Пузицкий, С.Б. Янкивер работали над вторым и четвертым томами, Б.Г. Мудров – над вторым и третьим, А.Я. Шер – над третьим и четвертым, Н.И. Тяпкина и Е.И. Шутова – над четвертым томом.

Для Владимира Фёдоровича Суханова (род. 20.02.1928), работавшего в Отделе в 1957-1979 гг., лексикографическая работа была практически делом всей его жизни. Помимо создания словарей, он занимался только исследованиями видов и способов написания китайских иероглифов.

Научная деятельность Владимира Андреевича Панасюка (27.02.1924-14.01.1990) в период его работы в Отделе (1964-1985 гг.) была также в значительной степени сосредоточена на составлении и редактировании статей БКРС. Вместе с тем он много занимался переводом и комментированием китайских письменных памятников.

Арнольд Иванович Мелналкснис (28.02/13.03.1905-?) работал в Отделе с 1957 по 1986 г., полностью отдавая себя созданию

БКРС, а после его публикации – подготовке дополнений и исправлений в его статьях для предполагавшихся переизданий.

Тамара Павловна Ворожцова (род. 25.04.1932) отдала работе над БКРС десять лет, с декабря 1958 г. по ноябрь 1968 г.

Владимир Сергеевич Кузес (09.12.1923-28.07.2008) в самом Отделе языков работал лишь около пяти лет – в 1954-1959 гг., после чего перешел в Отдел Китая (тогда называвшийся сектором новой и новейшей истории Китая) и переключился на страноведческую тематику. Но и после этого он продолжал работу над БКРС до ее окончательного завершения. Единственный том, в подготовке которого он не принимал участия, – это том 1, содержащий не сами словарные статьи, но справочные данные (правила пользования словарем, иероглифические указатели, географические названия, хронологические таблицы, девизы царствований и т.п.).

Алла Леоновна Семенас (28.09.1937-16.06.2007), как и В.С. Кузес, участвовала в работе над всеми тремя основными томами БКРС – вторым, третьим и четвертым. Остальная ее научная деятельность в Отделе (1961-2005 гг.) была также посвящена в первую очередь китайской лексике, лексикологии, лексикографии, лексической семантике. Ей принадлежат две большие монографии по этой тематике (resp., 1992 и 2005 г.); посмертно был издан словарь китайских неологизмов, составленный ею в соавторстве с В.Г. Буровым. Интересовала А.Л. Семенас и социолингвистическая проблематика: особенности иностранных заимствований в китайском языке, языковая ситуация и языковые реформы в Китае, общие тенденции развития лексики в различных его регионах, включая Гонконг и Тайвань, взаимодействие национального китайского языка и отдельных его диалектов и т.п.

Под руководством А.Л. Семенас китайский язык исследовали ее многочисленные аспиранты, в том числе М.Б. Рукодельникова, много лет затем работавшая в Отделе (см. ниже), И.Р. Кожевников, изучавший особенности семантики китайских привычных выражений (гуаньюньюй), А.А. Пруцких, анализировавший внутреннюю структуру сложных знаков китайского языка, О.П. Шевчук, занимавшаяся национально-культурной спецификой китайских цветообозначений, и др.

Сима Боруховна Янкивер (14.10.1923-22.04.2006), которая, как и А.Л. Семенас, всю жизнь была верна нашему Отделу, помимо работы над БКРС, вела исследования в области грамматиче-

ского строя китайского языка. Изучала она прежде всего его гуанчжоуский (кантонский) диалект, который описала в монографии 1987 г. В соавторстве с Н.В. Солнцевой, П.Ф. Толкачевым, А.Л. Семенас она составила также «Библиографию по китайскому языкознанию», два тома которой вышли, гесп., в 1991 и 1993 гг.

Евгения Ильинична Шутова (род. 08.04.1927) также всю жизнь работала в Отделе, пока в мае 2011 г. тяжелая болезнь не вынудила ее оставить научную деятельность. Ее научные интересы лежали прежде всего в области китайского синтаксиса и связанных с ним проблем теоретического и китайского языкознания, в частности, понятий грамматикализации и полуаффиксации, соотношения в современном китайском языке лексики, грамматики и грамматической семантики, асимметрии между категориальными лексико-семантическими и функционально-синтаксическими значениями, взаимодействия лексического и грамматического аспектов семантики сложных китайских единиц, особенностей определения частей речи с учетом китайского языкового материала и др. Ей принадлежат фундаментальные монографии по вопросам теории синтаксиса (1984 г.) и по синтаксису современного китайского языка (1991 г.).

Алексей Алексеевич Москалёв (род. 29.09.1930) был сотрудником Отдела с 1957 до 1971 г., после чего перешел в Институт Дальнего Востока АН СССР. Помимо работы над БКРС и китаеведческих исследований, он занимался также другими языками Китая (см. ниже) и лаосским языком (совместно с Л.Н. Моревым и Ю.Я. Пламом).

Евгений Владимирович Пузицкий (11.04.1929-17.04.1996) работал в Отделе ненамного дольше – с 1955 по 1972 гг. – и также перешел затем в ИДВ АН СССР. Его языковедческие работы посвящены в основном не китайскому, но тибето-бирманским языкам (см. ниже разд. 1.2).

Борис Григорьевич Мудров (род. 05.05.23), будучи сотрудником Отдела (в 1957-1967 гг.), занимался, помимо словарной работы, вопросами письменности в Китае и проблемами китайских частей речи.

Александр Яковлевич Шер (01/14.02.1897-?), работавший в Отделе в 1967-1977 гг., также известен прежде всего своими трудами по проблемам китайской письменности.

Надежда Ивановна Тяпкина (род. 18.08.1928) в своих лингвистических исследованиях помимо работы над БКРС рассматри-

вала в основном вопросы китайского синтаксиса. Но уже к середине 70-х гг. она почти полностью переключилась на страноведческую тематику.

До сих пор речь шла о китаистах – участниках работы над БКРС. Но помимо них в Отделе работали и другие исследователи китайского языка.

Из них следует прежде всего назвать Георгия Петровича Сердюченко (09/22.04.1904-04.07.1965), возглавившего Отдел при его создании в 1957-1958 г. и до конца жизни остававшийся его руководителем. Одной из важных заслуг Г.П. Сердюченко является основание в 1959 г. серии лингвистических очерков «Языки народов Азии и Африки», которая продолжала издаваться до начала 1990-х г. и включила около 100 очерков различных языков Востока. В области китаистики Г.П. Сердюченко исследовал преимущественно вопросы письменности. Изучал он также другие языки Китая (см. ниже разд. 1.3).

Николай Николаевич Коротков (02/15.03.1908-19.02.1993) работал в Отделе в 1969-1986 гг., изучая морфологический строй и другие общетипологические особенности китайского языка. С 1986 г. он продолжил эти исследования в Институте языкознания РАН.

С 1959 по 1972 гг. у нас работал Юрий Владимирович Рождественский (10.12.1926-24.10.1999), уже упоминавшийся выше в связи с подготовкой общезыковедческих курсов для молодых сотрудников и аспирантов Отдела. Он исследовал прежде всего проблемы формы слова в истории китайской грамматики. Позже Ю.В. Рождественский переключился на теоретическое языкознание, но всегда учитывал в своих теоретических штудиях китайский материал.

С китайского языка начинал свою научную деятельность и Ю.А. Горгониев, в дальнейшем завоевавший мировое признание своими исследованиями по кхмерскому языку (см. разд. 3.1).

В сопоставительных и типологических целях материал китайского языка привлекал в своих исследованиях также Л.Н. Морев (см. о нем ниже в разд. 6).

Китаисты следующего поколения – это Г.А. Ткаченко, М.Б. Рукодельникова, Т.В. Михайлова, К.А. Кожа (Маркина).

Григорий Александрович Ткаченко (21.10.1947-23.08.2000), работавший в Институте в 1974-1976 и в 1984-1991 гг., в основном занимался переводом памятника китайской литературы III в. до н.

э. «Люйши чунь-цю» («Весны и осени господина Люя»), а также вопросами философии и культуры древнего и средневекового Китая. В 1991 г. он перешел в Институт философии РАН, а затем в 1995 г. в РГГУ, где заведовал кафедрой восточных языков и был директором-организатором Института исторической и культурной антропологии.

В сферу научных интересов Марии Борисовны Рукодельниковой (род. 07.01.1965) в период ее работы в Отделе (1993-2000 гг.) входила прежде всего лексикология и конструкции на стыке синтаксиса и лексики. В 1995 г. она под руководством А.Л. Семенас защитила кандидатскую диссертацию «Структурно-семантический анализ глагольных комплексов в современном китайском языке». Занималась она также проблемами глагольной сочетаемости и изучала отдельные лексико-семантические поля китайского языка. С 2001 г. она продолжает исследования по китайскому и дунганскому языкам в РГГУ, где вначале заведовала кафедрой восточных языков, а с 2007 г. является заместителем директора УНЦ «Институт Конфуция РГГУ».

Татьяна Валерьевна Михайлова (впоследствии Клихе; род. 22.07.1965), работавшая в Отделе в 1990-2005 гг., изучала в основном отдельные виды китайских глагольных конструкций, а также показатели отрицания и других семантико-синтаксических категорий. В дальнейшем она перешла на преподавательскую и переводческую работу с китайским языком.

Ксения Анатольевна Кожа (Маркина; род. 20.02.1981) стала последней из аспирантов Н.В. Солнцевой, под руководством которой она анализировала особый тип китайских лексических единиц – так наз. «буквенные слова». После окончания аспирантуры К.А. Кожа работает в Отделе.

Стоит упомянуть, что китайский язык был в Отделе объектом не только исследований традиционной направленности, но и компьютерного анализа.

В 60-е гг. его изучали с этой точки зрения А.А. Звонов и А.Г. Ларин. Алексей Алексеевич Звонов (род. 03.01.1925), работавший в Отделе в 1960-1967 гг., рассматривал способы автоматической обработки китайских служебных слов и некоторых видов китайских глагольных конструкций, а также возможности автоматического распознавания знаков иероглифического письма. Александр Георгиевич Ларин (род. 29.09.1932) работал в Отделе меньше пяти лет (1964-1970 гг.) и занимался прежде всего

проблемами установления соответствий между грамматическими системами китайского и русского языков. Он исследовал также возможности восстановления грамматики из текстов, ею порожденных, рассматривая процедуру «открытия» грамматики, «извлечения» ее из текстов как один из важнейших компонентов познавательной деятельности человека.

Теоретическим проблемам компьютерной обработки китайского языка в свое время уделял внимание и М.В. Софронов (более известный своими работами по тангутскому языку, см. разд. 1.2). В начале 2010-х гг. этой проблематикой стала заниматься Оксана Александровна Масыгина (Лесько; род. 16.01.1986).

1.2. Тибето-бирманские языки

Из языков тибето-бирманской подсемьи сино-тибетской языковой семьи в центре внимания сотрудников Отдела долгое время находился тибетский язык. Наиболее известным его исследователем был Юрий Николаевич Рерих (03/16.08.1902-21.05.1960), работавший в Институте, хотя и не в Отделе языков, в 1957-1960 гг. В самом Отделе тибетским занимались уже упоминавшийся выше Г.П. Сердюченко, а также Ю.М. Парфионович и И.Н. Комарова.

Юрий Михайлович Парфионович (23.09.1921-13.09.1990) был сотрудником Отдела с 1953 г. до конца жизни. Он автор краткого тибетско-русского словаря (1963 г.), описания тибетского письменного языка (1970 г.), ряда комментированных переводов тибетских литературных памятников. Особо следует отметить две работы, выполненные им совместно с Виленой Санджевной Дылыковой (Дылыковой-Парфионович; род. 02.02.1938): «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» (1983-1987), составленный по рукописным материалам Ю.Н. Рериха, и комментированный «Атлас тибетской медицины» (1994 г.).

Ирина Нигматовна Комарова (род. 03.11.1932) работала в Отделе более 20 лет (с 1966 по 1987 г.), в течение которых изучала тибетскую фонетику, прежде всего структуру слога и особенности системы тонов, а также тибетскую письменность, морфонологию и морфологию. Специальное внимание она уделяла лхасскому диалекту тибетского языка. С 1987 г. она продолжа-

ет свои тибетологические исследования в Институте языкознания РАН.

Некоторое время тибетским языком занималась аспирантка И.Н. Комаровой Е.А. Потапова, исследовавшая особенности его музыкальной лексики. Однако эта работа не была продолжена.

Другим представителем тибето-бирманской языковой подсемьи, активно исследовавшимся в Отделе, является бирманский язык. Им, еще в те годы, когда наш Институт назывался Институтом народов Азии, занимались Е.В. Пузицкий (упоминавшийся выше в разд. 1.1 в связи с работой над БКРС) и И.М. Тагунова, которые совместно с другими авторами подготовили книгу «Бирманский язык» (1961) в серии «Языки народов Азии и Африки».

Евгений Владимирович Пузицкий, помимо бирманского, исследовал также другой тибето-бирманский язык – качинский, или чжингпхо, описание которого он защитил в качестве кандидатской диссертации (1968).

Ирине Михайловне Тагуновой (род. 25.09.1934, работала в Отделе в 1964-1973 гг.) принадлежит, кроме вышеназванной книги, ряд работ по грамматике бирманского языка, в том числе монография «Очерки по синтаксису простого предложения в бирманском языке» (1971 г.), написанная ею в соавторстве с другим нашим сотрудником – Н.В. Омелянович.

Нина Владимировна Омелянович (28.09.1929-16.07.1990) пришла в Отдел в 1963 г., посвятив бирманистике всю свою последующую научную деятельность. Предметом ее исследований была прежде всего бирманская грамматика: синтаксис бирманского языка, соотношение в этом языке синтаксического и актуального членения, структура сложных слов, служебные единицы и др. Помимо уже упомянутых «Очерков...», совместных с И.М. Тагуновой, Н.В. Омелянович принадлежит «Самоучитель бирманского языка» (1971 г.), описание грамматических особенностей разговорной формы современного бирманского языка (1982 г.) и ряд других работ. Интересовали Нину Владимировну и другие языки Юго-Восточной Азии, в частности аремский, относящийся к мон-кхмерской подсемье австроазиатских языков (см. ниже разд. 3, 4).

В 1978-1994 гг. исследования по бирманскому языку вел Алексей Николаевич Головастиков (род. 07.02.1952). Однако в дальнейшем он ушел из востоковедения.

В 90-е гг. бирманским языком занимались в Отделе Г.Ф. Минина и С.И. Лизогуб.

Галина Фёдоровна Минина (род. 26.03.1940) в течение тех четырех лет (1994-1997), когда она была нашим сотрудником, вела прежде всего лексикографические изыскания, составляя русско-бирманский словарь, который позже (в 2002 г.) был опубликован под грифом ИВ РАН. В дальнейшем она переключилась на переводческую и преподавательскую деятельность.

Сергей Иванович Лизогуб (род. 24.04.1963) исследовал бирманскую грамматику, прежде всего глагольную систему. В своей кандидатской диссертации (1994 г.) он детально описал элементарные синтаксические конструкции бирманского языка, выявив их синтаксические, семантические и трансформационные свойства. Однако, проработав в Отделе около 7 лет (1987-1994 гг.), он перешел на дипломатическую работу.

Другие тибето-бирманские языки, исследовавшиеся в Отделе, – это тангутский и тибето-гималайские: неварский, магарский, кхам, лимбу, тхулунг.

Тангутским языком занимался, наряду с китайским, Михаил Викторович Софронов (род. 11.10.1929), работавший в Отделе в 1957-1970 гг., а затем продолживший свою научную деятельность в Институте Дальнего Востока.

Тибето-гималайские языки входили в сферу научных интересов Н.И. Королева, которому принадлежит, в частности, описание неварского языка (1986 г.). Однако основным предметом его исследований был непальский язык, относящийся к индоарийской группе индоевропейской языковой семьи (см. ниже разд. 2.3).

1.3. Другие языки Китая

Из других языков Китая в Отделе изучались дунганский язык, принадлежащий, как и китайский, к сино-тибетской языковой семье; чжуанский язык, представляющий тай-кадайскую семью языков (подробнее об этой семье пойдет речь ниже в разд. 6); язык хайнаньских ли (который часть исследователей также относит к тай-кадайской семье); и язык дуаньских яо (язык ну), входящий в языковую семью мяо-яо.

Дунганским занимался прежде всего Абдурахман Джамалович Калимов, (05.05.1923-08.08.2011), проработавший в Институте более 30 лет (с 1951 по 1984 г.). Он участвовал в создании и

редактировании дунганско-русского (1968 г.) и трех русско-дунганских словарей (1959, 1971, 1981 гг.). Ему принадлежит также очерк «Дунганский язык» (1968 г.) и ряд работ по дунганской грамматике, лексике, фонетике и орфографии.

Отдельные наблюдения над дунганским языковым материалом публиковали также упоминавшиеся в разд. 1.1 китаисты Т.В. Михайлова и М.Б. Рукодельникова.

Чжуанский язык был предметом исследований Г.П. Сердюченко и А.А. Москалёва (также упоминавшихся выше в связи с китаистическими исследованиями): первый из них опубликовал очерк этого языка в 1961 г., второй – в 1971 г.

А.А. Москалёв занимался помимо этого языком дуаньских яо, но его очерк этого языка был опубликован только в 1978 г., когда автор уже несколько лет работал в Институте Дальнего Востока.

Язык хайнаньских ли исследовала Юлия Львовна Благоврава (см. о ней ниже в р. 6). Ей принадлежит единственное отечественное описание этого языка (1999 г.), вышедшее в свет уже после ее смерти.

2. Языки Индии ¹

2.1. Индоевропейские языки Индии

2.1.1. Санскрит и ведийский язык

С санскритом и с ведийским языком всю жизнь работала Татьяна Яковлевна Елизаренкова (17.09.1929-5.09.2007), которой принадлежат великолепные комментированные переводы Атхарваведы (1976, 1989, 1995) и Ригведы (1972, 1989, 1995, 1999) и других ведийских литературных памятников (1984 г.). Ее комментарии к этим памятникам, поясняющие их культурные реалии и лингвистические особенности, носят поистине уникальный характер.

Т.Я. Елизаренкова была признанным специалистом по индоарийским языкам древнего и среднего периода, включая древнеиндийский язык, ведийский язык, санскрит, пали, пракриты, апабхрانشа, буддийский гибридный санскрит. Ею, в частности,

¹ Автор выражает благодарность А.И. Когану, прочитавшему данный раздел и сделавшему ряд полезных замечаний.

подготовлены описания всех этих языков для Лингвистического энциклопедического словаря (1990 г.) и для энциклопедии «Языки мира» (совм. с Ю.Б. Коряковым; 2004 г.), опубликована большая грамматика ведийского языка (1982, 1990 гг.); монографии по языку пали (совм. с В.Н. Топоровым; 1965, 1976, 2003 гг.), по ведийскому языку (1987 г.), по диахронической фонологии индоарийских языков (1974, 1990 гг.); работы об особенностях грамматики, лексики и других языковых характеристик исследуемых памятников, в том числе об аористе в Ригведе (1960), о языке и стиле ведийских риши (1993 г., 1995 г.), о тех возможностях, которые поэтический текст гимнов Ригведы предоставляет для реконструирования мира вещей (1995 г., 1999 гг.), и др.

В своих работах Т.Я. Елизаренкова рассматривала среди прочих такие проблемы и понятия, как статус имени существительного в связи с некоторыми магическими представлениями создателей вед; синонимия и полисемия в свете распределения части ведийской лексики по «благоприятной» – «неблагоприятной» зоне; лексика мифов отдельных богов; метафорическое и символическое употребление слов; единицы отдельных лексико-семантических полей («дорога», «река», «море», «горы», «луна», «тело», «человек» и др.); функции местоименных единиц и т.п.

Научные достижения Т.Я. Елизаренковой получили высокую оценку и в России, и за рубежом. В 1978 г. ей были присуждены грамота и награда Лингвистического общества Индии (Linguistic Society of India) в связи с его пятидесятилетним юбилеем. В 1990 г. она была избрана вице-президентом Международной Ассоциации санскритологии (International Association for Sanskrit Studies) для Восточной Европы, в 1991 г. – членом Европейской Академии (Akademia Europaea), с 1996 г. – сопредседателем секции «Древнеиндийские тексты и интерпретация текстов» постоянной Европейской конференции по Южной Азии. В 2004 г. Т.Я. Елизаренкова в знак признания ее вклада в индологическую науку была удостоена государственной награды Индии – Ордена Лотоса («Падма Шри»).

В нашей стране ей дважды присуждалась трехлетняя Государственная (Президентская) стипендия выдающимся ученым России (на периоды 1997-1999 и 2000-2002 гг.). В 2000 г. Ученый совет ИВ РАН при поддержке Ученых советов Института языкознания РАН и Российского института культурологии выдвинул кандидатуру Т.Я. Елизаренковой на присвоение ей звания «Заслу-

женный деятель науки РФ». К сожалению, по чисто бюрократическим причинам присвоение не состоялось.

Помимо Т.Я. Елизаренковой, исследованиями санскрита в Отделе занимался в 1966-1974 гг. Борис Леонидович Огибенин (род. 06.11.1940). Позже он, как и ряд других санскритологов того времени, эмигрировал¹. С 1988 г. Б.Л. Огибенин стал профессором и заведующим кафедрой санскрита Страсбургского университета (Франция).

В конце 1989 г., закончив аспирантуру Института, в Отдел пришел еще один санскритолог – ученик Татьяны Яковлевны Леонид Игоревич Куликов (род. 4 июля 1964). Но уже в 1993 г. он стал работать в Лейденском университете (Нидерланды), а с 1998 г. окончательно связал свою научную судьбу с Западной Европой. Сейчас он научный сотрудник факультета филологии и философии Гентского университета (Гент, Бельгия).

2.1.2. Хинди

Изучением языка хинди в Институте востоковедения долго до образования в нем Отдела языков народов Азии и Африки занимался В.М. Бескровный, к которому позже присоединились А.С. Бархударов, В.П. Липеровский, В.А. Чернышев.

Василий Матвеевич Бескровный (26.04/09.05.1908-01.04.1978) работал в Институте более 40 лет: с 1932 по 1978 г. (с небольшим перерывом). Он автор хинди-русского словаря 1953 г. (2-е изд. вышло в 1959 г.), монографии «Очерки функциональных стилей хинди» (1984 г.), опубликованной уже после его смерти его коллегами и учениками, ряда работ по грамматическим и социолингвистическим аспектам хинди. Но наиболее известным результатом исследований В.М. Бескровного является хинди-русский словарь, вышедший под его редакцией в 1972 г. Этот словарь, составителями которого наряду с В.М. Бескровным были А.С. Бархударов, Г.А. Зограф и В.П. Липеровский, переиздается до сих пор (последний раз – в 2002 г.). В 1999 г. его авторы, в том числе В.П. Липеровский, получили за него премию Natali Puraskaar от индийского общества Bharatiya Anuvaad Parishad.

¹ См. об этом [Елизаренкова 1998].

Алексею Степановичу Бархударову (22.08.1927-09.05.2001), являвшемуся сотрудником Отдела в 1953-1971 гг., принадлежат работы как по грамматике языка хинди (в частности, монография «Словообразование в хинди», 1963 г.), так и по проблемам исторического развития индоарийских языков (монография «Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция», 1988 г.) и по их типологическим особенностям.

Владимир Петрович Липеровский (род. 13.08.1927) пришел в Отдел в 1956 г. и до сих пор является одним из самых активных его сотрудников. Он автор 12 фундаментальных монографий по языку хинди, в которых уделяется особое внимание именным и глагольным грамматическим категориям этого языка, в том числе вопросам, связанным с категорией падежа, проблемам аспектологии и модальности, особенностям порядка слов. В пионерских работах В.П. Липеровского по современным диалектам хинди – браджа и авадхи – подробно рассмотрены имеющиеся в них классы слов, вскрыты особенности и механизмы образования базовых синтаксических структур, проанализированы средства выражения и специфика содержания грамматических категорий. Все его работы отличаются богатством представленных в них языковых данных, что, помимо прочих достоинств, дает материал для сравнительного изучения индоарийских языков и способствует пониманию внутренней истории развития языков Индии.

Еще одним важным направлением научной деятельности В.П. Липеровского являются исследования в области контрастивной типологии, опирающиеся на сопоставление хинди, урду, панджаби, бенгали между собой, а также хинди – с русским языком. Такие сопоставительные исследования выполнены им, в частности, для категорий посессивности и негации как универсальных понятийных категорий естественного языка, а также для категорий падежа, рода, одушевленности, числа, вида, залога, наклона, времени и других, релевантных для соотношения хинди с русским языком.

Научные заслуги В.П. Липеровского были отмечены в 2009 г. орденом «За службу и доблесть» с мечами (серебряный крест), присужденным ему Межрегиональным фондом «Общественная награда».

Владимир Александрович Чернышев (17.07.1927-14.10.1999), также пришедший в Отдел в 1956 г. и работавший в нем до конца

своих дней, исследовал язык хинди в большей степени в социолингвистическом плане, рассматривая языковую ситуацию в хиндиязычном ареале, особенности языковой политики и языкового нормирования применительно к языку хинди, проблемы развития литературного хинди, роль в этом процессе диалектов, региональных языков, отдельных художественных произведений. Специальное внимание В.А. Чернышев уделял системному исследованию приемов и способов экспрессивной аранжировки предложения в языке хинди, сопоставляя экспрессивно-синтаксические системы хинди и ряда других новоиндоарийских языков: бенгали, маратхи, панджаби. Последняя монография В.А. Чернышева, работу над которой прервала его кончина, должна была быть посвящена речевому этикету в приватно-эпистолярном жанре хинди. Владимир Александрович был также известным переводчиком хиндиязычной литературы.

Из более молодых индологов исследованиями языка хинди в Отделе несколько лет (в 1984-1987 гг.) занималась Ирина Михайловна Румянцева (род. 28.02.1956). Ее интересовали прежде всего вокализм и ритмическая структура этого языка. Позже она продолжила работу по той же проблематике в ИСАА МГУ.

В настоящее время язык хинди рассматривается также в исследованиях А.И. Когана, в основном в рамках сравнительно-исторического изучения индоарийских языков, а также выяснения их генетических отношений с дардскими (см. разд. 2.1.3).

2.1.3. Другие индоевропейские языки Индии

Из других распространенных в Индии индоевропейских языков в Отделе исследовались прежде всего индоарийские: бенгали, панджаби, догри, ленди, маратхи, сингали, синдхи, непали, ория – и дардские, в основном кашмири.

Бенгальский язык исследовали Е.М. Быкова, Б.М. Карпушкин и Л.М. Чевкина. Уделял внимание этому языку и М.С. Андронов, опубликовавший в 1953 г. русско-бенгальский словарь, – хотя основным предметом изучения для него всегда были дравидийские языки (см. ниже разд. 2.2).

Евгения Михайловна Быкова (27.12.1917-?) работала в Отделе в 1955-1986 гг. Она является соавтором (наряду с М.А. Елизаровой и И.С. Колобковым) «Бенгальско-русского словаря» (1957 г.), автором монографий «Подлежащее и сказуемое в современном

бенгальском языке» (1960 г.), «Бенгальский язык» (1966, 1981 гг.), многочисленных статей по проблемам грамматического строя, семантики и этимологии на материале бенгали. Е.М. Быкова занималась также переводом и комментированием бенгальских письменных памятников.

Борис Михайлович Карпушкин (01.03.1925-25.09.1987), помимо исследований по глагольному синтаксису бенгальского языка, в период своей работы в Отделе (1961-1974 гг.) изучал и описывал язык ория (1964 г.), а также выполнял переводы литературных произведений с обоих языков.

Людмила Михайловна Чевкина (род. 13.01.1929) работала в Отделе в 1954-1976 гг. Как и Б.М. Карпушкин, она исследовала бенгальский синтаксис, а также изучала морфологические средства и служебные показатели этого языка.

Язык панджаби, или восточный панджаби, в течение всей своей научной жизни в Отделе (1958-1984) изучал Юрий Андреевич Смирнов (12.03.1923-17.02.1984), опубликовавший, в частности, грамматику этого языка (1976). Кроме него он занимался близким к панджаби языком догри, а также языком ленди, или лахнда, который считают языком западнопанджабской группы.

Сингальский язык входил в область научных интересов Т.Я. Елизаренковой, рассматривавшей прежде всего его фонетические и морфологические особенности в сравнении с другими индоиранскими языками.

Непальский язык был основным предметом исследований Николая Ивановича Королева (08.01.1928-18.02.1995), который пришел в Отдел, как и Ю.А. Смирнов, в 1958 г. и работал в нем до конца своих дней. Кроме непальского, Н.И. Королев изучал также ряд тибето-гималайских языков (см. выше разд. 1.2).

Язык маратхи, прежде всего его морфологические категории и их функции, исследовала Людмила Алексеевна Бархударова (Чернова) (род. 13.01.1935), работавшая в Отделе в 1962-1983 гг. Языком синдхи занималась в 1964-1971 гг. Раиса Петровна Егорова (род. 16.01.1932), опубликовавшая в 1971 г. его очерк.

Дардские языки, составляющие другую группу индоиранской группы, изучал, будучи сотрудником Отдела (1968-1973 гг.), Борис Алексеевич Захарьин (род. 01.04.1942), перешедший затем в ИСАА МГУ и теперь заведующий там кафедрой индийской филологии. Основным предметом его исследований в этой области являлся кашмири.

С 2000 г. в Отделе дардскими языками занимается Антон Ильич Коган (род. 09.10.1975), рассматривающий их прежде всего с позиций сравнительно-исторического анализа. Он, в частности, уточнил место дардских языков внутри арийской языковой общности, показав, что дардская языковая группа не может возводиться к древнеиндийскому языку, но обладает генетической самостоятельностью в кругу индоиранских языков. Исследования А.И. Когана охватывают также социолингвистическую и конкретно-лингвистическую проблематику. Из дардских языков он уделяет наибольшее внимание языкам восточnodардской подгруппы (кашмири, шина, пхалура, майян, торвали и башкарик).

2.2. Дравидийские языки Индии

Дравидийские языки Индии исследовались в Отделе почти исключительно Михаилом Сергеевичем Андроновым (24.02.1931-17.06.2008). Это крупнейший специалист в области дравидологии, которому принадлежат, в частности, два очерка тамильского языка (1960, 1962 гг.), его самая полная отечественная грамматика (1966, 1987, 1989, 2003, 2004 гг.), русско-тамильский словарь (в соавторстве; 1965, 1989 гг.), а также множество работ по другим дравидийским языкам. Он автор очерка (1993 г.) и грамматики (1996 г.) языка малаялам, очерка (1962, 1977, 1982 гг.) и словаря (в соавторстве; 1971 г.) языка каннада. Им впервые исследованы и описаны такие языки, как брауи (1971, 1980, 2001, 2006 гг.), малто (2008 г.), курух (рукопись) и др. В описаниях этих языков М.С. Андронов сводит воедино и систематизирует данные по их фонетике, морфологии и синтаксису, а также дает исторические, диалектологические и сравнительно-исторические экскурсы, поясняющие ход исторического развития форм и конструкций описываемых языков, их происхождение и генетические связи с их аналогами в родственных языках.

Огромный вклад внесен М.С. Андроновым в сравнительно-историческое изучение дравидийских языков, в том числе в исследования по протодравидийскому языку и хронологии его распада. Ему принадлежат монографии «Дравидийские языки» (1965, 1970, 1976, 1977 гг.), «Сравнительная грамматика дравидийских языков» (1978, 1994, 2001, 2003 гг.), «Dravidian Historical Linguistics» (1999, 2001 гг.) и другие работы, где рассмотрены как общие проблемы происхождения дравидийских языков, так и

многие более частные вопросы дравидийской этимологии и грамматики. Он реконструировал фонологическую систему протодравидийского языка, исследовал историю и происхождение протодравидийских форм словоизменения, рассмотрел исторические изменения в фоно-фонологическом устройстве дравидийских языков и их синтаксисе, предложил целый ряд оригинальных этимологий, в том числе для основных этнонимов.

Научная деятельность М.С. Андропова была высоко оценена научной общественностью. В 1975 г. он был избран пожизненным членом Лингвистического общества Лудры (Linguistic Society of Ludra, г. Пуна, Индия). С 1985 г. являлся официальным рецензентом диссертаций для индийских университетов Annamalai University, Kerala University, Madurai University, Deccan college (Высшая лингвистическая школа Индии). Международный биографический центр в Кембридже присвоил ему звание «человек года» (International man of the year) за 1998/1999 гг. В России М.С. Андронов за свои научные достижения был в 1999 г. награжден Почетной грамотой РАН и Профсоюза работников РАН.

Помимо М.С. Андропова дравидийскими языками в Отделе занимался в 1960-1968 гг. Юрий Яковлевич Глазов (род. 26.12.1929). Он исследовал классический тамильский язык, рассматривая его в основном в его фонологических и морфологических аспектах, а также (совместно с Чандрой Секхаром) язык малаялам. Кроме того ему принадлежат переводы на русский язык ряда классических тамильских литературных памятников и работы по анализу их языковых особенностей. После 1968 г. Ю.Я. Глазов эмигрировал в Канаду.

С 2014 г. исследования по тамильскому языку ведет в Отделе Анна Александровна Смирнитская (род. 04.01.1978), занимающаяся в основном вопросами его лексикологии и семантики.

3. Австроазиатские языки

3.1. Кхмерский язык

Исследования австроазиатских языков, особенно кхмерского и других мон-кхмерских, ведутся в Отделе с момента его создания.

У нас с 1958 г. и до конца жизни работал основоположник отечественного кхмерского языкознания Юрий Александрович

Горгониев (16.01.1932-13.07.1972). Ему принадлежат очерк кхмерского языка (1961 г.), монография о категории глагола в современном кхмерском (1963 г.), первая систематическая научная грамматика кхмерского языка (1966 г.), первый кхмерско-русский словарь (1975, 1984 гг.), многочисленные работы по грамматическим единицам и категориям, типологии и истории развития кхмерского языка. Он изучал также историю, культуру и литературу кхмеров, исследовал литературный кхмерский язык в его соотношении с кхмерскими диалектами, переводил кхмерские сказки и легенды.

Длительное время исследования по кхмерскому и древнекхмерскому языкам в Отделе вел эмигрант из Камбоджи Лонг Сеам (25.07.1935-25.07.2007). За время работы в Отделе (1971-1998 гг.) он отредактировал и подготовил к переизданию «Кхмерско-русский словарь» Ю.А. Горгониева (2-е изд., с исправлениями, 1984 г.), написал три монографии по кхмерской лексикологии, грамматике и топонимике (resp., 1975, 1989, 1997 гг.), составил два словаря: краткий русско-кхмерский (совместно с Р.С. Плам; 1987 г.) и фундаментальный (объемом более 2 000 с.) древнекхмерско-французско-русский «Словарь древнекхмерского языка по надписям Камбоджи VI-XIV вв. (1994 г.). В 2000 г. в Пномпене была опубликована часть последнего словаря, касающаяся наиболее древнего, преангкорского периода (русские переводы древнекхмерских слов заменены в этой публикации на кхмерские). В 90-е гг. Лонг Сеам вернулся на родину, где стал директором Института национального языка и вице-президентом Королевской Академии Камбоджи. Некоторое время он был заместителем министра культуры своей страны. В 2000 г. между возглавляемым Лонг Сеамом Институтом национального языка Камбоджи и ИВ РАН было заключено международное Соглашение о научном сотрудничестве.

Другие исследователи кхмерского языка в Отделе – это Р.С. Плам, А.Ю. Ефимов, Т.Г. Погибенко. В связи с типологическими и сопоставительными исследованиями материал кхмерского языка рассматривал также Л.Н. Морев.

Розалия Сергеевна Плам (род. 14.07.1933) работала в Отделе в 1960-1966 г., исследуя в основном фонологическую и слоговую систему кхмерского языка. В дальнейшем она перешла на преподавательскую работу в МГИМО, но продолжала и исследо-

вательскую деятельность, в том числе вела совместные научные разработки с Лонг Сеамом.

Александр Юрьевич Ефимов (род. 14.05.1952), работавший в Отделе в 1974-1989 гг., исследовал кхмерский и другие мон-кхмерские языки прежде всего с точки зрения истории их развития, особенно фонетического, и реконструкции представленных в них единиц и систем. Кроме кхмерского, он рассматривал и ряд малых языков Вьетнама, в том числе относящийся к кхмерской подгруппе язык ма. Работа по языку ма продолжается и в настоящее время: готовится к печати посвященная ему совместная монография А.Ю. Ефимова и Т.Г. Погибенко.

Тамара Григорьевна Погибенко (род. 10.03.1948), пришедшая в Отдел в 1976 г., также начинала свои лингвистические исследования с кхмерского языка. В его освоении ей оказывал неоценимую помощь Лонг Сеам, с которым она длительное время работала в непосредственном контакте. Работая над переводом на русский язык французской части статей созданного Лонг Сеамом «Словаря древнекхмерского языка», Т.Г. Погибенко заинтересовалась также древнекхмерским языком, и ряд ее исследований посвящен различным аспектам грамматического строя кхмерского и древнекхмерского языков, а также изучению развития кхмерского языка в диахронии. Однако уже в первых своих работах Т.Г. Погибенко не ограничивается только этими языками, но включает также материал других австроазиатских языков (см. ниже раздел 3.3).

3.2. Вьетские (вьет-мыонгские) языки

Среди вьетских, или вьет-мыонгских, языков первоочередное внимание исследователей Отдела привлекал вьетнамский язык. Им еще в 50-60-е гг. занимались В.М. Солнцев, Ю.К. Лекомцев и Т.Т. Мхитарян, которые совместно с И.И. Глебовой опубликовали очерк этого языка (1960 г.).

Юрию Константиновичу Лекомцеву (13.09.1929-22.09.1984) принадлежит монография о структуре вьетнамского простого предложения (1964) и еще ряд фундаментальных работ по вьетнамской грамматике. Ученый использовал вьетнамский языковой материал – как и материал ряда других языков, в частности кхаси, тагальского, тибетского, языков мунда, – также в своих общетеоретических изысканиях по таким проблемам, как понятие линг-

вистических иерархий, теория языковой сочетаемости, теория различения, метаязык и формальный язык лингвистики.

Татьяна Тихоновна Мхитарян (род. 30.08.1923), работавшая в Отделе в 1956-1965 гг., занималась вьетнамской фонетикой и письменностью, а также проблемами дифференциации грамматических классов и определения морфологической структуры слова.

Позже фонетикой вьетнамского языка позже занялся А.Ю. Ефимов. В отличие от названных выше ученых, он рассматривал ее не с синхронной точки зрения, а в сравнительно-историческом плане.

Вьетнамской лексикологией и синтаксисом сложного предложения занималась в 60-70-х гг. Идалия Евсеевна Алёшина (29.06.1996–22.07.2001), в 1976 г. ушедшая на преподавательскую работу, затем в Институт языкознания РАН.

В 80х гг. лексическую систему вьетнамского описывал стажер В.М. Солнцева Нгуен Ван Тхак (род. 01.08.1934), работавший в Отделе в 1980-1987 гг. и в 1985 г. защитивший диссертацию «Адаптация иноязычных элементов во вьетнамском языке». Исследования вьетнамского языка в его сопоставлении с русским вела Нгуен Туэт Минь, защитившая под руководством В.М. Солнцева кандидатскую диссертацию «Повелительное наклонение русского глагола в сопоставлении с вьетнамским языком» (1970), а в середине 80-хх гг. (1986-1987 гг.) работавшая в Отделе в рамках договора о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом общественных наук СРВ. Договор предусматривал создание вьетнамско-русского словаря, работа над которым и была начата в это время. В 1987 г. все сотрудники-вьетнамцы перешли в Институт языкознания, директором которого стал в это время В.М. Солнцев, и работа над словарем продолжалась уже на этой базе.

В середине 90-х гг. аспирант Отдела Гуинь Ба Лан под руководством Н.В. Солнцевой подготовил и защитил диссертацию «Классификаторы в системе частей речи во вьетнамском языке».

Сама Н.В. Солнцева рассматривала вьетнамский язык прежде всего в плане общей теории и типологических сопоставлений. Она активно участвовала также в работе над составлявшимся в Институте языкознания РАН совместно с вьетнамскими учеными «Большим вьетнамско-русским словарем» (первый том которого вышел в 2006 г.). Н.В. Солнцева стала ответственным

редактором этого словаря и разработала для него структуру словарных статей, ориентированную на интеграцию грамматического и лексикографического описания. Она явилась также одним из авторов и редакторов созданного на этой базе «Нового большого вьетнамско-русского словаря» (2012 г.).

В типологическом аспекте материал вьетнамского языка привлекался также Л.Н. Моревым.

Вьет-мыонгские языки в целом изучала уже упоминавшаяся И.Е. Алёшина. Сравнительно-исторические изыскания по этим языкам проводила безвременно ушедшая из жизни Наталья Ксенофонтовна Соколовская (03.11.1945-25.04.1985), работавшая над классификацией языков данной группы, над созданием их сравнительно-этимологического словаря, над реконструкцией фонологической системы вьетмыонгского праязыка. Материал вьетмыонгских языков постоянно привлекает в своих общетипологических и сравнительно-исторических исследованиях также Т.Г. Погибенко (см. ниже).

Целый ряд вьет-мыонгских языков исследовались в рамках Советско-Вьетнамской (затем Российско-Вьетнамской) лингвистической экспедиции, обследовавшей языки малых народов Вьетнама (см. разд. 4).

3.3. Другие австроазиатские языки

Упомянутые выше кхмерский, ма и вьетские языки принадлежат к одной и той же – мон-кхмерской – группе (или ветви) австроазиатской языковой семьи языков. Однако данная группа не исчерпывается только названными языками, но включает помимо них целый ряд других языков и языковых подгрупп. Кроме того, в австроазиатской семье выделяются наряду с мон-кхмерской еще две языковые группы: языки мунда и никобарские языки.

Из других языков мон-кхмерской группы в Отделе изучаются, в частности, аслийские, бахнарические, катуические, кхаси, кхмуические, монические и палаунгические. Все они так или иначе учитываются в исследованиях А.Ю. Ефимова и Т.Г. Погибенко по языкам австроазиатской семьи. При этом А.Ю. Ефимов в период своей работы в Отделе уделял специальное внимание бахнарическим и катуическим языкам. Т.Г. Погибенко рассмат-

ривает кроме них также аслийские, палаунгические и другие мон-кхмерские языки.

Говоря о исследователях языков мунда, следует прежде всего назвать уже упомянутого в предыдущем разделе Ю.К. Лekomцева, работавшего с относящимся к этой языковой группе языком сантали.

В настоящее время материал языков мунда, как и никобарских языков, составляющих третью ветвь австроазиатской языковой семьи, широко использует Т.Г. Погибенко в своих исследованиях по австроазиатским языкам в целом.

В сферу научных интересов Т.Г. Погибенко входит сравнительное изучение различных аспектов морфологии, синтаксиса, семантики, прагматики, структуры дискурса в австроазиатских языках: аффиксация, инактивность, негация и вопрос, глагольные и именные конструкции, полипредикация, семантические типы предикатов (каузальные, аффективные, оценочные) и др.

В ее фундаментальных трудах «Австроазиатская аффиксация и полипредикация. Сравнительно-историческое исследование» (2008 г.) и «Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции» (2012 г.) впервые обобщается и включается в конкретный типологический и диахронический контекст наиболее центральный фрагмент грамматического строя австроазиатских языков – формы выражения зависимой предикации. При этом, как уже отмечалось, учитываются все группы австроазиатских языков, включая языки мунда и никобарские, привлекаются полевые материалы по ряду мон-кхмерских языков Вьетнама, широко используются данные древнекхмерского языка.

4. Языки малых народов Вьетнама ¹

Языки малых народов Вьетнама относятся к различным семьям, разным типологическим типам и макротипам. Среди них есть австроазиатские (в основном мон-кхмерские и вьетские), австронезийские, тай-кадайские, мяо-яо и другие.

В связи с исследованием этих языков следует еще раз подчеркнуть важную роль Вадима Михайловича и Нины Васильевны Солнцевых. В.М. Солнцев организовал в конце 70-х гг. XX в.

¹ Автор выражает благодарность Т.Г. Погибенко, прочитавшей данный раздел и сделавшей ряд важных уточнений и дополнений.

совместную Советско-Вьетнамскую лингвистическую экспедицию, которой он, а затем Н.В. Солнцева много лет успешно руководили. Заместителем руководителя советской части Советско-вьетнамской лингвистической экспедиции в 1979-1994 гг. был Ю.Я. Плам. Все они, как и ряд других участников экспедиции – Н.Ф. Алиева, А.Ю. Ефимов, Т.Г. Погибенко, Н.К. Соколовская – были удостоены за эту работу правительственных наград СРВ. При участии сотрудников Отдела было проведено 10 экспедиционных сезонов, в ходе которых были обследованы 22 языка.

В.М. Солнцев в рамках этой экспедиции, помимо осуществления общего руководства, лично участвовал в работе по сбору материала по языкам, обследовавшимся в I–VIII полевых сезонах, и был одним из соавторов лингвистического очерка по языку рук (2001 г.). Ю.Я. Плам участвовал в сборе материала по языкам, обследовавшимся в I–V полевых сезонах.

Н.В. Солнцева принимала участие в сборе материала по таким языкам, как шокчангский диалект кхмерского языка, австронезийский язык чам, мон-кхмерские языки рук и таойх (вьет-мыонгская группа), кату (катуическая группа), тай-кадайские языки пупео (иначе кабео), лати, лаха (кадайская группа); зай, каолан, нунг (тайская группа); язык патхэн, относящийся к семье мяо-яо, и др. Ею (в соавторстве с вьетнамским языковедом Хоанг Ван Ма) был написан лингвистический очерк языка лаха (1986 г.). При ее участии были подготовлены лингвистические очерки по языкам рук (2001 г.), нунг (рукопись), лати (рукопись); велась работа над описаниями языков пупео, кату, зай.

Активное участие в работе по исследованию языков малых народов Вьетнама на протяжении многих лет принимает Т.Г. Погибенко. В рамках экспедиции она участвовала в сборе материала по шокчангскому диалекту кхмерского языка, по мон-кхмерским языкам ксингмул (группа кхму), ма (кхмерская группа), кату (катуическая группа), мыонг и рук (вьетская группа), пнонг (бахнарическая группа), по тай-кадайскому языку зай, по малайско-полинезийским языкам австронезийской семьи чам и тьру, по языку патхэн (семья мяо-яо). Кроме того она исследовала язык кэхо, относящийся к бахнарической группе мон-кхмерских языков. Совместно с вьетнамским исследователем Буй Кхань Тхе ею был написан лингвистический очерк языка ксингмул (1990 г.), совместно с А.Ю. Ефимовым – лингвистический очерк языка ма (рукопись).

А.Ю. Ефимов, помимо соавторства с Т.Г. Погибенко в работе над очерком языка ма, принимал участие также в сборе материала по шокчангскому диалекту кхмерского языка, монкхмерским языкам ксингмул, ма, кату, рук, по тайскому языку зай, по австронезийским языкам тьру, чам, по языку патхэн (семья мяо-яо).

Язык мыонг, помимо Н.В. Солнцевой и Т.Г. Погибенко, исследовала также Н.К. Соколовская, которая совместно с Нгуен Ван Таи подготовила по материалам экспедиции 1979 г. его лингвистический очерк (1987 г.). Она также принимала участие в сборе материала как по языку мыонг, так и по другим монкхмерским языкам: вьетским языкам арем, понг, таойх, катуическому языку ванкиеу, а кроме монкхмерских – по тайкадайским языкам лаха, пупео, австронезийскому языку чам и по относящемуся к семье мяо-яо языку хмонг.

Язык арем в 1989 г. начинала изучать также Н.В. Омелянович (см. о ней выше в разд. 1.2).

Австронезийскими языками Вьетнама – чам и тьру (чру) занимались соответственно Н.Ф. Алиева в соавторстве с вьетнамским исследователем Буй Кхань Тхе и А.В. Фёдоров. Экспедиционные материалы по языку тьру привлекала в своих исследованиях также тагалист Л.И. Шкарбан. Она принимала участие и в подготовке книги по этому языку (до сих пор не опубликованной). Об этих ученых см. также ниже в разд. 5).

В работе Советско-Вьетнамской лингвистической экспедиции в конце 70-х – начале 80-х гг. участвовала также Ирина Владимировна Самарина, работавшая в Отделе в 1975-1987 гг., а затем продолжившая свою научную деятельность в Институте языкознания РАН. Она была, в частности, членом редакционной группы монографий по языкам мыонг и ксингмул и входила вместе с В.М. Солнцевым и Н.В. Солнцевой в авторский коллектив монографии «Язык рук».

В IV полевом сезоне экспедиции участвовал также В.И. Беликов (см. о нем ниже в конце разд. 5).

5. Австронезийские языки

Исследования по австронезийским языкам в Отделе вели прежде всего Ю.Х. Сирк, Н.Ф. Алиева, Е.А. Кондрашкина, Л.И. Шкарбан, А.С. Тесёлкин, А.В. Фёдоров и др.

Юло Хеннович Сирк (05.04.1935-15.12.2011), отдавший работе в Отделе более 45 лет (1964-2011 гг.), известен как выдающийся специалист в области как синхронного, так и сравнительно-исторического изучения австронезийских языков. Результаты, полученные им в этой области, сведены воедино в его капитальной монографии «Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение» (2008). В ней автор рассмотрел происхождение, внешние связи и распространение австронезийских языков на Малайском архипелаге и в Океании; дал важнейшие схемы их классификации, провел реконструкцию праавстронезийского и прамалайско-полинезийского языков, выделил критерии объединения большинства австронезийских языков в малайско-полинезийскую группу. Он указал также грамматические характеристики раннеавстронезийского языка и некоторые грамматические особенности австронезийских языков Индонезии и Океании, появившиеся позднее австронезийской стадии.

Кроме сравнительно-исторических изысканий, Ю.Х. Сирку принадлежит ряд конкретно-лингвистических работ по индонезийскому языку, включая фундаментальную «Граматику индонезийского языка» (совм. с Н.Ф. Алиевой, В.Д. Аракиным, А.К. Оглоблиным; 1972, 1991 гг.). Помимо этого, он впервые в России исследовал и описал бугийский язык (1975, 1979, 1983, 1996 гг.) – один из основных языков южносулавесийской группы австронезийской языковой семьи. Ю.Х. Сирк не только рассмотрел фонологию, графику, грамматический строй и словарный состав бугийского языка, но и показал его место среди родственных ему языков, а также дал сведения о бугийских территориальных диалектах и наддиалектных формах речи.

Большое внимание в своих исследованиях Ю.Х. Сирк уделял также вопросам связи языка с экономической и бытовой стороной существования народа.

В 2000 г. Ю.Х.Сирк был избран председателем научного общества «Нусантара», занимающегося исследованием языков, истории и культуры народов Индонезии, Малайзии, Филиппин и других регионов Малайского мира. В 2001 г. за исследования по исторической грамматике австронезийских языков он был награжден эстонским орденом Белой Звезды (IV класс). В 2008 г. в издательстве LINCOM EUROPA (Мюнхен) в честь Ю.Х. Сирка как одного из виднейших австронезистов мира был опубликован

сборник «Language and Text in the Austronesian World» (ред.-сост. Ю.А. Ландер, А.К. Оглоблин).

Наталья Фёдоровна Алиева (27.06.1931-02.10.2015), работавшая в Отделе почти 60 лет (1959-2015 гг.), занималась прежде всего индонезийским языком, его грамматическим строем и типологическими характеристиками. Она является автором или соавтором целого ряда крупных работ, посвященных общему описанию этого языка (1960, 1991 гг.), его грамматике (1972, 1991 гг.), в том числе в общетеоретическом плане (1980 г.), а также отдельным языковым категориям: переходности (1975 г.), притяжательности (1995 г.), посессивности (1998 г.), времени и наклонения (2004) и др. Особое внимание Н.Ф. Алиева уделяла в своих исследованиях проблеме аналитизма и синтетизма при выражении в индонезийском языке грамматических категорий и построении лексических единиц.

Еще одним из австронезийских языков, детально исследованных Н.Ф. Алиевой, явился язык чам, распространенный в настоящее время в одном из районов Вьетнама. Совместно с другим нашим сотрудником того времени – вьетнамским исследователем Буй Кхань Тхе Н.Ф. Алиевой выполнено описание одного из диалектов этого языка (1999 г.), опирающееся на полевые материалы, собранные в 1979 г. Советско-Вьетнамской лингвистической экспедицией. В рамках этой экспедиции Н.Ф. Алиева принимала также активное участие в разработке грамматических анкет для полевого обследования и в сборе полевых материалов по отдельным языкам (прежде всего мьонг и ксингмул).

Большое место в исследованиях Н.Ф. Алиевой занимало изучение и сопоставление типологических особенностей разноструктурных языков Юго-Восточной Азии, в том числе анализ изоморфизма уровней и типологических контрастов, типов глагольных систем, явлений грамматикализации, сложных семантико-грамматических категорий и структурных особенностей средств их выражения (например, редупликации, сериальных, полипредикативных и других усложненных синтаксических конструкций). Обобщающие результаты ее многолетней работы в этом направлении представлены в монографии «Структурно-типологическое исследование языков Юго-Восточной Азии» (2015 г.), где впервые построена подробная классификация языков данного региона на структурные типы, показано многообразие этих типов, от

полностью аналитических до высоко синтетических систем, и проведено их систематическое сопоставление.

Обращала внимание Н.Ф. Алиева и на социолингвистическую проблематику, исследуя языковую ситуацию в Индонезии, а также ареальные контакты в регионе, в том числе воздействие моносиллабических языков на языки другой типологии, например, на язык чам.

О научном авторитете Н.Ф. Алиевой говорит среди прочего то, что с 1998 г. она была членом-корреспондентом Бюро Европейской ассоциации по изучению Юго-Восточной Азии, в течение многих лет являлась вице-президентом Общества «Нусантара».

Предметом исследований Елены Алексеевны Кондрашкиной (род. 10.04.1935), работавшей в Отделе в 1960-1992 гг., были социолингвистические проблемы существования и развития индонезийского языка. Ею опубликована фундаментальная монография по языковой ситуации и языковой политике в Индонезии (1986 г.).

Около пяти лет (в 1956-1961 гг.) в Отделе работал также такой известный австронезист, как Авенир Степанович Тесёлкин (12.02.1930-21.01.2016). За эти годы он успел опубликовать два лингвистических очерка: по индонезийскому языку (совм. с Н.Ф. Алиевой; 1960 г.) и по яванскому языку (1961 г.), а также начал работу по древнеяванскому языку (Кави), вышедшую из печати в 1963 г. – уже после его ухода из Отдела. Но и в дальнейшем, работая в других организациях, он поддерживал тесные научные связи с индонезистами Отдела, прежде всего с Н.Ф. Алиевой.

Лина Ивановна Шкарбан (род. 17.05.1937), пришедшая в Отдел в 1959 г. и плодотворно работавшая в нем до октября 2015, когда она вынуждена была по болезни оставить активную научную деятельность, исследовала преимущественно тагальский язык, принадлежащий к филиппинской подсемье австронезийской семьи. В ее работах рассматриваются различные аспекты морфологии тагальского языка, связь его грамматики с фонологией и особенно со слоговой структурой, проблемы выделения в этом языке частей речи и других классов слов, основные виды его грамматических категорий и конструкций, особенно залоговых, специфика тагальского порядка слов и т.д. В ее фундаментальной монографии «Грамматический строй тагальского языка» (1995 г.) представлено первое в отечественном

языкознании развернутое описание этого языка, содержащее детальную характеристику всех основных аспектов его грамматики: фонологии, морфонологии, частей речи, синтаксиса. Особое внимание в этом описании уделено семантико-грамматической оппозиции «волитивность-инволитивность», важной для всего грамматического строя тагальского языка, его чрезвычайно сложной аффиксальной системе, особенностям выражения субъектно-объектных отношений и другим его типологическим характеристикам.

В сферу научных интересов Л.И. Шкарбан входили также и другие филиппинские языки: биколь, пангасинан, илокано, капампанган, себуано, хилигайнон, – рассматривавшиеся ею в основном в сопоставительном плане. Предметом ее исследований были фонология и морфонология этих языков, морфологические свойства функциональных классов слов в них, особенности организации синтаксиса. Особое внимание Л.И. Шкарбан уделяла согласованности в этих языках свойств лексикона и синтаксиса.

Л.И. Шкарбан участвовала также в работе Советско-Вьетнамской лингвистической экспедиции (см. выше разд. 4), для которой разработала диагностическую анкету «Части речи», успешно использовавшуюся без каких-либо модификаций во всех экспедиционных сезонах.

Тагальский языковой материал привлекал в своих исследованиях также Ю.К. Лекомцев (см. разд. 3.2), использовавший его в типологических сопоставлениях.

Еще двумя австронезийскими языками: малагасийским (мальгашским) и тьру (чру) вплотную занимался в 1984-1990 гг. младший научный сотрудник Отдела Александр Всеволодович Фёдоров (род. 24.01.1957). Он выполнил, в частности, сопоставление названных двух языков, один из которых – малагасийский – является самым западным из малайско-полинезийских языков австронезийской семьи, а другой – тьру – принадлежит к горной подгруппе северной группы чамийской ветви этой семьи. Сравнив эти, географически и типологически весьма удаленные языки между собой, он получил ряд нетривиальных результатов, составивших базу его кандидатской диссертации и заслуживших высокую оценку Н.Ф. Алиевой [Алиева 2010, с. 36].

С точки зрения общей типологии и компаративистики австронезийские языки рассматривала также Н.В. Солнцева, изучав-

шая, в частности, проблемы связей австронезийских языков с языками других семей, в том числе с алтайскими и австроазиатскими.

Наконец, следует отметить, что у нас изучались, помимо других, языки Океании, в том числе пиджины и креольские. Ими более 20 лет (в течение 1983-2004 гг.) плодотворно занимался в Отделе Владимир Иванович Беликов (род. 13.03.1950), теперь работающий в МГУ. Он исследовал эти языки как с точки зрения их генетической и типологической классификаций, так и – в первую очередь – в социолингвистическом плане.

6. Тай-кадайские языки

Из языков тай-кадайской семьи в Отделе исследовались прежде всего тайский и лаосский языки, а также ряд менее известных у нас языков (лы, сэк, шанский, чжуанский, нунг, зай и др.).

Тайский язык и лаосский языки были основным предметом исследований Л.Н. Морева и Ю.Я. Плама.

Лев Николаевич Морев (21.02.1928-15.06.2012), сотрудник Отдела со дня его создания и до конца жизни, является одним из авторов лингвистических очерков тайского (совм. с Ю.Я. Пламом и М.Ф. Фомичевой; 1961 г.) и лаосского (совм. с А.А. Москалёвым и Ю.Я. Пламом; 1972 г.) языков, автором монографии по основам тайского синтаксиса (1964 г.), составителем тайско-русского словаря (1964 г.) и русско-лаосского учебного словаря (1985, 1988 гг.), одним из авторов лаосско-русского словаря (совм. с В.Х. Васильевой и Ю.Я. Пламом; 1982 г.) и учебного русско-лаосского словаря (совм. с Е.И. Кедайтене и В.И. Митрохиной; 1984, 1987 гг.), руководителем авторского коллектива русско-лаосского словаря, подготовленного совместно Институтом востоковедения и Институтом языкознания РАН в сотрудничестве с ЛНДР (2004 г.). Он разработал основные типологические признаки тайских языков и их сопоставительную грамматику (1991).

Из других языков тай-кадайской семьи Л.Н. Морев исследовал прежде всего язык лы, шанский язык и язык сэк. Очерки всех трех языков были опубликованы им в серии «Языки народов Азии и Африки» (соответственно в 1978, 1983 и 1988 гг.).

Л.М. Морев уделял значительное внимание также сопоставлению разноструктурных языков тай-кадайской семьи между собой и с другими языками Юго-Восточной Азии, прежде всего в сфере синтаксиса. Большое место в его исследованиях занимали

явления иконичности в языках региона, проблемы грамматикализации, классификаторы как средство языковой категоризации, соотношение коммуникативного задания и синтаксической структуры, прагматики и порядка слов, способы и средства выражения различных грамматических категорий (сравнения, отрицания, инструменталиса, локатива и др.) и т.п.

Много занимался Л.Н. Морев и социолингвистическими проблемами, исследуя языковые ситуации в Лаосе, Таиланде и других странах Индокитая, проблемы языковой политики и языкового строительства, роль языка в этом регионе как фактора становления национальных государств, взаимодействие разных религий и культур в этих странах в условиях характерного для данного региона языкового разнообразия и т.п.

Заслуги Л.Н. Морева в развитии дружбы и сотрудничества с Лаосом были отмечены тремя правительственными наградами ЛНДР – медалью «Дружба» (2000 г.), орденом «Дружба» (2006 г.) и орденом Труда 2-й степени ЛНДР (2008 г.). Он получил также Почетную грамоту от Министерства информации и культуры ЛНДР (2004 г.) в знак признания его заслуг и достижений в деле издания совместного Русско-лаосского словаря. В нашей стране Л.Н. Морев за свои научные успехи был в 1999 г. награжден Почетной грамотой РАН и Профсоюза работников РАН, в 2008 г. – Почетной грамотой Московской городской Думы.

Юрий Яковлевич Плам (07.11.1921-28.03.1994) в течение всех 30 лет, которые он был сотрудником Отдела (1958-1987 гг.), изучал, как и Л.Н. Морев, прежде всего тайский и лаосский языки (из сказанного выше видно, что ряд научных описаний и словарей выполнены ими в соавторстве). Особое внимание в своих исследованиях Ю.Я. Плам уделял морфологическим категориям тайского глагола, которым посвятил отдельную монографию (1965 г.). Последние несколько лет он работал по той же тематике в Институте языкознания РАН.

С самого начала существования Отдела тайский язык наряду с Л.Н. Моревым и Ю.Я. Пламом исследовали Ю.Л. Благоднарова и В.Х. Васильева.

Юлия Львовна Благоднарова (01.02.1931-06.01.1997), работавшая в Отделе с 1961 по 1993 г., интересовалась прежде всего атрибутивными связями в тайских именованных словосочетаниях, особенностями бытийных и односоставных предложений, спецификой тайских классификаторов. В своих исследованиях Ю.Л. Бла-

гонравова затрагивала также некоторые характерные для тайских языков фонологические явления, происходящие в этих языках языковые изменения, вопросы их генетических и ареальных связей. Специальное исследование было посвящено ею, как уже отмечалось в разд. 1.3, языку хайнаньских ли.

В.Х. Васильева, по сообщению Л.Н. Морева, занималась проблемой глагольно-объектных отношений в тайском языке [Морев 2010].

В 1982-1994 гг. тайским языком занималась в Отделе Марина Вильгельмовна Новикова (Грунд, род. 19.12.1953), но в дальнейшем она ушла из востоковедения, переключившись на психологическую проблематику.

Лаосский язык помимо Л.Н. Морева и Ю.Я. Плама изучал А.А. Москалёв, упоминавшийся выше в связи с исследованиями по китайскому языку (разд. 1.1). Он же, а до него – Г.П. Сердюченко занимались чжуанским языком.

Еще один язык тай-кадайской семьи – язык нунг – обследовался в рамках Советско-Вьетнамской лингвистической экспедиции как один из языков малых народов Вьетнама (см. выше разд. 4).

7. Современные исследователи языков Южной и Юго-Восточной Азии

К сожалению, большинство из названных выше ученых в Отделе уже не работают. Многих уже нет, кто-то перешел в другие учреждения. Но их работы остаются прочным фундаментом для позднейших исследователей.

Сейчас из специалистов по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе остались двое Китаистов, трое индологов и один специалист по австронезийским языкам.

С китайским языковым материалом работают К.А. Кожа и О.А. Масыгина (Лесько).

К.А. Кожа занимается преимущественно социолингвистическими аспектами Китаистики, в частности, языковой интерференцией и другими явлениями межъязыкового взаимодействия, наблюдаемыми в развитии китайского языка и особенно в языке молодого поколения китайцев. Интересует ее также история изучения китайского языка в России.

О.А. Масыгина (Лесько) начала работу по формализованному описанию китайского синтаксиса в рамках задач автоматической обработки текстов, но в настоящее время отошла от нее по семейным обстоятельствам.

Около года у нас работала Инна Павловна Карезина, но ее исследования связаны больше с изучением китайских литературных памятников, чем с языкознанием как таковым.

Индологи Отдела – это прежде всего Владимир Петрович Липеровский, а также Антон Ильич Коган и Анна Александровна Смирнитская.

В.П. Липеровский – наш ветеран и юбиляр этого года (13 августа 2017 г. ему исполнилось 90 лет) – продолжает дело всей своей жизни: исследования языка хинди в его современном состоянии. В настоящее время, несмотря на пошатнувшееся в последние годы здоровье, он завершает очередную свою работу по этому языку – «Краткую грамматику современного литературного языка хинди».

Об исследованиях А.И. Когана, занимающегося прежде всего дардскими языками, и о работе А.А. Смирнитской, изучающей тамильский язык, уже упоминалось выше (см. соответственно разд. 2.1.3 и 2.2).

Кроме того в Отдел только что зачислена Анастасия Сергеевна Крылова – выпускница РГГУ, в настоящее время работающая над проблемами исторической фонетики индоарийского языка кулли.

Санскритологов, к сожалению, нет.

Не осталось и специалистов по австронезийским языкам. Еще недавно ими занимался Юрий Александрович Ландер (род. 14.09.1977). В сферу его научных интересов входили преимущественно типологические исследования: по структуре именных групп в западных малайско-полинезийских языках, по счетным, партитивным, посессивным, ирреальным конструкциям этих языков, по редукации, показателям единичности и др. В 2001 г. он получил премию Общества «Нусантара» за лучшую работу по культуре Малайзии и Индонезии. Однако в последнее время он практически полностью переключился на кавказские языки.

По австроазиатским языкам имеется единственный специалист – уже упоминавшаяся Тамара Григорьевна Погибенко.

Значительно слабее стали в этой области и связи с высшей школой. Двадцать лет назад, в 1997-1998 учебном году, сотруд-

ники Отдела преподавали такие языки Южной и Юго-Восточной Азии, как бугийский, китайский, курдский, кхмерский, лаосский, тайский, хинди, яванский, вели курсы теоретической грамматики китайского и кхмерского языков, китайской лексикологии, древнекитайского языка. Преподавался и ряд теоретико-лингвистических курсов, опирающихся на материал языков региона: по теории грамматикализации, по сравнительно-историческому языкознанию, по типологии полипредикативных конструкций и др. Сейчас остались только лекционный и семинарский курсы в ИСАА МГУ «Теоретическая грамматика кхмерского языка» и курсы для аспирантов ИВ РАН: модуль «Современные методы синтаксического анализа» в составе коллективного курса «Теоретико-методологические аспекты общей и востоковедной лингвистики» и курс по выбору «Теоретическая грамматика изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии». Все их читает Т.Г. Погибенко.

Тем не менее хочется верить, что положение рано или поздно изменится и исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии еще будут востребованы.

Литература

1. Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г.* М.: ИВ РАН, 2010. С. 27-54.
2. Елизаренкова Т.Я. Об изучении санскрита в Отделе языков // *Языки Азии и Африки: Традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г.* М.: ИВ РАН, 1998. С. 25-27.
3. Кадырова О.М. К истории востоковедной лингвистики; языковедческие исследования в ИВ РАН // *История востоковедения: традиции и современность.* М.: ИВ РАН, 2015. С. 170-197.
4. Милибанд С.Д. (сост.). *Востоковеды России. XX – начало XXI века. Библиографический словарь. В двух книгах.* М.: Вост. лит., 2008. Книга I: А–М.– 968 с. Книга II: Н–Я. – 1005 с.
5. Михайлова Т.А., Ландер Ю.А. *Избранная библиография научных трудов сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки (К 40-летию со дня образования отдела).* М.: ИВ РАН, 2002. 77 с.

6. Л.Н. Морев. Тайское языкознание в Институте востоковедения РАН и в России за 50 лет // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»*: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 59-72.
7. Солнцева Н.В. В.М.Солнцев // *Отечественные лингвисты XX века*. Т. 2. М., 2003. С. 283-289.
8. Тамазишвили А.О. Направления, организация, некоторые особенности и итоги работы ИВ АН СССР в области языкознания (1950-1957 гг.) // *Языки Азии и Африки: Традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г.* М.: ИВ РАН, 1998. С. 114-115.
9. Шаляпина З.М. Нина Васильевна Солнцева: памяти ученого // *Вестник РГГУ*. № 8(130). Сер. «Филологические науки. Языкознание». *Московский лингвистический журнал*. Том 16. М., 2014. С. 209-215.
10. Шаляпина З.М. Н.В. Солнцева. Биобиблиографическая справка (сост. З.М. Шаляпина) // *Вестник РГГУ*. № 8(130). Сер. «Филологические науки. Языкознание». *Московский лингвистический журнал*. Том 16. М., 2014. С. 215-223.

**Выборочная библиография по языкам
Южной и Юго-Восточной Азии, исследуемым
в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН**
(сост. З.М. Шалыпина)

Ниже перечислен ряд трудов по языкам Южной и Юго-Восточной Азии, которые опубликованы или подготовлены сотрудниками Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН в период их работы в Отделе, но либо не включены в статьи соответствующих авторов в справочниках: «Востоковеды России. XX – начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В двух книгах» (Сост. С.Д. Милибанд. М.: Вост. лит., 2008) и «Избранная библиография научных трудов сотрудников Отдела языков народов Азии и Африки (К 40-летию со дня образования отдела)» (сост. Т.А. Михайлова, Ю.А. Ландер. М.: ИВ РАН, 2002), либо сведения, указанные для них в этих справочниках, требуют уточнения¹. Поэтому имена тех сотрудников Отдела (в основном старшего поколения), для которых нам нечего добавить к описаниям, имеющимся для них в двухтомнике С.Д. Милибанд, здесь не упоминаются. Для тех, кто оказался не включен в этот двухтомник, мы позволили себе в отдельных случаях продублировать некоторые сведения, указанные для них в «Избранной библиографии». Но в основном в предлагаемый перечень включены публикации, не упомянутые ни в том, ни в другом справочнике, прежде всего те, что вышли в свет уже после их завершения.

Алиева Н.В.

1. Алиева Н.Ф. К вопросу о классификации корневых морфем в индонезийском языке // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 163-173.
2. Алиева Н.Ф. К вопросу о членении индонезийского предложения // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы синтаксиса* / Ред. Алиева Н.Ф., Плам Ю.Я. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 215-228.
3. Алиева Н.Ф. Эволюционно-типологические наблюдения над строем индонезийский языков // *Тезисы докладов I международного симпо-*

¹ Например, не упомянуто издательство, пропущен соавтор, неточно указаны страницы и т.п.

- зиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 9-11.
4. Алиева Н.Ф. Индонезийский язык. Малайзийский язык. Малайский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 192-193, 279-280, 280.
 5. Алиева Н.Ф. Условия эволюции стандартных литературных форм языка в Малайзии и Индонезии // *Малайзия вчера, сегодня и завтра*. М.: ИСАА МГУ, 2007. С. 12-13.
 6. Алиева Н.Ф. Типология языков Восточной Индонезии: Основные структурные особенности // *Малайско-индонезийские исследования*. Вып. XVIII. М.: ИД «Ключ-С», 2008. С. 289-302.
 7. Алиева Н.Ф. Структурная эволюция малайского языка. Соотношение средств синтетизма и аналитизма в разных текстах. Evolution of the Malay language structure: Correlation of synthetism and analytism in various texts // *Индонезийцы и их соседи. Festschrift E.B. Ревоненковой и А.К. Оглоблину. Маклаевский сборник*. Вып. 1. СПб.: Кунсткамера, 2008. С. 48-58, 412.
 8. Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г.* М.: ИВ РАН, 2010. С. 27-54.
 9. Алиева Н.Ф. Типологическое многообразие языковых структур в австронезийской семье // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы IX международной конференции (Москва, 27–28 октября 2011 года)* / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Вост. фак-т СПбГУ. М.: ИД «Ключ-С». 2011. С. 15-22.
 10. Алиева Н.Ф. *Структурно-типологическое исследование языков Юго-Восточной Азии*. М.: ИВ РАН, 2015. 168 с.

Андронов М.С.

11. Андронов М.С. Основные направления современной дравидологии // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 33-45.
12. Андронов М.С. К этимологии слов «тамил(ский)», «дравид(ийский)» // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 1. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 14-16.
13. Андронов М.С. Дравидийские языки // *Языки Азии и Африки. II. Индоевропейские языки. Иранские языки. Дардские языки. Дравидий-*

- ские языки* / Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1978. С. 317-434.
14. Андронов М.С. *A Grammar of the Brahui Language in Comparative Treatment*. München: Lincom GmbH, 2001.
 15. Андронов М.С. *A Grammar of the Tamil Language. Based on Texts of Modern and Classical literature*. Moscow: The Russian Academy of Sciences (Institute of Oriental Studies), 2003.
 16. Андронов М.С. *A Comparative Grammar of the Dravidian Languages. Revised and enlarged*. München: Lincom GmbH, 2003; Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003.
 17. М.С.Андронов. Some distinctive characteristics of the Dravidian vocabulary // *Lexikologie. Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, 2. Halbband. Berlin&New York: Walter de Gruyter, 2005. P. 1060-1064.
 18. Андронов М.С. *Brahui, a Dravidian Language*. München: LINCOM GmbH, 2006. 160 S.
 19. Андронов М.С. *Язык малто* / LINCOM EUROPA. Lincom Studies in Asian Linguistics (LSASL) 74. München: LINCOM GmbH, 2008. 62 S.

Бархударов А.С.

20. Бархударов А.С. Изучение индийских языков и индологическая конференция // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 483-489.

Бархударова (Чернова) Л.А.

21. Чернова Л.А. Структура склонения в маратхи // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 232-243.
22. Бархударова Л.А. К вопросу о падежной категории в индоарийских языках // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: Наука, 1976. С. 3-23.
23. Бархударова Л.А. Падежные формы в функции подлежащего и дополнения в маратхи // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: Наука, 1976. С. 24-36.

Беликов В.И.

24. Беликов В.И. Полинезийская именная конструкция в диахронии // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалисти-*

ческих стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 27-30.

25. Беликов В.И. (Belikov V.I.). Creolized languages of Melanesia and traditional genetic classification // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 252-261.
26. Беликов В.И. Австралийские языки. Австронезийские языки (совм. с Ю.Х. Сирком). Андаманские языки. Гавайский язык. Жестов языки. Маори. Меланезийские языки. Микронезийские языки. Науру. Океанийские языки. Полинезийские языки. Рапануи. Самоа. Таити. Тасманийский язык. Ток-писин. Тонга. Тувалу. Фиджи // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 12-13, 13-14, 34, 91, 153, 284, 292, 301, 324, 343-344, 381-382, 408, 431, 502, 506, 514, 515, 522, 543.

Бескровный В.М.

27. Бескровный В.М. Изучение индийских языков в Советском Союзе // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 18-32.

Благонравова Ю.Л.

28. Благонравова Ю.Л. Некоторые гипотезы в связи с явлением фонологической изоляции в последовательно-изолирующих языках // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 35-37.
29. Благонравова Ю.Л. *Язык хайнаньских ли*. М.: ИВ РАН, 1999. 141 с.

Быкова Е.М.

30. Быкова Е.М. Соотношение морфологии и синтаксиса и описание грамматического строя языка (на материале бенгали) // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 183-191.
31. Быкова Е. М. Факультативность? // *Восточное языкознание: факультативность* / Отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 13-20.

Глазов Ю.Я.

32. Глазов Ю.Я. Морфемы аориста в древнетамильском языке // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 340-351.

Головастик А.Н.

33. Головастик А.Н. Реконструкция фонемы *o в пралобирманском языке // *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников (языкознание, литературоведение и текстология)* / Ин-т востоковедения АН СССР. М., 1977. С. 34-36.
34. Головастик А.Н. Гипотеза вторичного происхождения тонов в лоло-бирманских языках // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. С. 255-290.

Горгониев Ю.А.

35. Горгониев Ю.А. Сочетаемость элементов слога в кхмерском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 175-191.
36. Горгониев Ю.А. Глаголы с двойной дистрибуцией в кхмерском языке // *Проблемы семантики* / Ин-т востоковедения АН СССР; отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1974. С. 167-174.
37. Горгониев Ю.А. Кхмерско-русский словарь. Около 20 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка кхмерского языка / Под ред. Тхатъ Сусига. М.: Русский язык, 1975. 952 с.
38. Горгониев Ю.А. Кхмерско-русский словарь. Изд. 2-е, с исправлениями. Около 20 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка кхмерского языка / Под ред. Лонг Сеама. М.: Русский язык, 1984. 984 с.

Егорова Р.П.

39. Егорова Р.П. Местоименные энклитики в новоиндийских языках // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 265-276.

Елизаренкова Т.Я.

40. Елизаренкова Т.Я. К описанию системы фонем сингальского языка // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 131-142.
41. Елизаренкова Т.Я. Из истории развития некоторых фонологических оппозиций в индоевропейских языках (к соотношению ингерентных и просодических оппозиций) // *«Кузнецовские чтения» 1970. Тезисы докладов конференции по фонологии и морфологии* / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1970. С. 25-27.
42. Елизаренкова Т.Я. О влиянии тамильской фонологической системы на сингальскую // *Очерки по фонологии восточных языков*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1975. С. 130-141.
43. Елизаренкова Т.Я. К типологии ведийского языка // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 75-77.
44. Елизаренкова Т.Я. О факультативности и ее особенностях в древнеиндийском языке // *Восточное языкознание: факультативность* / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 36-42.
45. Елизаренкова Т.Я. (Elizarenkova T.Y.). Morphophonology of Hindi // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 367-386.
46. Елизаренкова Т.Я. Ведийский язык. Древнеиндийский язык. Индийские (индоарийские) языки. Индоиранские) языки. Пали. Праkritы // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 82, 141, 178-179, 189-190, 362-363, 391.
47. Елизаренкова Т.Я. Об особенностях функционирования местоимений в Ригведе и Атхарваведе // *Заговорный текст. Генезис и структура*. М.: Индрик, 2005, С. 11-22.
48. Елизаренкова Т.Я. (пер., коммент.). *Атхарваведа (Шаунака): в 3-х т. Т. 2: кн. VIII-XII* / Пер. с ведийск. языка, вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2007. 293 с. (Серия: Памятники письменности Востока, вып. СXXXV, 2)
49. Елизаренкова Т.Я. (пер., коммент.). *Атхарваведа (Шаунака). В 3-х т. Том 3: кн. XIII-XIX* / Пер. с ведийск. языка, вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. М.: Вост. лит., 2010. 232 с. (Серия: Памятники письменности Востока. СXXXV, 3)

Ефимов А.Ю.

50. Ефимов А.Ю. (Yefimov A.Yu.). Main features of Proto-South Bahnaric // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 276-286.
51. Ефимов А.Ю. *Историческая фонология южнобахнарических языков*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 151 с.

Захарьин Б.А.

52. Захарьин Б.А. О фонологической интерференции (на материале хинди и английского) // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 143-154.

Звонов А.А.

53. Звонов А.А. (соавторы: Белокриницкая С.С., Волчек Г.А., Ефимов М.Б., Николаева Т.М., Тарасова Г.А.). Один из подходов к построению лексики языка-посредника // *Машинный перевод* / Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР (Вып. 2). М.: ИТМ и ВТ АН СССР, 1961. С. 5-16.
54. Звонов А.А. Анализ рамочных конструкций при бинарном машинном переводе с китайского языка на русский // *Машинный перевод* / Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР (Вып. 2). М.: ИТМ и ВТ АН СССР, 1961. С. 347-357.
55. Звонов А.А. Анализ служебных слов при бинарном машинном переводе с китайского языка на русский // *Машинный перевод* / Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР (Вып. 2). М.: ИТМ и ВТ АН СССР, 1961. С. 358-368.
56. Звонов А.А. (соавтор: Ефимов М. Б.). Опыт построения системы графического анализа иероглифической письменности // *Машинный перевод* / Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР (Вып. 2). М.: ИТМ и ВТ АН СССР, 1961. С. 413-422.

Калимов А.А.

57. Калимов А.А. (соавтор: Цунвазо Ю.) *Хуэйзю йуэнь* {Учебник дунганского языка}. *Часть I. Фонетика и морфология*. Фрунзе: Мектеп, 1970.
58. Калимов А.А. Несколько замечаний о путях развития дунганского языка // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран*. М., 1975. С. 328-332.

59. Калимов А.А. Драгунов – основоположник дунганского языкознания // *Разыскания по общему и китайскому языкознанию*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1980. С. 121-126.
60. Калимов А.А. (соавторы: Имазов М., Су-шанло М., Хавазов Я., Цунвазо Ю., Шиваза Я., Яншансин Ю.). *Русско-дунганский словарь в трех томах*. Т.1-3. Фрунзе: Илим, 1981.
61. Калимов А.А. Дунганский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 145.

Карезина И.П.

62. Карезина И.П. Православный катехизис в русском переводе с китайского // *Архив российской китаистики*. Т. 3. М. 2016. С. 307-364.

Карпушкин Б.М.

63. Карпушкин Б.М. Об основных типах односоставных предложений в бенгальском языке // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 192-204.
64. Карпушкин Б.М. *Язык ория*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. 120 с.

Коган А.И.

65. Коган А.И. *Дардские языки. Генетическая характеристика* / ИВ РАН. М.: Вост. лит., 2005. 247 с.
66. Коган А.И. Дардские и нуристанские элементы в языке дамели // *Orientalia et classica: труды Инс-та восточных культур и античности*. Вып. XI. *Аспекты компаративистики 2*. М., РГГУ, 2007. С. 310-327.
67. Коган А.И. К ареально-типологической характеристике языка пушту // *Памяти В.С.Расторгуевой*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. С. 103-122.
68. Коган А.И. О статусе и происхождении звонкой придыхательной серии в ряде дардских языков // *Indologica. Памяти Т.Я. Елизаренковой. Orientalia et Classica*. Вып. XX. М., РГГУ, 2008. С. 197-227.
69. Коган А.И. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики IV*. М.: РГГУ, 2009. С. 25-54.
70. Коган А.И. К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Маһһапауаргакӑша. Ранний кашмири или поздний апабхранша? // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание»*. Вопросы языкового родства. 2010. № 3. С. 13-21.

71. Коган А.И. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства.* 2011. № 5. С. 23-47.
72. Коган А.И. Дарды и страна дардов в «Раджатарангини» Кальханы. // *Индия-Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006-2010 в Институте востоковедения РАН.* М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 107-115.
73. Коган А.И. Некоторые проблемы кашмирской диалектологии // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства.* 2012. № 7. С. 47-70.
74. Коган А.И. Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики // *Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства.* 2015. № 13/1-2. С. 1-21.
75. Коган А.И. *Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири* / Ин-т востоковедения РАН. Отв. ред. И.С. Якубович. М.: Языки славянской культуры. Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. 208 с. (Studia philologica).

Кожа (Маркина) К.А.

76. Маркина К.А. Особенности фонологической интерференции буквенных слов в современном китайском языке // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2006. № 12. С.73-76.
77. Маркина К.А. Инициальные аббревиатуры – «буквенные слова» современного китайского языка // *ICANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов.* Т. 1. М.: ИВ РАН, 2007. С. 166-169.
78. Маркина К.А. (Markina K.A.) Lettered words in Modern Chinese: foreigners or fellow citizens? // *Asian and African Studies.* Bratislava. 2007. Vol. XII. № 1. P. 121-128.
79. Маркина К.А. *Новые тенденции в развитии китайской лексики: буквенные слова китайского языка как проявление его интеграции с элементами иной типологии.* Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд филол. наук. М., 2008. 26 с.
80. Маркина К.А. К вопросу о роли межъязыкового взаимодействия в истории развития китайского языка (типологический аспект) // *Материалы VIII Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22-24 сентября 2009 г.)* / ИНИОН РАН. ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. СПбГУ. Ин-т востоковедения РАН. Под общей ред. В.Б. Касевича, В.Ф. Выдрина, Ю.А. Ландера, М.Х. Шахбиевой. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 87-99.

81. Маркина (Кожа) К.А. Проблемы языковой интерференции (на материале буквенных слов китайского языка) // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г.* М.: ИВ РАН, 2010. С. 347-359.
82. Kozha, K. Chinese Via English: A Case Study of “Lettered-Words” As a Way of Integration into Global Communication // *Chinese Under Globalization. Emerging Trends in Language Use in China.* World Scientific Series / Edited by: Jin Liu (Georgia Institute of Technology, USA), Hongyin Tao (University of California, Los Angeles, USA). Singapore: World Scientific Publishing Co., 2012. P. 105-127.

Кожевников И.Р.

83. Кожевников И.Р. Особенности семантики привычных выражений (гуаньюньюй) // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 91-95.
84. Кожевников И.Р. Явление вариантности как особенность китайских привычных выражений (гуаньюньюй) // *V-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8-10 сентября 1999 г.). Материалы и резюме докладов / СПбГУ. Вост. фак-т. Отв. ред. В.И. Касевич. СПб., 1999. С. 44-47.*

Комарова И.Н.

85. Комарова И.Н. (Komarova I.N.). Agglutination and inflexion in the Tibetan language // *Linguistics: A Soviet Approach / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.)* [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 387-394.

Кондрашкина Е.А.

86. Кондрашкина Е.А. (Kondrashkina E.A.). An ethnolinguistic profile of Jakarta // *Linguistics: A Soviet Approach / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.)* [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 218-225.

Королев Н.И.

87. Королев Н.И. Языковая ситуация в Непале // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 96-107.*

88. Королев Н.И. (Korolev N.I.). Himalayan languages of Nepal: traces of their genetic relationship and contacts (Newari, Magar, Kham, Limbu, Thulung // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 229-245.
89. Королев Н.И. Манипурский язык. Неварский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 283-284, 327.

Куликов Л.И.

90. Куликов Л.И. Малагасийский язык. Мальдивский язык. Северохальмахерские языки. Сунданский язык. Тана // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 279, 282-283, 436, 499, 505.
91. Kulikov L.I. Die Typologie der kausativen Konstruktionen: Probleme und Perspektiven (zu definitivischen und terminologischen Aspekten des Questionnaires zur Kausativierung) // *Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts (AKUP)*. 1992. Nr. 87. S.39-58.
92. Kulikov L.I. Asymmetry in grammar // *Proc. of the Int. Congress of Linguists*. Montreal, 1992.
93. Kulikov L.I. The "second causative": A typological sketch // B. Comrie and M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam-Philadelphia: Benjamin's, 1993. P. 121-154.
94. Kulikov L.I. Vedic mriy te and other pseudo-passives: notes on an accent shift // *Indo-European, Nostratic, and Beyond: Festschrift for Vitalij V. Shevoroshkin* / Hegedüs, I., et al. (ed.); JIES monograph series, № 22. Washington D.C.: Institute for the Study of Man, 1997. P. 198-205.
95. Kulikov L.I. Passive, anticausative and classification of verbs: The case of Vedic // L.Kulikov & H.Vater (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 1998. P.139-153.

Ландер Ю.А.

96. Ландер Ю.А. (соавтор: Крамарова С.Г.). Индонезийские глаголы плавания и их система // *Глаголы движения в воде: Лексическая типология* / Ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. С. 664-693.
97. Ландер Ю.А., Оглоблин А.К. (ред.). *Language and Text in the Austro-nesian World. Studies in Honour of Ülo Sirk* / LINCOP EUROPA Academic publications. LINCOP Studies in Austronesian Linguistics. München: LINCOP EUROPA GmbH, 2008. 338 p.

98. Ландер Ю.А., Оглоблин А.К. Индонезийские языки // *Большая российская энциклопедия*. Т. 11. М. 2008.
99. Ландер Ю.А. 'Слово' и 'язык' в языках Нусантары // *Индонезийцы и их соседи. Festschrift E.V. Ревоненковой и А.К. Оглоблину. Маклаевский сборник*. Вып. 1. СПб.: Кунсткамера, 2008. С. 116-128.
100. Ландер Ю.А. Индонезийские глаголы плавания и принципы организации глагольного лексикона // *Малайско-индонезийские исследования*. Вып. XVIII. М.: ИД «Ключ-С», 2008. С. 95-125.
101. Ландер Ю.А. (Lander Yu.). Western Indonesian prenominal modifiers and compositional obligatoriness // *Материалы VIII Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22-24 сентября 2009 г.)* / ИНИОН РАН. ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. СПбГУ. Ин-т востоковедения РАН. Под общей ред. В.Б. Касевича, В.Ф. Выдринна, Ю.А. Ландера, М.Х. Шахбиевой. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 242-257.

Ларин А.Г.

102. Ларин А.Г. Об установлении синтаксических соответствий при машинном переводе с китайского на русский (на материале математических текстов) // *Вопросы структуры языка*. М.: Наука, 1964. С. 180-202.
103. Ларин А.Г. *Исследование процесса «Текст-Грамматика»* / Отв. ред. Ю.А. Горгониев. М.: Наука: Гл. ред. вост. лит., 1971. 124 с.

Лекомцев Ю.К.

104. Лекомцев Ю.К. О степени различения классов слов (на материале тибетского, сантали и тагальского языков) // *Конференция по языкам Юго-Восточной Азии: 23-25 ноября 1964 г.* / Ин-т народов Азии АН СССР. М., 1964. С. 45-46.
105. Лекомцев Ю.К. Некоторые характерные черты сантальского предложения // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 311-320.
106. Лекомцев Ю.К. Характерные черты слова в языках ЮВА и прилегающих ареалов // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 127-129.
107. Лекомцев Ю.К. Принципы лингвистической синхронической семантики // *Проблемы теории грамматического залога*. Л.: Наука, 1978. С. 47-57.

108. Лекомцев Ю.К. Некоторые наблюдения над морфонологией сантали // *Очерки по фонологии восточных языков*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1975. С. 178-205.
109. Лекомцев Ю.К. Аустроазиатские языки. Кхаси. Мунда языки. Нагали. Никобарский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 52-54, 250, 318-319, 320, 333-334.

Лесько О.А. – см. Масыгина (Лесько) О.А.

Лизогуб С.И.

110. Лизогуб С.И. *Бирманский глагол и элементарные синтаксические конструкции*. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд филол. наук (10.02.22). М.: ИВ РАН, 1994. 16 с.

Липеровский В.П.

111. Липеровский В.П. Особенности предложений с финитным глаголом инактивного залога в языке хинди // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 129-130.
112. Липеровский В.П. О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди // *Проблемы теории грамматического залога*. Л.: Наука, 1978. С.214-220.
113. Липеровский В.П. Выражение модальности достоверности в языке хинди // *Smaranam. Памяти Октябрины Федоровны Волковой*. М.: Вост. лит., 2006. С. 221-228.
114. Липеровский В.П. (Liperovski V.P.). Notes on the Marking of actants in Braj (In Comparison with Modern Standard Hindi) // *Old and New Perspectives on South Asian Languages. Grammar and semantics. Papers growing out of the Fifth International Conference on South Asian Linguistics (ICOSAL-5) held at Moscow, Russia in July 2003* / Ed. by Colin P. Marica. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2007. С. 144-152.
115. Липеровский В.П. Выражение в языке хинди квантитативной сегментации объектов на основе их исчисления в единицах измерения (мерах) // *INDOLOGICA: Сборник статей памяти Т.Я. Елизаренковой* / Под ред. И. Смирнова; сост. Л. Куликов, М. Русанов. Серия «Orientalia et Classica: Труды Ин-та восточных культур и античности». М.: РГГУ, 2008. С. 293-304.
116. Липеровский В.П. *Посессивные конструкции в хинди и русском языке*. М.: ИВ РАН, 2009. 72 с.

117. Липеровский В.П. *Отрицание в языке хинди* / Ин-т востоковедения РАН. М., ИВ РАН, 2010. 156 с.
118. Липеровский В.П. *Хинди в зеркале русского языка (современный хинди в сопоставлении с русским языком)* / Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2012. 376 с.
119. Липеровский В.П. *Языковая модальность и средства ее выражения в хинди* / Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. 248 с.

Лонг Сеам

120. Лонг Сеам. *Очерки по лексикологии кхмерского языка* / ИВ АН СССР. М.: Наука, 1975. 140 с.
121. Лонг Сеам. Об антропонимах в надписях Камбоджи (VI–XIII вв.) // *Народы Азии и Африки*. 1977. № 3. С. 111-119.
122. Лонг Сеам (Long Seam / Long Siem). *Contracts externs des langues Mon-khmer* // *Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient*. 1981. vol. LXXX. P. 195-239.
123. Лонг Сеам (соавтор: Р.С. Плам). *Краткий русско-кхмерский словарь (2 700 слов)*. М.: Русский язык, 1987. 712 с.
124. Лонг Сеам. *Исследования по лексикологии и грамматике древне-кхмерского языка (по надписям Камбоджи VI-XIV вв.)*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 115 с.
125. Лонг Сеам. *Словарь древнекхмерского языка по надписям Камбоджи VI-XIV вв.* Рукопись деп. в ИНИОН РАН. М., 1994.
126. Лонг Сеам (Long Seam / Long Siem). *Toponymic Khmer (D'après les inscriptions du Cambodge du VIe-XIVe siècles)*. Phnom Penh: Édition d'Institut Bouddhique, 1997. 150 p.
127. Лонг Сеам (Long Seam / Long Siem). *Dictionnaire du khmer ancien (D'après les inscriptions du Cambodge du VIe. – VIIIe. siècles)*. Phnom Penh: Phnom Penh Printing House, 2000.
- См. также Горгоניים Ю.А.

Маркина К.А. – см. Кожа (Маркина) К.А.

Масягина (Лесько) О.А.

128. Масягина О.А. Китайские конструкции с глаголом 出 chū с точки зрения системы зависимостей // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы IX международной конференции (Москва, 27–28 октября 2011 года)* / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Вост. фак-т СПбГУ. М.: ИД «Ключ-С», 2011. С. 84-91.

Минина Г.Ф.

129. Минина Г.Ф. Учебный русско-бирманский словарь. [А-Я]. 5000 слов / Под ред. У Чжо Зо; Ин-т востоковедения РАН. М.: Муравей, 2002. 582 с.

Михайлова (Клихе) Т.В.

130. Михайлова Т.В. *Gei*-конструкция в диалектах китайского языка (синтаксические аспекты). Mikhailova T.V. *Gei*-constructions in Chinese dialects (summary) // *IV Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. 17-20 сентября 1997 г. Тезисы докладов.* Ч. 1: А – П / ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова; вост. фак-т СПбГУ. Отв. за вып. М.И. Каплун. М., 1997. С. 140-141.
131. Михайлова Т.В. Конструкция “глагол с двумя объектами” и прямое дополнение в дунганском языке // *V-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8-10 сентября 1999 г.). Материалы и резюме докладов / СПбГУ.* Вост. фак-т. Отв. ред. В.И. Касевич. СПб., 1999. С. 125-128.
132. Михайлова Т.В. Особенности употребления дополнений с глаголами давания и отнимания в диалектах группы Сян (КНР, провинция Хунань) // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. Москва, 25–26 июня 2002 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 175-180.
133. Михайлова Т.В. (соавтор: Михайлов Д.И.). Некоторые проблемы преподавания иероглифики на первом курсе // *Материалы третьей международной конференции по преподаванию китайского языка. Тезисы докладов / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.* Всероссийская ассоциация преподавателей китайского языка. Отв. ред. А.М. Караетянц. М., 2003. С. 43-44.

Морев Л.Н.

134. Морев Л.Н. (Пер. с тайск. яз.). Сени Сувапонг. *Дьявол.* М.: Худож. лит., 1966. 174 с.
135. Морев Л.Н. Предварительная классификация сложных предложений в тайском и лаосском языках // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы синтаксиса /* Ред. Алиева Н.Ф., Плам Ю.Я. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 259-271.
136. Морев Л.Н. О «сложных словах» в тайских языках // *Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов /* Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1985. С. 38-51.

137. Морев Л.Н. (соавторы: Кедайтене Е.И., Митрохина В.И.). *Учебный русско-лаосский словарь (2 100 слов)*. М.: Рус. яз., 1984. 352 с. 2-е изд., стереотипн. М.: Рус. яз., 1987. 352 с.
138. Морев Л.Н. Лаосский язык. Шанский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 252, 587.
139. Морев Л.Н. (Morev L.N.). Possessive Constructions in Tai // *Tatsuo Nisida, Yasukoko Nagano, Hajimme Kitamira (eds.), Current Issues in Sino-Tibetan Linguistics*. Osaka, 1994. P. 890-908.
140. Морев Л.Н. Изолирующие языки материковой Восточной и Юго-Восточной Азии через призму иконичности // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 118-123,
141. Морев Л.Н. Грамматикализация в языках Восточной и Юго-Восточной Азии (на примере инструментальных и локативных конструкций) // *V-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8-10 сентября 1999 г.). Материалы и резюме докладов / СПбГУ. Вост. фак-т. Отв. ред. В.И. Касевич. СПб., 1999. С. 95-102.*
142. Морев Л.Н. Типологический портрет тайских языков // *Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А.Рубинчика*. М.: Вост. лит., 2003. С. 202-207.
143. Морев Л.Н. Порядок слов в актантно-предикативных структурах изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии // *Языкознание в теории и эксперименте: к 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики при ИСАА*. М.: Пробел-2000, 2002. С. 403 - 404.
144. Морев Л.Н. (ред.) (соавторы: Саад и Сэнгтьян Бандазак, Ларионова Л.В., Кунгыш Л.М.). *Русско-лаосский словарь. 24 000 слов и выражений. Под ред. Л.Н. Морева / РАН. Ин-т языкознания, Ин-т востоковедения*. М.: Вост. лит., 2004. 523 с.
145. Морев Л.Н. Глаголы «обладания» в тайских, китайском, кхмерском и вьетнамском языках // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII Международная конференция. Материалы. Москва, 22-23 июня 2004 г.* М., 2004. С. 215-222.
146. Морев Л.Н. Языковая ситуация и языковая политика в странах Индокитая // *Индокитай: тенденции развития*. М.: Гуманитарий, 2004. С. 61-71.
147. Морев Л.Н. Аналитизм в тайских языках // *Аналитизм в языках различных типов. К столетию со дня рождения В.Н. Ярцевой*. М., Ин-т языкознания РАН, 2006. С. 248-261.

148. Морев Л.Н. Абстрактная номинализация и эволюция синтаксических структур в тайских языках // *ICANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов*. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2007. С. 183-191.
149. Морев Л.Н. Дейктические глагольные конструкции в тайских языках // *Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы. Материалы II межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 17 июня 2008 г.* / Военный ун-т. Фак-т иностр. языков. М.: ВУ, 2008. С. 563-572.
150. Морев Л.Н. Отрицание в тайских языках в типологическом аспекте // *Логический анализ языка. Ассерция и негация*. М.: Индрик, 2009. С. 496-505.
151. Морев Л.Н. Проблема абстрактных существительных в тайском, кхмерском и китайском языках // *Материалы VIII Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22-24 сентября 2009 г.)* / ИНИОН РАН. ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. СПбГУ. Ин-т востоковедения РАН. Под общей ред. В.Б. Касевича, В.Ф. Выдрина, Ю.А. Ландера, М.Х. Шахбиевой. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 100-109.
152. Морев Л.Н. Тайское языкознание в Институте востоковедения РАН и в России за 50 лет // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»*: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 59-72.
153. Морев Л.Н. Христианство и буддизм в Лаосе // *Восток (Oriens)*. 2010. № 1. С. 39-48.
154. Морев Л.Н. Лаос на пути к статусу развивающейся страны // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 2. С. 31-36.
155. Морев Л.Н. Языковое многообразие Индокитая: проблемы и вызовы // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии* / Ин-т языкознания РАН. Под ред. акад. Е.П. Чельшева. М.: Азбуковник, 2010. С. 656-661.

Москалёв А.А.

156. Москалёв А.А. Система слогов китайского языка // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 28-34.
157. Москалёв А.А. Дифференциальные признаки чжуанских тонов // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 124-130.
158. Москалёв А.А. К описанию вида в языке чжуан // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* /

- Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 136-144.
159. Москалёв А.А. Дифференциальные признаки чжуанских фонем // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 254-259.
160. Москалёв А.А. Предварительные замечания по фонологии говора Тяньба (ГТ) // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 260-267.
161. Москалёв А.А. (соавторы: Морев Л.Н., Плам Ю.Я.). *Лаосский язык* / Ин-т востоковедения АН СССР. Сер. Языки народов Азии и Африки. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1972. 255 с. Перевод на англ. яз. М., 1979. 129 с.

Мхитарян Т.Т.

162. Мхитарян Т.Т. О русской транскрипции для вьетнамского языка // *Народы Азии и Африки*. 1962. № 1. С. 126-131.

Нгуен Ван Тхак

163. Нгуен Ван Тхак. Некоторые аспекты борьбы за чистоту вьетнамского языка // *Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки* М.: Наука, 1970. С. 171-181.
164. Нгуен Ван Тхак. О самостоятельности/несамостоятельности основных единиц вьетнамского языка // *Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть шестая*. М.: Наука, 1982. С. 245-252.
165. Нгуен Ван Тхак. Древнекитайские элементы во вьетнамском языке // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 124.

Нгуен Туэт Минь

166. Нгуен Туэт Минь. *Повелительное наклонение русского глагола в сопоставлении с вьетнамским*. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук (спец. 10.660) / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М.: [б. и.], 1970. 22 с.
167. Нгуен Туэт Минь (соавторы: Лобанова Н.А., Балаян А.Р., Хоанг Лай, Чионг Динь Бинь). Аспектно-комплексная организация материала в учебнике для студентов-филологов // *Русский язык за рубежом*. 1984. № 4 (90). С. 4-12.

168. Нгуен Туэт Минь (соавтор: Краевская Н.М.). Функциональное сопоставительное описание языков в целях обучения и его роль в подготовке студентов-русистов в языковых вузах // *Тезисы докладов и сообщений. VI конгресс МАПРЯЛ. 11-16 августа 1986 г.* Будапешт, 1986.
169. Нгуен Туэт Минь. Реализация принципа «учета национальных особенностей» в языковых вузах СРВ // *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Сборник докладов VI Международного конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) 11-16 августа 1986 года.* Будапешт, 1986.

Омельянович Н.В.

170. Омельянович Н.В. Проблема частей речи в бирманском языке // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 131-145.
171. Омельянович Н.В. О пассиве в современном бирманском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 145-157.
172. Омельянович Н.В. Особенности формообразования в современном бирманском языке (СБЯ) // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания».* Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 13-15.
173. Омельянович Н.В. К вопросу о выражении залоговых значений в современном бирманском языке (СБЯ) // *Проблемы теории грамматического залога.* Л.: Наука, 1978. С. 258-264.
174. Омельянович Н.В. (Omelyanovich N.V.). On the problem of facultativity in isolating languages // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerju (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 143-151.

Плам Ю.Я.

175. Плам Ю.А. Принципы выделения частных грамматических категорий в языках изолирующего типа: На материале тайского, китайского, бирманского и кхмерского языков // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 20-28.

176. Плам Ю.Я. Относительно особой синтаксической функции «опосредования» (на материале лаосского языка) // *Языки Китая и Юго-Восточной Азии: Проблемы синтаксиса* / Отв. ред. Н.Ф. Алиева, Ю.Я. Плам. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 141-148.
177. Плам Ю.Я. Опыт выделения частей речи в языке изолирующего типа с помощью минимального числа ведущих различительных признаков (на материале лаосского языка) // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 21-23.
178. Плам Ю.Я. Процедура применения минимального числа релевантных грамматических признаков при выделении частей речи в языке изолирующего типа (на материале лаосского и тайского языков) // *Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть шестая*. М.: Наука, 1982. С. 155-162.
179. Плам Ю.Я. Тайский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 503.

Погибенко Т.Г.

180. Погибенко Т.Г. Некоторые механизмы актуализации членов предложения в мон-кхмерских языках // *Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. С. 179-187.
181. Погибенко Т.Г. (Pogibenko T.G.). Towards reconstruction of the meaning of the Austroasiatic infixes -m- and -n- // *Linguistics: A Soviet Approach* / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerji (coed.) [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 262-271.
182. Погибенко Т.Г. Кхмерский язык // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 250.
183. Погибенко Т.Г. (соавтор: Буй Кхань Тхе). *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г. Язык ксингмул: Лингвистический очерк* / Ин-т востоковедения АН СССР. Ин-т языкознания АН СССР. Ин-т языкознания Комитета общественных наук СРВ. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 420 с.
184. Погибенко Т.Г. Каузальные, аффективные и оценочные предикаты в кхмерском // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. Москва, 25–26 июня 2002 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 187-199.

185. Погибенко Т.Г. Именная группа в кхмерском: число и референция // *Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А.Рубинчика*. М.: Вост. лит., 2003. С. 230-244.
186. Погибенко Т.Г. Зависимые предикативные конструкции в палаунгических языках // *Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Доклады VII Международной конференции (Москва, 16-10 сентября 2003 г.)* / ИСАА при МГУ им. Ломоносова. Вост. фак-т СПбГУ. Ч. 2. М.: Гуманитарий, 2003. С. 42-63.
187. Погибенко Т.Г. Древнекхмерский и палаунгические языки: зависимые предикативные конструкции // *Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И.Ф. Вардуля*. М.: Вост. лит., 2005. С. 359-388.
188. Погибенко Т.Г. К вопросу о реконструкции форм зависимой предикации в австроазиатских языках // *Известия РАН, серия литературы и языка*. 2008. Том 67, № 5. С. 55-62.
189. Погибенко Т.Г. Связка тождества в древнекхмерском языке // *ICANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов*. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2007. С. 221-230.
190. Погибенко Т.Г. *Австроазиатская аффиксация и полипредикация. Сравнительно-историческое исследование*. Автореф. диссертации на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М.: ИВ РАН, 2008. 30 с.
191. Погибенко Т.Г. Рефлексы прото-австроазиатских маркеров в зависимой предикации в древнекхмерском и никобарских языках // *Материалы VIII Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 22-24 сентября 2009 г.)* / ИНИОН РАН. ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. СПбГУ. Ин-т востоковедения РАН. Под общей ред. В.Б. Касевича, В.Ф. Выдрина, Ю.А. Ландера, М.Х. Шахбиевой. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 123-124.
192. Погибенко Т.Г. Предложения со сдвигом ремы в древнекхмерском дискурсе // *Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст. Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва 26 июня 2009 г.* М.: ВУ МО РФ, 2009. С. 525-535.
193. Погибенко Т.Г. Проблемы исторической морфологии австроазиатских языков // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»*: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 622-649.
194. Pogibenko T. Copula of identity in Old Khmer // *Mon-Khmer studies. A Journal of Southeast Asian Languages and Cultures*. Vol. 39. Mahidol University, 2010. P. 61-74.

195. Погибенко Т.Г. Факторы, искажающие результаты лексико-статистики, в австроазиатских языках // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы IX международной конференции (Москва, 27–28 октября 2011 года)* / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Вост. фак-т СПбГУ. М.: ИД «Ключ-С», 2011. С. 102-111.
196. Погибенко Т.Г. Глагольный лексический комплекс в кхмерском языке // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X международной конференции (Москва, 21–22 ноября 2012 года)* / ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Вост. фак-т СПбГУ. М.: ИД «Ключ-С», 2012. С. 199-209.
197. Погибенко Т.Г. *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции* / Отв. ред. В.М. Алпатов. М.: ИВ РАН, 2012. 455 с.
198. Погибенко Т.Г. Синонимы кхмерского языка в семантическом и функциональном аспектах // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию член-корр. РАН В.М. Алпатова. Труды научной конференции. Ин-т востоковедения РАН, 22-23 апреля 2015 г.* В двух томах. Том 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 160-183.

Потапова Е.А.

199. Потапова Е.А. Особенности музыкальной лексики тибетского языка // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 129-132.

Пузицкий Е.В.

200. Пузицкий Е.В. Некоторые особенности глагольной аффиксации в качинском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 166-172.

См. также Тагунова И.М.

Пруцких А.А.

201. Пруцких А.А. Некоторые способы анализа внутренней структуры сложных знаков на примере семантического поля “брак, свадьба”, содержащих иероглиф “женщина” // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 133-135.

Рукодельникова М.Б.

202. Рукодельникова М.Б. *Структурно-семантический анализ глагольных комплексов в современном китайском языке*. Автореф. диссертации на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1995.
203. Рукодельникова М.Б. К описанию семантического поля «внешность человека» // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 140-143.
204. Рукодельникова М.Б. Глагольная лексема в составе комплекса: случаи потери функциональных свойств (на материале китайского языка) // *V-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8-10 сентября 1999 г.). Материалы и резюме докладов / СПбГУ. Вост. фак-т. Отв. ред. В.И. Касевич.* СПб., 1999. С. 40-44.
205. Рукодельникова М.Б. К вопросу описания негативных конструкций в дунганском языке // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. X Международная конференция. Материалы. Москва, 20-21 июня 2000 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 141-145.
206. Рукодельникова М.Б. К проблеме глагольных повторов в китайских предложениях // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. Москва, 25-26 июня 2002 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 212-215.

Румянцева И.М.

207. Румянцева И.М. (Rumyantseva I.M.). Hindi Word Prosody (Experimental Research) // *Linguistics: A Soviet Approach / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerji (coed.)* [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 395-431.

Семенас А.Л.

208. Семенас А.Л. О выявлении и описании семантических реляций в сложных словах китайского языка // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 39-41.
209. Семенас А.Л. О семантике копулятивного сложения в китайском языке // *Проблемы теории грамматического залога*. Л.: Наука, 1978. С. 303-307.
210. Семенас А.Л. О факультативности и избыточности в китайском языке // *Восточное языкознание: факультативность* // Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 87-91.

211. Семенас А.Л. О национальном своеобразии китайской лексикографии // *Лингвистические традиции в странах Востока. Материалы рабочего совещания* / Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 119-121.
212. Семенас А.Л. *Лексикология современного китайского языка* / Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. 279 с.
213. Семенас А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 48-57.
214. Семенас А.Л. Языковая политика в КНР (80-90-е годы) // *Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 150-155.
215. Семенас А.Л. Характеристика развития современной китайской лексики // *Языки Азии и Африки: Традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г.* М.: ИВ РАН, 1998. С. 95-97.
216. Семенас А.Л. О тенденциях словообразования в современном китайском языке // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII Международная конференция. Материалы. Москва, 22-23 июня 2004 г.* М., 2004. С. 290-299.
217. Семенас А.Л. *Лексика китайского языка* / Ин-т востоковедения РАН. М.: Муравей, 2000. 314 с. Изд. 2-е. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 310, [2] с.
218. Семенас А.Л. (соавтор В.Г. Буров). *Китайско-русский словарь новых слов и выражений* / Ин-т востоковедения РАН, МГЛУ. М.: Вост. книга, 2007. 736 с.

Сердюченко Г.П.

219. Сердюченко Г.П. Об изучении языков Индийского субконтинента и задачах общего языкознания // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 11-17.

Сирк Ю.Х.

220. Сирк Ю.Х. Вопросы группировки австронезийских языков // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 41-42.
221. Сирк Ю.Х. Австронезийские языки (совм. с Беликовым В.И.). Бугийский язык. Индонезийские языки. Кайли-памона языки. Макасарский язык. Южносулавесийские языки // *Лингвистический*

- энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 13-14, 76-77, 192, 210-211, 279, 601.
222. Сирк Ю.Х. La Galigo Buginese words bearing a relation to meteorological phenomena // *Малайско-индонезийские исследования*. Вып. XVIII. М., 2008. С. 167-192.
223. Сирк Ю.Х. Sino-Tibetan, Austronesian and Tai-Kadai (regarding relations between language families) // *Studia Anthropologica: Сборник статей к юбилею М.А. Членова*. М. & Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2010. С. 325-343.
224. Сирк Ю.Х. *Избранные труды по австронезийскому языкознанию*. Вып. 1. Под ред. С.В. Кулланды, Ю.А. Ландера (в печати).

Смирнитская А.А.

225. Смирнитская А.А. Глаголы перемещения в воде в тамильском языке // Т.А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. С. 583-594.
226. Смирнитская А.А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // *Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика»*. 2016. Т. 20. № 2. С. 112-127.
227. Смирнитская А.А. Семантические переходы в дравидийских терминах коллатерального родства // *Tamiḷ tanta paricu: Сборник статей в честь Александра Михайловича Дубянского* / РГГУ. Под ред. И.С. Смирнова; ред.-сост. О.П. Вечерина, Н.В. Гордийчук, Т.А. Дубянская. Сер. «Orientalia et Classica: Труды Ин-та восточных культур и античности». М: Перо, 2016. С. 337-356.

Смирнов Ю.А.

228. Смирнов Ю.А. Лингвистическая миграция в индоевропейских языках // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 42-43.
229. Смирнов Ю.А. Категория полупассива и иррегулярного пассива в языке панджаби // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 277-290.
230. Смирнов Ю.А. Основные грамматические черты языка догри // *Народы Азии и Африки*. 1975. № 2. С. 146-153.

Соколовская Н.К.

231. Соколовская Н.К. О внутренней классификации языков вьетмыонгской группы // *Тезисы докладов I международного симпозиума уче-*

ных социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания». Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 46-49.

232. Соколовская Н.К. О фонетической реконструкции некоторых звукоподражательных слов вьетнамского языка // *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников (языкознание, литературоведение и текстология)* / Ин-т востоковедения АН СССР. М., 1977. С. 89-91.
233. Соколовская Н.К. (соавтор: Нгуен Ван Тай). *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г. Язык мьянг: Лингвистический очерк* / Ин-т востоковедения АН СССР. Ин-т языкознания Комитета общественных наук СРВ. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1987. 520 с.
234. Соколовская Н.К. Вьетмыонгские языки // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 90-91, 91.

Солнцев В.М.

235. Солнцев В.М. (соавторы: Ю.К. Лекомцев, Т.Т. Мхитарян, И.И. Глебова). *Вьетнамский язык*. М.: ИВЛ, 1960. 100 с.
236. Солнцев В.М. О “нулевой” и “абсолютной” форме в китайском языке // *Спорные вопросы грамматики китайского языка* / Ин-т народов Азии АН СССР; отв. ред. Г.П. Сердюченко. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963.
237. Солнцев В.М. О понятии «факультативность» // *Восточное языкознание: факультативность* / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 92-102.
238. Солнцев В.М. Китаистика. Китайский язык. Китайское письмо // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 222-225, 225-226, 226.
239. Солнцев В.М. (соавтор: Солнцева Н.В.). Счетные слова (классификаторы) и единицы измерения в китайском и других изолирующих языках // *Китайское языкознание. Материалы VIII Международной конференции*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 126-131.
240. Солнцев В.М. (соавтор: Солнцева Н.В.). Относительно категорий состояния, пассива и каузатива в языках Юго-Восточной Азии и алтайских языках // *Altaica I*. М.: ИВ РАН, 1997. С. 89-100.
241. Солнцев В.М. (соавтор: Солнцева Н.В.). Some regularities in language development and reconsideration of the typological classification // *XVI International Congress of Linguists. Resumés*. Paris, 1997. P. 278.
242. Солнцев В.М. (соавторы: Солнцева Н.В., Самарина И.В.). *Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Вып. 4.*

Язык рук / Гл. ред. чл.-кор. РАН В.М.Солнцев, проф. Хоанг Туэ. Отв. ред. Н.В.Солнцева, проф. Нгуен Ван Лой. М.: Вост. лит., 2001. 610 с. См. также Солнцева Н.В.

Солнцева Н.В.

243. Солнцева Н.В. (соавтор: Солнцев В.М.). *Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии). Курс лекций*. М.: Изд-во Военного ин-та, 1978. 151 с. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ИВ РАН, 2017. 164 с.
244. Солнцева Н.В. К вопросу о факультативности // *Восточное языкознание: факультативность* / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С.103-107.
245. Солнцева Н.В. (соавтор: Хоанг Ван Ма). *Язык лаха: Лингвистический очерк. Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года* / Ин-т востоковедения АН СССР. Комитет Обществ. наук СРВ. Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. 407 с.
246. Солнцева Н.В. Кадайские языки // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 209.
247. Солнцева Н.В. К вопросу о контроле агенса над действием // *Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы V Всероссийской конференции по китайскому языкознанию*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 100-104.
248. Солнцева Н.В. (Solntseva N.V.). The Grammar of Pronouns. Pronouns as means of Regulating Relations of Nouns and Verbs in Asian languages // *Pan-Asiatic Linguistics. Proceedings of the 3 International Symposium on Language and Linguistics. Vol. 1*. Bangkok, 1991. P. 109-115.
249. Солнцева Н.В. Относительно понятия «топик» // *Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. С. 139-145.
250. Солнцева Н.В. (Sontseva Nina V.). Case-marked pronouns in the Taoih language // *Mon-Khmer Studies (MKS)*. Таиланд, 1996. Vol. XXVI. P. 33-36.
251. Солнцева Н.В. Некоторые вопросы неологизмов в китайском и вьетнамском языках // *Языкознание в теории и эксперименте: к 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики при ИСАА*. М.: Пробел-2000, 2002. С. 516-521.
252. Солнцева Н.В. Понятие «начала» в древней китайской философии // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. М.: Индрик, 2002. С. 639-643.

253. Солнцева Н.В. РФ – Вьетнам. Лингвистическая экспедиция // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 8. С. 58.
254. Солнцева Н.В. Дейксис в языке нунг // *Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Доклады VII Международной конференции (Москва, 16-10 сентября 2003 г.)* / ИСАА при МГУ им. Ломоносова. Вост. фак-т СПбГУ. Ч. М.: Гуманитарий, 2003. С. 116-125.
255. Солнцева Н.В. (отв. ред.). *Большой вьетнамско-русский словарь*. Т. 1 / отв. ред.: Н.В.Солнцева, В.А.Андреева, В.В.Иванов, Бу Лок, Нгуен Ван Тхак, Нгуен Дуэт Минь // Ин-т языкознания РАН. Ин-т языкознания ВАОН. М.: Вост. лит., 2006.
256. Солнцева Н.В. Заимствованные морфологические элементы в языке нунг // *ISANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов. Т. 1*. М.: ИВ РАН, 2007. С. 231-234.
257. Солнцева Н.В. Особенности отрицания в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на примере китайского языка) // *Логический анализ языка. Негация и ассерция*. М.: Индрик, 2009. С. 521-528.
258. Солнцева Н.В. Лингвистическая мысль в древнем Китае (Первые словари. Представление о слове) // *В пространстве языка и культуры. Звук. Знак. Слово. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова*. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 790-796.
259. Солнцева Н.В. (соавторы: Алёшина И., Андреева А.В., Белецкая А., Летягин Д.В., Солнцева Н.В., Ситникова А., Ву Лок, Нгуен Ван Тхак, Нгуен Туэт Минь, Чан Ван Ко). *Новый большой вьетнамско-русский словарь. В 2 томах*. М.: Вост. лит., 2012. 2550 с.
260. Солнцева Н.В. (соавторы: И.Н. Комарова, И.В. Самарина). *Язык нунг. Материалы совместной российско-вьетнамской лингвистической экспедиции*. Вып. 5. Отв. ред. Н.В.Солнцева (рукопись).
- См. также Солнцев В.М.

Суханов В.Ф.

261. Суханов В.Ф. *Упрощенные начертания и разнописи китайских иероглифов. Справочник*. М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. 128 с.

Тагунова И.М.

262. Тагунова И.М. Служебные слова со структурой "е-+R" в бирманском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии* / Отв. ред. Н.В. Солнцева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 158-165.
263. Тагунова И.М. *Категория определения в бирманском языке*. Автореф. диссертации на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1971.

264. Тагунова И.М. Глаголы качества в функции определения к имени в бирманском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы синтаксиса* / Ред. Алиева Н.Ф., Плам Ю.Я. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 37-50.
265. Тагунова И.М. (соавтор: Омельянович Н.В.). *Очерки по синтаксису простого предложения в бирманском языке* / Отв. ред. Ю.А. Горго-ниев; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. 170 с.
266. Тагунова И.М. (соавторы: Маун-Маун Ньун, Орлова И.А., Пузицкий Е.В.). *Бирманский язык* / Отв. ред. В. М. Солнцев; Ин-т народов Азии АН СССР. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 122 с.

Тесёлкин А.С.

267. Тесёлкин А.С. О спрягаемых формах глагола в индонезийском языке // *Краткие сообщения ИВ АН. XXIX*. М., 1959. С. 26-38.
268. Тесёлкин А.С. Об аморфности слога в малайском языке (на примере категории залога) // *Иностранные языки*. 1970. № 6. С. 199-205.

Тяпкина Н.И.

269. Тяпкина Н.И. О значении связочных структур (К вопросу о роли частицы *ды*) // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 69-85.
270. Тяпкина Н.И. О принципах анализа и классификации простых предложений в китайском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы синтаксиса* / Ред. Алиева Н.Ф., Плам Ю.Я. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 168-187.
271. Тяпкина Н.И. Предложения безличного типа в современном китайском языке // *Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы синтаксиса* / Ред. Алиева Н.Ф., Плам Ю.Я. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 188-203.
272. Тяпкина Н.И. Об использовании понятия валентности при описании моделей предложений // *Разыскания по общему и китайскому языкознанию*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1980. С. 50-57.

Чевкина Л.М.

273. Чевкина Л.М. Классификация сложных предложений в современном бенгали // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года* / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 205-213.

Фёдоров А.В.

274. Фёдоров А.В. *Типологический сдвиг между островными и континентальными западно-австронезийскими языками (на основе сопоставления систем малагасийского языка и языка тью)*. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук (спец. 10.02.22). М.: ИВ АН СССР, 1987. 17 с.
275. Фёдоров А.В. (Fedorov A.V.). A typological comparison of the phonetico-phonologic systems of Malagasy and Chru languages // *Linguistics: A Soviet Approach / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik (eds.), Swapan Banerji (coed.)* [Indian Journal of Linguistics]. Calcutta: Eka Press, 1988. P. 246-251.

Чернова Л.А. – см. Бархударова (Чернова) Л.А.

Чернышев В.А.

276. Чернышев В.А. Об одном приеме стилистического синтаксиса хинди (двойное сказуемое) // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18-20 января 1965 года / Ин-т народов Азии АН СССР; Бескровный В.П., Быкова Е.М., Липеровский В.П. (редкол.)*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. С. 252-264.
277. Чернышев В.А. Изучение хинди в СССР и России // *Языки Азии и Африки: Традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г.* М.: ИВ РАН, 1998. С. 130-135.

Шер А.Я.

278. Шер А.Я. *Что нужно знать о китайской письменности*. М.: Гл. ред. вост. лет., 1968. 211 с.

Шкарбан Л.И.

279. Шкарбан Л.И. К семантической характеристике пассивных залогов в тагальском языке // *Проблемы теории грамматического залога*. Л.: Наука, 1978. С. 196-213.
280. Шкарбан Л.И. Об особенностях кодирования семантической роли пациенса в залоговых конструкциях филиппинских языков // *Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор). Международная научная сессия 24-25 апреля 2003 г. Материалы докладов*. СПб., 2003. С. 36-38. Перевод на англ. яз.: Там же. С. 38-39.
281. Шкарбан Л.И. О залоге в филиппинских языках в контексте интегральной лингвистической типологии // *Языки Дальнего Восто-*

ка, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Доклады VII Международной конференции (Москва, 16-10 сентября 2003 г.) / ИСАА при МГУ им. Ломоносова. Вост. фак-т СПбГУ. Ч. 2. М.: Гуманитарий, 2003. С. 208-219.

282. Шкарбан Л.И. On the syntax of Philippine languages in typological context // *ICANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов*. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2007. С. 293-302.
283. Шкарбан Л.И. (Shkarban L.I.) (соавтор: Г.Е.Рачков). Reciprocal, sociative and comitative constructions in Tagalog // *Reciprocal Constructions. Vol. 3* / Nedjalkov V.P., Geniussiene E.S., Guentcheva Z. (eds.). Amsterdam & Philadelphia: Benjamin's, 2007. P. 887-931.
284. Шкарбан Л.И. (Shkarban L.I.). Some aspects of relations between deixis and syntax in Philippine languages // *Language and Text in the Austronesian World. Studies in Honour of Ülo Sirk* / Eds. Yu.A. Lander, A.K. Ogloblin. (LINCOS Studies in Austronesian Linguistics 6.) Muenchen: LINCOS Europa, 2008. P. 263-276.
285. Шкарбан Л.И. Аспекты синтаксической типологии филиппинских языков // *Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»*: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 246-263.

Шутова Е.И.

286. Шутова Е.И. Конструкция «сцепления» в современном китайском языке // *Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии* / Ин-т народов Азии АН СССР. Отв. ред. Ю.В. Рождественский. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1964. С. 86-96.
287. Шутова Е.И. К постановке вопроса о формально-синтаксическом и логико-смысловом членении предложения // *Спорные вопросы строя китайского языка*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 152-163.
288. Шутова Е.И. О глагольной интенции // *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие* / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1969. С. 307-310.
289. Шутова Е.И. Типы предикации в современном китайском языке // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 103-105.
290. Шутова Е.И. Европейская традиция грамматики в китайском языкознании (к вопросу о выделении частей речи в китайском языке) // *Лингвистические традиции в странах Востока. Материалы рабочего совещания* / Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 139-141.
291. Шутова Е.И. Лексическая и грамматическая семантика именного полисиллаба в современном китайском языке // *Китайское языко-*

- знание. IX Международная конференция. Материалы. Москва 23-24 июня 1998 г. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 195-198,
292. Шутова Е.И. К характеристике правонаправленной сочетаемости глагола в китайском языке // *Языкознание в теории и эксперименте: к 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики при ИСАА*. М.: Пробел-2000, 2002. С. 577-591.
293. Шутова Е.И. Проблема частей речи в китаеведении // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы. Москва, 25–26 июня 2002 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 339-346.
294. Шутова Е.И. Проблема частей речи в китаеведении // *Вопросы языкознания* 2003. № 6. С. 47-65.
295. Шутова Е.И. Выдвижение топика – структурно-синтаксическая доминанта китайского языка? Критический анализ // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII Международная конференция. Материалы. Москва, 22-23 июня 2004 г.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. С. 417-425.
296. Шутова Е.И. К вопросу о сущности процесса речевого употребления // *Международный конгресс востоковедов. Тезисы. International Congress of Asian and North African Studies. Abstracts*. М.: ICANAS XXXVII, 2004. С. 188-190. Перевод на англ. яз.: Там же. С. 187-188.

Янкивер С.Б.

297. Янкивер С.Б. К вопросу о контактах между китайским и тайскими языками // *Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»*. Ч. 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 108-110.
298. Янкивер С.Б. К вопросу о контактах между китайским и тайскими языками // *Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть шестая*. М.: Наука, 1982. С. 239-245.
299. Янкивер С.Б. (соавторы: Солнцева Н.В., Толкачев П.Ф., Семенов А.Л.). *Библиография по китайскому языкознанию* / Отв. ред. В.М. Солнцев. Книга 1. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. – 559 с. Книга 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1993. – 523 с.

II. Лексикология

©

Д.И. Еловков
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Некоторые особенности номинации в кхмерском языке

В исследованиях по кхмерскому языку некоторые формальные вопросы номинации рассматривались в [Лонг Сеам 1975], а семантические аспекты – в [Еловков 1988], см. также [Еловков 2009].

В кхмерском языке я выделяю 7 типов номинативных единиц.

1. Существительные, обозначающие форму, которые употребляются вместе с другим конкретным существительным в позиции к нему: *Taŋ* «нечто узкое или тонкое, длинное, негибкое – типа палки, стержня»; *khsae* «нечто тонкое, длинное, гнущееся – типа веревки, ленты». Ср. *Taŋ dik* («палка»-вода) «русло» и *khsae dik* («веревка»-вода) «течение».

2. Слова с широким, недифференцированным значением, что позволяет употреблять их для наименования большого количества однородных предметов и действий.

Например, *ku:n* «прямой потомок в первом поколении: сын, дочь, ребенок, дети, детеныш, котенок, теленок» и т. п. Это слово употребляется как самостоятельно, так и с уточняющим компонентом: *ku:n prus* (потомок-мужчина) «сын», *ku:n sri:* (потомок-женщина) «дочь», *ku:n go* (потомок-корова, бык) «теленок».

Глагол *keit* выражает только идею возникновения и переводится в зависимости от контекста: «родиться (о ребенке)», «возникнуть (об организации)», «начаться (о войне, болезни)».

3. Слова с узкореперентным значением.

Так, в кхмерском языке отсутствует общее слово «корзина», есть только обозначения определенных видов корзин: *kantrak* «корзина средней величины, глубокая, продолговатая, с ручками» – для переноски вещей, продуктов; *kañjei* «большая глубокая круглая корзина без ручек» – используется для хранения продуктов; *kañjraeñ* «неглубокая круглая корзина значительного диаметра» – используется для переноски продуктов на голове.

Понятие «нести» выражается 13 глаголами: *du:l* «нести на голове», *li:* «нести на плече (бревно)», *sba:y* «нести на плече за спиной (мешок)», *pi:* «нести на руках, обхватив», *raek* «нести на коромысле», *bun* «нести на одном конце палки (узелок)» и т.д.

4. Специализированные определения (типа *русск.* «врас-сыпную»), которые сочетаются с одним-двумя словами.

Например, *syeik* «очень» (легкий), *plie* «очень» (быстрый), *bramik* «очень» (черный), *khuoñ* «не открывая рта» (смеяться), *kres* «резко» (встать).

5. Слова, обозначающие меру или степень качества.

Например, *ka:c* «почти полный», *du:ñ* «набитый битком», *kañjaeh* «осторожно толочь».

6. Слова, характеризующие референт в двух (иногда более) аспектах.

Например, *sraguk* «толстый и тяжелый», *kradi:- krada:* «толстый и низенький», *craLo* толстый и высокий.

7. Ономатопы – это очень обширная группа лексики в кхмерском языке.

Например, *cru:c-cru:c* «хруп-хруп» о жевании свежего, жесткого (типа моркови); *gru:p-gru:p* «хруп-хруп» о жевании твердого с полным ртом.

Перечисленные способы номинации наблюдаются также в бирманском, вьетнамском и тайском языках.

Литература

1. Еловков Д.И. *Проблемы лексикологии языков Юго-Восточной Азии*. Докт. дисс. ЛГУ, Л, 1988. С.272-300.
2. Еловков Д.И. *Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.136-145.
3. Лонг Сеам. *Очерки по лексикологии кхмерского языка*. М.: Наука, 1975.

***Sinnarrāṇ* и *uncle*:
семантическое развитие в дравидийской
и индоевропейской терминологии родства**

Каждое появляющееся направление в лингвистике добавляет что-то свое в общую теорию изучения языка. Важный вклад в языкознание внесла лингвистическая типология. Типологическое изучение и сопоставление языков дало нам понятия, которые вошли в фонд основных, базовых понятий в своих разделах лингвистики. В настоящее время период активного развития переживает семантическая типология, и, как нам кажется, ее достижения также дадут лингвистике новые и «ключевые» понятия.

Одним из таких понятий, возможно, станет понятие «семантический переход», впервые предложенное Анной Андреевной Зализняк в работе [Зализняк 2001]. В прошедшем году, в частности, ему был посвящен сборник статей «The Lexical Typology of Semantic Shifts», вышедший под грифом шведской Академии наук [Juvonen, Kortjevskaja-Tamm 2016]. Мы, вслед за Анной Андреевной Зализняк, понимаем под «семантическим переходом» наличие «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного "слова в широком смысле"» [Зализняк 2013, с. 37]. «Слово в широком смысле» определяется при этом в двух временных планах: как синхронное единство слова с его полисемией и как единство слова, взятого в историческом развитии. Семантический переход между значениями реализуется в языках «синхронной полисемией, диахронической семантической эволюцией, морфологической деривацией, когнатами и заимствованиями» [там же]. Так, например, переход **‘схватить’** → **‘понять’** реализуется в полисемии англ. *to catch* ‘схватить, понять’; *to get* ‘получить, понять’; франц. *saisir* ‘схватить, понять’ и в диахроническом развитии франц. *comprendre* ‘понять’ из лат. *comprehendere* ‘схватить’, в рус. *понять* из др.-рус. *пояти* ‘схватить’, нем. *begreifen* ‘понимать’ от *greifen* ‘схватить’, итал.

capire из лат. *capere* ‘поймать’ и др. [Зализняк 2006, с. 400]. Данные, полученные с помощью этого лингвистического подхода, собраны в Каталоге семантических переходов в языках мира DatSemShift [DatSemShift 2017], разрабатываемом группой исследователей в Институте языкознания РАН (Москва) под руководством Анны А. Зализняк [Zalizniak et al. 2012].

В ранее опубликованной работе [Смирнитская 2016(a)] мы представили результаты исследования лексико-семантического поля «термины родства» в тамильском языке. В процессе изучения мы обнаружили некоторую неоднородность этого семантического поля с точки зрения возможности порождать семантические переходы: одна часть значений из системы родства порождает существенно больше переходов, чем другая. В данной работе мы рассмотрим значения из семантического поля «термины родства» – *mother*, *uncle* и *aunt*¹, – и постараемся показать на примере обнаруженных нами тамильских семантических переходов разную семантическую «продуктивность» этих значений в рассмотренных языках. Попытаемся также найти другие подтверждения или опровержения этим различиям.

Для данной работы мы рассмотрели эти значения в пяти дравидийских и пяти индоевропейских языках. Мы пытались выявить возможные случаи семантических переходов и определить относительно высокую или относительно низкую продуктивность по этому параметру. Из дравидийских языков были привлечены тамильский язык, малаялам, каннада, телугу и малто, из индоевропейских – английский, русский, немецкий, идиш и нидерландский. Материалом для исследования послужили как словари, так и существующие языковые описания и базы данных, представленные онлайн. Кроме синхронных семантических переходов мы включили в рассмотрение данные по историческому развитию этих значений, а также типологические сведения о возможной «колексификации» (термин из статьи Francois 2008, см. ниже) в языках мира.

Как было показано в работе [Смирнитская 2016(a)], в тамильском языке подтверждаются следующие переходы с исходными значениями *mother*, *uncle* и *aunt*. С исходным значением **mother**: *mother* → *main*, *mother* → *womb*, *mother* → *continent*,

¹ Значения обозначены английскими «ярлыками», как это принято в Каталоге семантических переходов DatSemShift.

mother → *queen (bee)*, *mother* → *native*, *mother* – *original*, *mother* – *earth*, *mother* – *a polite term of addressing the woman*. С исходным значением **uncle**: *uncle I*¹ – *ancestors*; *uncle I* – *good*; *uncle I* – *grandfather*; *elder relative (uncle I, grandfather)* – *great, large*; также *uncle II* – *father-in-law*; *uncle II* – *cousin (II, male)*; *uncle II* – *miser*. С исходным значением **aunt**: *aunt I* – *step-mother*; *aunt (I, elder)* – *a polite term of addressing the hostess of the house*; *aunt (I, younger)* – *a polite term of addressing any other woman in family except the hostess of the house*; также *aunt II* – *mother-in-law*; *aunt II* – *elder woman*.

Как видим, в нашем материале больше всего переходов было отмечено у значения *mother* – 8 переходов², из которых все – «внешние» по отношению к лексико-семантическому полю «термины родства», а «внутренних», связывающих значения из того же семантического поля, нет совсем. Другие термины родства участвуют в существенно меньшем количестве семантических переходов, особенно внешних. Меньше семантических переходов в рассмотренном материале было обнаружено со значениями терминов бокового родства, таких, как *uncle*, *aunt* и *cousin*. Так, среди разных лексем, выражающих подзначения значения *aunt*, было найдено 7 семантических связей по типу семантического перехода, из них внешних 4 и внутренних 3, причем большинство «внешних» по отношению к полю родства случаев развития значения – это использование лексемы в функции обращения. Например, при выражении значения **mother** в тамильском языке реализуется семантический переход **mother** → **main** («мать» → «что-либо главное, основное»), который проявляет себя среди прочего в семантических дериватах: *tāykkalam* «космический корабль-носитель», в полисемии лексемы

¹ Римские цифры при *uncle I* и *uncle II* указывают на подгруппы системы бокового родства в дравидийских языках: *uncle I* = *uncle JHP* от *joint held property* (подгруппа, наследующая общую собственность, в основном это родственники по отцу) и *uncle II* = *uncle PS* от *possible spouse* (подгруппа возможного брака, в основном родственники через брата матери или сестру отца, среди которых полагалось искать партнеров по браку) [Смирнитская 2016(b)].

² Числовые значения количества переходов принимаются исключительно в качестве иллюстрации тезиса о разной продуктивности семантической мотивации.

tāy ‘что-л. главное, основное, основополагающее; головная организация’ и др. Другой возможный семантический переход **mother – original** реализуется деривацией: *tāyccīṭṭu* ‘оригинал документа’; *tāypporulkaḷ* *мн.* ‘сырье’, а также синхронной полисемией: *tāy* ‘мать; источник’. В то же время лексема, выражающая значение **aunt I**, реализует в тамильском языке семантические переходы **aunt I – step-mother** (полисемия – *ciṅṅamma* и *ciṛiyatāy*); **aunt (I, elder) – a polite term of addressing the hostess of the house** (как например, полисемия тамильской лексемы *periyammā*); **aunt (I, younger) – a polite term of addressing any other woman in family except the hostess of the house** (полисемия тамильской лексемы *ciṅṅammā*).

Очевидно, при такой небольшой выборке невозможно говорить даже о тенденциях, но можно делать предположения. Мы видим, что значения, относящиеся к боковому родству, образуют меньше внешних семантических связей, чем значение **mother** из основной, нуклеарной части семьи. Образуемые ими связи в основном сводятся к внутренним связям с другими терминами родства либо к обращениям. Можно предположить, что термины бокового родства вообще могут быть менее продуктивны в плане развития семантики путем семантических переходов.

Мы попробовали найти подтверждение этому явлению с помощью другого семантико-типологического метода, а именно метода колексификации Алекса Франсуа [François 2008].

Теория колексификации рассматривает явления, схожие с теорией семантических переходов, однако этот подход сфокусирован на синхронном аспекте взаимоотношения значений. Как пишет М. Копчевская-Тамм, «семантический переход от одного значения к другому всегда имеет промежуточную стадию, когда два значения сосуществуют в одной и той же полисемичной лексеме» [Juvonen & Kortjevskaja-Tamm 2016, p. 1]. Именно на этой промежуточной стадии сконцентрировано внимание Алекса Франсуа. В его понимании можно говорить о «колексификации двух функционально различных смыслов – если и только если данный язык может ассоциировать их с одной и той же лексической формой. При этом под лексической формой может пониматься лексема, конструкция или даже лексический корень» [François 2008, p. 170].

На основании теоретических положений Алекса Франсуа международной группой исследователей из немецких университетов Philipps-University (Marburg) и Heinrich Heine University (Düsseldorf) была создана база данных колексификаций значений в языках мира CLICS [List & Mayer & Terhalle & Urban 2014]. Эта база наполняется автоматически, информацией из открытых лингвистических корпусов и баз данных. В настоящее время CLICS охватывает около 220 языков мира. Для каждого значения того или иного слова в базе устанавливаются колексификационные связи с другими его значениями в том же языке, и на основании этих связей строится «сеть» значений с «центральным концептом» в вершине. Сети для разных языков накладываются друг на друга, и мы получаем информацию о «весе» (представимости) каждой семантической связи в рассмотренных языках. Интернет-функционал базы снабжен визуальным представлением, демонстрирующим «сети» для каждого значения.

В базе данных колексификаций CLICS про концепты из рассматриваемой области указываются следующие данные:

1. Концепт *uncle* имеет в данных 33 связи с другими концептами. В том числе зарегистрировано 223 примера связей с концептом *mother's brother*, зафиксированные в 73 языках из 27 семей. С концептом *father's brother* в базе данных указано 241 примера связей в 68 языках из 23 семей. С концептом *father-in-law (of a man)* есть 230 примеров из 7 языков 7 семей. С концептом *aunt* зарегистрировано 259 примеров в 7 языках 6 языковых семей. С концептом *father* – 305 примеров на связи из 8 языков 5 языковых семей. С концептом *brother* – 247 связей из 9 языков 4 языковых семей. С концептом *older brother* – 254 примера связей из 6 языков 4 языковых семей, с концептом *grandfather* – 300 примеров связей из 2 языков 2 языковых семей. Основная сеть для данного значения (номер 89) включает значения *father*, *father's brother* (центральный концепт) и *mother's brother*. В базе данных CLICS также есть примеры на семантические соотношения концепта *uncle* с другими значениями, подтвержденные одиночными примерами: *uncle – chief*, *uncle – family*, *uncle – friend*, *uncle – man*, *uncle – husband*, *uncle – voice*, *uncle – stepfather*, *uncle – walk* и др.
2. Концепт *aunt* является ядром сети, в которую входят 30 связей с другими концептами. В том числе наибольшее коли-

чество связей прослеживается в этой базе данных с концептами *mother's sister* (219 примеров из 69 языков 22 языковых семей) и *father's sister* (217 примеров на связи из 66 языков 21 языковой семьи). Значительно меньшее количество связей со значениями *uncle* – 252 примера из 7 языков 6 языковых семей, со значением *cousin* – 346 примеров из 5 языков 5 языковых семей, с концептом *mother* – 293 связи из 9 языков 5 языковых семей, с концептом *mother's brother* – 223 связи из 5 языков 5 языковых семей, с концептом *older sister* – 228 связей из 4 языков 4 языковых семей, с концептом *mother-in-law (of a man)* – 235 связей из 4 языков 4 семей, со значением *grandmother* – 300 примеров на соотношение со значениями 3 других языков из 3 языковых семей. Основная сеть для данного значения (номер 107) включает значения *mother*, *mother's sister* и *father's sister*. Также было зафиксировано по одному языковому примеру на «внешние» по отношению к этому семантическому полю связи, в том числе такие: *aunt – alone*, *aunt – family*, *aunt – fork*, *aunt – friend*, *aunt – one*, *aunt – tree*, *aunt – wife* и др.

3. Концепт *mother* является ядром сети с 31 связью. Среди обнаруженных связей – связи с концептами (из того же семантического поля): с концептом *mother's sister* – 219 примеров из 17 языков 12 языковых семей, с концептом *aunt* – 259 примеров из 9 языков 5 языковых семей, со значением *grandmother* – 300 примеров из 4 языков 3 языковых семей, с концептом *stepmother* – 216 примеров из 3 языков 3 семей, с концептом *father's sister* – 217 примеров из 2 языков 2 языковых семей, со значением *female* – 233 примера из 2 языков 2 языковых семей, со значением *mother-in-law (of a woman)* – 200 примеров из 2 языков 2 языковых семей. Основной «сетью» для данного значения является сеть номер 107, включающая значения *mother*, *mother's sister*, *aunt* (центральный концепт) и *father's sister*. Имеются также одиночные семантические связи со значениями: *mother – cause*, *mother – do/make*, *mother – parents*, *mother – old woman*, *mother – queen*, *mother – woman*, *mother – wash* и др.

Рассматривая семантические связи значений *uncle* и *aunt*, мы видим существенно большее количество подтверждений связям *uncle – mother's brother*, *uncle – father's brother*, *aunt – mother's sister* и *aunt – father's sister* по сравнению со всеми дру-

гими связями. Возможно, это связано с процедурой подбора материала в базу данных колексификаций. Также это может отражать тот факт, что значение *aunt* выступает как генерализованное представление указанных двух значений в линейной с антропологической точки зрения системе терминов родства, тогда как *mother's sister* и *father's sister* – это представление тех же значений в бифуркативных системах родства, и соответственно, значимость этой связи отражает сопоставимость линейной и бифуркативной систем родства.

В данных из базы колексификаций CLICS мы не находим подтверждения предположению, что значения нуклеарной семьи, например, *mother*, образуют больше семантических связей и переходов, чем значения *uncle* и *aunt* из боковой подсистемы родства. С чем может быть связан такой результат? Возможно, здесь имеет значение устройство систем CLICS и DatSemShift: в Каталоге DatSemShift семантические переходы постулируются лингвистами на основе анализа языкового материала, а в базе данных CLICS данные собираются автоматически. Это исключает возможность проверки колексификаций и отбора из них самых существенных. Автоматический сбор данных лишает исследователя возможности посмотреть и проверить каждый случай колексификации. Также невозможно проверить релевантность значения для данного языка: если мы используем в качестве источника переводной словарь, например, каннада-английский, и видим в английском переводе интересующего нас слова каннада поставленные рядом лексические значения «*uncle*», «*mother's brother*», это не означает, что в каннада есть такой переход. Повидимому, соположение возникает потому, что в английском языке нет прямого словарного соответствия для «брат матери» и в переводе приходится указывать сначала общее значение «*uncle*», а затем уточняющее – «брат матери».

Схожее количество семантических переходов у значения *mother* и терминов бокового родства (*uncle* и *aunt*), которое мы наблюдаем в Базе данных колексификаций, возможно, связано также с синхронным характером подхода, принятым в данной теории.

Если говорить о структуре экстралингвистических представлений, лежащих в основе семантики терминов родства, необходимо обратиться к данным современной антропологии. Дравидийские системы терминов родства по антропологической

классификации в основном относятся к ирокезскому типу – смешанный бифуркативно-сливающий тип, при котором в поколении родителей особое название получают только сиблинги пола, противоположного полу родителя [Аллен 1995; Иванов 2010]. Терминология родства в рассмотренных индоевропейских языках отражает линейную систему терминов родства, свойственную этим культурам (см. Табл. 1):

Таблица 1

система родства	‘отец’	‘брат отца’	‘брат матери’
Генерационная	А	А	А
Бифуркативно-сливающая	А	А	В
Бифуркативно-коллатеральная	А	В	С
Линейная	А	В	В

В основу этой классификации положена терминологическая трактовка именно боковых родственников, а именно – сиблингов родителей, кроме этого учитываются также родные и двоюродные братья и сёстры. В бифуркативно-сливающей системе, такой, как тамильская, параллельные кузены (ортокузены, дети брата отца или сестры матери) считаются братьями и сестрами и приравниваются к родным сиблингам, а дети родительского сиблинга противоположного пола (кросс-кузены) – более далекими родственниками. Для дравидийских систем родства это обсуждается, в частности, в таких классических работах, как [Dumont 1934] и [Trautmann 1995], а также в современных исследованиях, например, в работе А.В. Иванова [Иванов 2012], посвященной родству у ерукала. Так, в тамильской системе родства значение ‘отец’ выражается лексемой *appāṇ*, и в то же время старший и младший братья отца выражаются семантическими дериватами от того же корня: *periyappaṇ* ‘старший брат отца’ и *cirappaṇ* ‘младший брат отца’. Значение ‘дядя’, ‘брат матери’ при этом выражается *mātaṇ* (*ār*), *periyammāṇ*.

Для линейного типа систем родства, отраженного в английском языке и некоторых других индоевропейских языках, характерно одинаковое наименование боковых родственников поколения родителей по отцу и по матери: английская лексема *uncle*, как и немецкая *Onkel*, используется для обозначения и

‘брата отца’, и ‘брата матери’; возможно, даже наименование той же лексемой их супругов: ‘мужа сестры матери’ и ‘мужа сестры отца’ (см. Табл. 2):

Таблица 2

	Дядя, брат матери	Дядя, брат отца	Муж тети	Тетя, сестра матери	Тетя, сестра отца	Жена дяди
	MB	FB	FZH	MZH	FZ	FBW, MBW
англ.	uncle			aunt		
рус.	дядя			тетя		
нем.	Mutterbruder	Vatersbruder		Tante, Muhme		
	Onkel, Oheim					
нидерл.	oom, ome, onkel			Tante		
идиш	feter, onkl			mume, tante		

Как мы видим, эти системы терминов характеризуются следующими чертами: значения кровного родства и родства по браку в этих языках объединены (*uncle* – это и ‘брат отца’ и ‘муж тети’); родственники с материнской и отцовской стороны не противопоставлены; не выражается параметр старшинства в поколении родителей. Все эти черты свойственны современной европейской системе родства.

Если посмотреть на историю развития этих терминов, мы сможем увидеть другую ситуацию.

Так, английское *uncle* появилось в языке в конце XIII в. и произошло от старофранцузского *oncle* из латинского *avunculus* ‘брат матери’ (‘брат отца’ был *patruus*), что буквально означало «маленький дедушка» («little grandfather»), диминутив от *avus* ‘дедушка’, из ПИЕ корня *aw- <PIH *HauHo-s> ‘дед, старший родственник мужского пола’. В английском языке это слово заменило староанглийское *ĕam, -es m.* (‘дядя, преимущественно с материнской стороны’; ‘дядя с отцовской стороны’ был *fædera*), которое восходило к германскому развитию этого же корня [Starling 2017]. Идишское *feter* является рефлексом протогерманского *fadēr; *fāō/*fadō(n), имевшего значение ‘отец’. В процессе исторического развития в немецкой ветви общегерманского, по-видимому, развилось значение ‘отец, брат отца’, как например, в средне-верхне-немецком *vater* ‘отец, брат отца, сын брата’, в Pl ‘родня’. Русская реализация значения **uncle** –

дядя восходит к ПИЕ *dhēdh-, значения которого указываются как ‘дядя, дедушка, бабушка, общее обращение к старшим’ [Трубачев 1959]. Родственно латышскому *dēds* ‘старик; чучело’, *dēdēt*, *dēdu*, *dēdēju* ‘чахнуть, слабость телом’, греч. τήθη ‘бабушка’, τηθίς ‘тетка’, θεῖος ‘дядя’, θεῖα ‘тетка’ (из *θήιος, *θήια) [Starling 2017]. Родственные этимологии: укр. дід, блр. *dzeð*, ст.-слав. *дѣдо* *прѣово*, болг. *дядо*, сербохорв. *djèð*, словен. *déd*, род. п. *déda*, чеш. *děd*, слвц. *ded*, польск. *dziad*, в.-луж. *džéd*, н.-луж. *žéd* ‘старик’ [там же]. Известны и другие случаи этимологического родства названий отца и отцовского дяди. Так, например, рефлексамии прото-балтийского *strūj-u-, *struj-u-m являются как старо-литовское *strūju-s* ‘дедушка; старик’, так и современное литовское *strūju-s* ‘дядя (брат отца или муж сестры матери)’, ср. др.-русские *стрый* и *уй* [там же].

Таким образом, мы видим, что из лексем, воплощающих значения **uncle** в указанных языках, некоторые являются когнатами – англ. *uncle*, нем. *Onkel*, нидерл. *Onkel* и идишское *onkl* – и восходят к одному ПИЕ корню *aw- <PIH *NauHo-s> ‘дед, дядя (брат матери)’ через латынь и романские языки. В то же время другая часть реализаций значения **uncle** (немецкое *Oheim*, нидерландское *oom*, *ome*), также являясь когнатами, восходят к тому же праиндоевропейскому корню, но через германские языки: протогерманское *awōn; *awēn; *awun-xaim со значением ‘дедушка, бабушка, дядя’, обозначавшее старшего родственника, независимо от пола). Идишское *feter* восходит к протогерманскому *fadēr; *fāō/*fadō(n) ‘отец’, а русское **дядя** – соответственно к ПИЕ *dhēdh – ‘дядя, дедушка, бабушка, общее обращение к старшим’. В целом картину развития этих терминов родства можно проиллюстрировать, как показано в Табл. 3.

В этом историческом развитии мы можем наблюдать тесную взаимосвязь наименований старших родственников – дедушки, бабушки, тети и дяди, – и некоторую спутанность, неразличимость их обозначений. Возможно, такая система терминов свидетельствует о принципиально ином, отнюдь не линейном, устройстве родства у праиндоевропейцев, о чем говорят и исследования антропологов [Аллен 1995; Иванов 2010]. И, вероятно, с точки зрения теории семантических переходов здесь можно говорить о внутренних для данного лексико-семантического поля переходах **grandfather** – **uncle**, **grandmother** – **aunt** и **father** – **uncle**.

Таблица 3

	ПИЕ	Промежуточное состояние	Современный термин
1	*aw- <PIH *NauHo-s> 'дед, дядя (брат матери)'	Протогерманское: *awōn; *awēn; *awun-xaim 'дедуш- ка, бабушка, дядя',	немецкое Oheim , нидерландское oom, ome
2	*aw- <PIH *NauHo-s> 'дед, дядя (брат матери)'	Через романские языки. Латынь: <i>avunculus</i> 'брат матери' – диминутив от <i>avus</i> 'дедушка'	англ. uncle , нем. Onkel , нидерл. Onkel и идишское onkl
3	*pa-t-er 'отец'	*fadēr; *fāōb/*fadō(n) 'отец'	Идишское <i>feter</i>
4	*dhēdh- 'дядя, дедушка, бабушка, общее обращение к старшим'.	Слав. *děďь	русское <i>дядя</i>

Что касается английской лексемы *aunt*, это слово появилось в языке приблизительно в XIII в. и соответствует старофранцузскому *aunte*, из которого возникло современное французское *tante*. Оба они восходят к латинскому *amita* 'тетя с отцовской стороны', которое возможно, является уменьшительной формой от **amma*, слова детской речи, обозначающего 'мать'. Из этого слова также произошли греческое *amma* 'мать', старо-норвежское *amma* 'бабушка', среднеирландское *ammait* 'старая карга'. Немецкое и нидерландское *Tante* и идишское *tant* также связаны своим происхождением с французским *tante* и английским *aunt*. Расширения смыслов этого слова включают: 'старая женщина; сплетница', 'сводница', 'доброжелательная женщина', особенно в американском английском, где *auntie* означало с XVIII в. 'обращение к более старшей женщине' [Online Etymology 2017].

Этимология русской лексемы *тетя* возводит ее к «слову детской речи», как и *máma*, *mjáma* 'отец' (диал.). Ср. лит. *tetà* – то же, жем. *ūtis* 'отец', греч. *tétta*, *tatā* 'отец'. Родственные этимологии: *тёмка*, укр. *mímka*, блр. *цётка*, русск.-цслав., ст.-слав. *тетъка* θεία, болг. *méma*, *mémka*, сербохорв. *mémka*, *méma*, словен. *téta*, *tétka*, чеш., слвц. *teta*, польск. *ciotka*, в.-луж. *ćeta*, н.-луж. *śota*, полаб. *teta* [Starling 2017]. Немецкое *Muhme* и идишское *tume*, как и большая часть лексем, обозначающих «тетю»

в рассмотренных индоевропейских языках, также происходит из «слов детской речи».

Таким образом, анализ исторического развития терминологии бокового родства в индоевропейских языках показывает, что современные термины, возможно, происходят от обобщенных, слитных наименований старших родственников в прошлом или от детской речи. Однако недостает точных данных, которые доказывали бы, что полисемия существовала уже в праиндоевропейском языке, а не возникла позднее.

Сравним эту ситуацию с дравидийской. Рассмотрим значения в рассматриваемых пяти дравидийских языках, соответствующие английскому ярлыку **uncle** (Табл. 4):

Таблица 4

	дядя, брат матери	отец	дядя, брат отца	муж тети	
	MB	F	FB	FZH	MZH
тамил.	<i>māmaṅ (ār), periyammāṅ</i>	<i>appāṅ; takappaṅ, ayyā, tantai</i>	<i>e¹: periyappaṅ y: cirappaṅ</i> Общее <i>nallappaṅ</i>	<i>e: periyammāṅ</i>	<i>e: periyappaṅ</i>
телугу	<i>māma, mēnamāma, mātuluḍu, bāva</i>	<i>ayya, tandri, nayana, nāna</i>	<i>e: pettaṅḍri, nayana y: pinataṅḍri; bābāyi</i> Общее <i>pitṛivyūḍu</i>	<i>māma</i>	<i>ayya, tandri, nayana y: pinataṅḍri</i>
малаял.	<i>mātulan; kāraṇavan y: kōccammāman</i>	<i>appaṅ, pitāv</i>	<i>e: mūttayuppaṅ; pērappaṅ;</i> Общее: <i>kākā; pitṛvyān kuccaccaṅ; valiyappaṅ</i>	<i>kuccaccaṅ</i>	<i>e: pērappaṅ, pitṛvyān</i>

¹ e – elder, y – younger.

малто	<i>тота, тата</i> 'дядя по материнской линии; муж тети'	<i>abba</i> 'мой отец' и <i>mānqaler</i> , котор. может обозначать как 'отец', так и 'сын'	е: <i>pipo</i> у: <i>dada</i>	<i>mama</i> , <i>dada</i> (нет информации, с какой стороны)
каннада	<i>māva</i>	<i>tande</i> , <i>appa</i> , <i>auva</i>	у: <i>cikkatande</i> (<i>sanapa</i> диал.), е: <i>doḍḍatande</i> / <i>doḍḍapa</i>	нет информации

И значения, соответствующие английскому ярлыку **aunt** (Табл. 5):

Таблица 5

	мать	тетя, сестра матери	тетя, сестра отца	жена дяди	
	M	MZ	FZ	MBW	FBW
тамил.	<i>tāy</i> , <i>ammā</i>	е: <i>pēravvai</i> , <i>periyammā</i> у: <i>ciṟiyatāy</i> Общее: <i>nallammāl</i>	<i>māmi</i> , <i>attai</i> , <i>nallattai</i> , е: <i>periyattai</i>	<i>māmi</i>	у: <i>ciṟiyatāy</i> , <i>ciṟṟammā</i> Общее: <i>nallāycci</i>
телугу	<i>amma</i> , <i>talli</i> , <i>avva</i> ('мать; старая женщина')	<i>amma</i> , <i>talli</i> у: <i>pinatalli</i> , е: <i>peddamma</i>	<i>atta</i> , <i>mēnatta</i> , <i>māmi</i>	<i>atta</i> , <i>mēnatta</i> , <i>māmi</i>	<i>amma</i> , <i>talli</i> у: <i>pinatalli</i> е: <i>peddamma</i>
малаял.	<i>amma</i>	у: <i>iḷayamma</i> , <i>ciṟamma</i>); е: <i>mūttamma</i> ; <i>pēruka</i>	<i>atta</i>	<i>ammāyi</i> , <i>atta</i>	у: <i>iḷayamma</i> , <i>ciṟamma</i> е: <i>pēruka</i>
малто	<i>auva</i> 'моя мать', <i>ijjo</i> 'твоя или ваша мать' и <i>teho</i> 'его или их мать'	у: <i>qali</i> е: <i>peni</i>	<i>chācho</i> (<i>ca:co</i>)	<i>tomī</i>	нет информации
каннада	<i>tāyi</i> , <i>avva</i> (диал), <i>amma</i>	у: <i>cikkamma</i> , <i>cikkatāyi</i> / <i>cikava</i> , е: <i>doḍḍam'ma</i> / <i>doḍḍava</i>	<i>atte</i> <i>sōdaratte</i>	<i>cikkatāyi/cikava</i> 'жена младшего брата отца', <i>doḍḍam'ma</i> , <i>doḍḍatāyi</i> (<i>doḍḍava</i>) 'жена старшего брата отца', <i>sōdaratte</i> 'жена брата матери'	

Дравидийские термины родства, например, в тамильском языке и каннада, характеризуют следующие черты.

1) Значимость относительного возраста: ‘старший / младший брат отца’ – *doḍḍatande / cikkatande*, ‘старшая /младшая тетья’ – *doḍḍamma / cikkamma*. 2) Сближение родителей и их сиблингов: *ammā* ‘мама’ – *cinnaṁmā* ‘тетя’, букв. ‘младшая мама’; *appā* ‘отец’, *cinnaṁpā(n)* – ‘дядя, младший брат отцам, букв. ‘младший папа’. 3) Сближение (колексификация) кузенов и сиблингов: *akkāḷ / tankai* ‘старшая /младшая сестра, двоюродная сестра’. 4) Нетривиальное разграничение патринеальных и матринеальных родственников: *periya takarraṇ* – ‘дядя, старший брат отца’, *cinnaṁpā(n)* – ‘дядя, младший брат отца’; *māma(n)* – ‘дядя со стороны матери’. И в то же время *periyarraṇ* ‘старший брат отца’ и ‘муж старшей сестры матери’.

Для того, чтобы проследить историческое развитие дравидийских терминов, мы можем воспользоваться базой данных дравидийской этимологии, составленной Г.С. Старостиным [Старостин 2000; STARLING 2017]. Вот какая картина в результате обнаруживается (Табл. 6):

Таблица 6

	Протодравидийское значение	Значение в современных языках
1	* <i>ápa</i> - ‘отец’ (уважит.)	там. <i>appāṇ; takarraṇ</i> ‘отец’, <i>cinnaṁpāraṇ</i> ‘дядя, младший брат отца’ мал. <i>appaṇ</i> ‘отец’, малто <i>abba</i> ‘мой отец’ кан. <i>appa</i> ‘отец’.
2	* <i>átai</i> ‘родственник женского пола’ (сестра отца, бабушка)	там. <i>attai, nallattai; periyattai</i> ‘(старшая) тетья, сестра отца’ тел. <i>atta, mēnatta</i> ‘тетья, сестра отца, жена брата матери’ кан. <i>atte, sōdaratie</i> ‘сестра отца, жена брата матери’
3	* <i>ája</i> - ‘старший родственник (брат отца, дедушка, отец)’	там. <i>ayu</i> ‘отец’, обращение к уважаемому человеку; тел. <i>ayu</i> ‘отец’, кан. <i>ayu</i> ‘отец, учитель, начальник и др.’
4	* <i>t-and-</i> ‘отец’	там. <i>tantai</i> ‘отец’ кан. <i>tande</i> ‘отец’, тел. <i>tandri</i> ‘отец’.

5	*mām- ‘брат матери’	там. <i>māmaṅ</i> , тел. <i>māma</i> , <i>mēnamāma</i> , малто <i>toṃa</i> , <i>tama</i> , кан. <i>māva</i> .
6	*āma- ‘мать’ (уважит.)	там. <i>ammā</i> ‘мать’, тел. <i>amma</i> ‘мать’, мал. <i>amma</i> , кан. <i>amma</i> .
7	*āvai ‘старший родственник женского пола (бабушка, жена старшего брата)’	там. <i>pēgavvai</i> ‘тетя, сестра матери’ тел. <i>avva</i> (‘мать; старая женщина’)

Как видим, во многих случаях происходит семантическое развитие от более общего термина родства к более конкретному. Конечно, не для всех лексических обозначений родства известна этимология, и она во многих случаях хуже разработана, чем в индоевропейских языках. Кроме того, данных по более ранним стадиям развития для дравидийских языков меньше.

Однако мы здесь также обнаруживаем «слитность» значений древних терминов родства. Так, например, значение ‘родственник женского пола’ (сестра отца, бабушка) преобразовалось в тамильском языке в значение *attai*, *periyattai* ‘тетя, сестра отца’, а в каннада в *atte*, *sōdaratte* ‘сестра отца, жена брата матери’. Протодравидийское *mām- ‘брат матери’ сохранило свое значение и развилось в тамильское *māmaṅ* ‘дядя, брат матери’, телугу *māma*, *mēnamāma*; малто *toṃa*, *tama* ‘дядя, брат матери’. А протодравидийское *āja- ‘старший родственник (брат отца, дедушка, отец)’ конкретизировалось в телугу как *āyū* ‘отец’ и в тамильском как *āyū* ‘отец’, ‘обращение к уважаемому человеку’.

Выводы

Итак, лексика бокового родства представляется крайне важной для всей системы терминов родства. Именно эти термины родства являются определяющими как в антропологической классификации, так и для общего понимания устройства этой системы. В работе были рассмотрены значения *mother*, *uncle* и *aunt* в пяти дравидийских и пяти индоевропейских языках. Для каждого языка мы рассмотрели случаи реализации семантических переходов, а также рассмотрели колексификацию и провели диахронический анализ развития значений.

Сопоставление данных о семантическом развитии из Каталога семантических переходов и Базы данных коллексификаций не дает нам дополнительного аргумента в пользу разной семантической продуктивности подсистем терминологии родства. Скорее всего, это связано с разной процедурой поиска данных для этих систем: если в Каталоге семантических переходов поиск возможных переходов осуществляется вручную и все переходы проходят проверку лингвистами, специалистами по семантике и типологии, то в Базу данных CLICS сведения заносятся автоматически, с минимальной «ручной» проверкой специалистами. Среди полученных связей встречается большое количество единичных связей, которые можно было бы проверить и либо отсеять, либо найти им большее число подтверждений в других языках мира. Связи, которые, наоборот, значительно превосходят остальные по количеству примеров, в свою очередь нуждаются в тщательной проверке и принятии решения, не является ли это случаем «широты значения» («semantic generality»), когда в одном языке обозначаемый класс объектов делится более мелко, чем в другом (как с «теленком до 1 года» в дагестанском языке) [Зализняк 2013].

Сопоставление синхронных данных о семантических переходах (реализованных в основном синхронной полисемией и семантической деривацией) со сведениями об историческом развитии этих значений также не дает однозначного подтверждения нашему предположению о разной семантической продуктивности подсистем терминологии родства. В истории развития индоевропейских терминов родства мы видим, что более древние термины обозначали часто без различия «старшего родственника», указывая, максимум, на его матрилинейную или патрилинейную принадлежность. История развития рассмотренных нами терминов дравидийского родства показывает, что значение лексики может со временем сужаться, определяя более ограниченный круг родственников. Более общий термин «старший родственник, дедушка или дядя» может сузиться до одного значения «дядя, брат отца». Однако данных об историческом развитии значений дравидийской терминологии родства немного.

В целом понятно, что для более подробного изучения семантической продуктивности разных подсистем терминологии родства необходимо привлекать данные других языков – как дравидийских и индоевропейских, так и языков других языковых семей.

Литература

1. Аллен Н. Дж. Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 26-42.
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*. 2001. № 2.. С. 13-25.
3. Зализняк Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
4. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 32-51.
5. Иванов А.В. Племя ерукала в индийской деревне // *Азия и Африка сегодня*, № 2, 2010. С. 59-63.
6. Иванов А.В. Терминология родства у ерукала // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства*. [Альманах]. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 221-233.
7. Смирнитская А.А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*, № 2, 2016(а). С. 112- 127.
8. Смирнитская А.А. Семантические переходы в дравидийских терминах коллатерального родства // *Tamiltanta paricu. Сборник статей в честь Александра Михайловича Дубянского. Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. LXIII, Москва: РГГУ, 2016(b). С. 337-356.
9. Старостин Г.С. *Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка*. Автореферат диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук. Москва, 2000. 20 с.
10. Трубочев О.Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.
11. *DatSemShift: Database of semantic shifts in the languages of the world / by Zalizniak Anna A., M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Rousseau* [электронный ресурс]. URL: <http://semshifts.iling-ran.ru/> Дата обращения: 12.03.2017.
12. Dumont L. The Dravidian Kinship Terminology as an Expression of Marriage // *Man*. 1934. Vol. 53. P. 34-39.

13. François A. Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages // *From polysemy to semantic change*, ed. Vanhove M., Amsterdam, Benjamins, 2008. P. 163-215.
14. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M., eds. *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Berlin & Boston: Mouton de Gruyter, 2016. 600 p.
15. Koch, Peter. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher, Wolfgang Raible. *Language typology and language universals: An international handbook*. Vol. 2. Berlin & New York: Walter de Gruyter. 2001. P. 1143-1175.
16. List, Johann-Mattis, Thomas Mayer, Anselm Terhalle, and Matthias Urban. *CLICS: Database of Cross-Linguistic Colexifications* (Version 1.0). Marburg: Forschungszentrum Deutscher Sprachatlas, 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://CLICS.lingpy.org>. Дата обращения: 15.02.2017.
17. *Online Etymology: Online Etymology Dictionary* [электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com>. Дата обращения: 21.04.2017.
18. *STARLING: База данных по эволюции языка* / Разработчик Старостин С.А. [электронный ресурс]. URL: <http://starling.rinet.ru/> Дата обращения: 12.03.2017.
19. Trautmann T.R. *Dravidian Kinship*. New Delhi: Vistaar Publ., 1995.
20. Zalizniak et al. 2012 – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // *Linguistics*. 2012. Vol. 50, № 3. P. 634-670.

Заемствованные фразеологические единицы вьетнамского языка

Фразеологические единицы вьетнамского языка (как собственно идиомы – *thành ngữ*, так и пословицы – *tục ngữ* и грамматические фразеологизмы – *quán ngữ*) неоднородны по своему происхождению. Как и фразеологические системы других языков, вьетнамская фразеология состоит из фразеологизмов, имеющих исконно вьетнамское происхождение, и заимствованных фразеологических единиц. Слой фразеологических заимствований во вьетнамском языке весьма значителен. В подавляющем большинстве это заимствования из китайского языка, в то же время присутствует и относительно небольшое количество фразеологических заимствований из других, в основном индоевропейских языков. Традиционно с точки зрения этимологии вьетнамские исследователи делят весь фразеологический фонд вьетнамского языка на два больших класса: фразеологизмы чисто вьетнамского происхождения (*thuần Việt*) и так называемые ханвьетские фразеологизмы (*Hán-Việt*), что, на наш взгляд, отнюдь не тождественно делению на исконно вьетнамские и заимствованные фразеологизмы, поскольку иноязычное происхождение составляющих фразеологизм компонентов не гарантирует иноязычное происхождение всего фразеологизма, равно как и, в свою очередь, исконно вьетнамское происхождение компонентов не означает исконно вьетнамского происхождения фразеологической единицы.

Под ханвьетскими фразеологизмами обычно понимаются фразеологизмы, составные элементы которых являются так называемыми ханвьетскими элементами – лексическими элементами, заимствованными во вьетнамский язык из китайского языка и имеющими особое чтение, называемое ханвьетским (т.е. буквально китайско-вьетнамским). По определению Нгуен Тай Кана [Nguyễn Tài Căn 1979], ханвьетское чтение – это чтение, опирающееся на фонетическую систему китайского языка в регионе Цзяочжоу в период правления китайской династии Тан (8–9 вв. н.э.). Ханвьетские элементы заимствовались через

письменный литературный язык, поскольку китайский язык на протяжении длительного времени китайского господства был во Вьетнаме языком администрирования, использовавшимся в образовательном процессе и на конкурсных экзаменах при получении ученых степеней. Заимствованная китайская лексика в основном относилась к таким сферам, как государственное право, юриспруденция, административная система государства, должности и чины гражданских и военных чиновников, философия, элементы космогонии, традиционная медицина и т.п. Заимствованные ханвьетские единицы, подчиняясь фонетическим и грамматическим нормам вьетнамского языка и развиваясь по его законам, стали неотъемлемой частью лексического фонда вьетнамского языка, и по сей день играют активную роль в словообразовательных процессах во вьетнамском языке.

От ханвьетской лексики следует отличать лексику, заимствованную из китайского языка в более ранний период, в основном через разговорную речь в результате языковых контактов носителей вьетнамского и китайского языков. Эти древнекитайские заимствования полностью ассимилировались вьетнамским языком и воспринимаются языковым сознанием носителей языка как исконно вьетнамские. Любопытно, что определенная часть этой лексики была повторно заимствована в Танскую эпоху, но уже с другим произношением, в результате в языке параллельно функционируют китайские заимствования с разной фонетической оболочкой, одно из которых (древнекитайское) воспринимается как исконно вьетнамское. Так, слово *chè* «чай» – древнекитайское заимствование, *trà* «чай» – ханвьетское, *buồng* «комната» – древнекитайское, *phòng* «комната» – ханвьетское, *ngựa* «лошадь» – древнекитайское, *mã* «лошадь» – ханвьетское. Ханвьетские элементы функционируют во вьетнамском языке как на уровне слов (по оценке Нгуен Ван Кханга, таких элементов 30%, из которых четверть функционирует одновременно на уровне слов и морфем), так и на уровне морфем (70%).

Заимствованные фразеологизмы во вьетнамском языке делятся на две неравные группы: более многочисленные заимствования из китайского языка и относительно немногочисленные заимствования из индоевропейских и иных языков. Среди самой многочисленной группы заимствований из китайского языка, на наш взгляд, могут быть выделены следующие подгруппы:

ханвьетские заимствования в неизменном виде; вьетнамизированные ханвьетские заимствования; калькированные (переведенные) китайские фразеологизмы.

Ханвьетские фразеологизмы, заимствованные из китайского языка в неизменном виде.

При заимствовании подобных единиц остается неизменным как структурный и количественный состав фразеологизма, так и, как правило, его семантическое содержание. По некоторым оценкам, количество таких фразеологизмов во вьетнамском языке составляет приблизительно 30%. Например: *khổ tận cam lai* «горькое иссякнет, сладкое придет» – ‘беды уйдут и наступят счастливые дни’; *danh bất hư truyền* «слава не зря распространяется» – ‘оправдывать свою репутацию’; *hổ phụ sinh hổ tử* «у тигра-отца рождается сын-тигр» – ‘каков отец, таков и сын’; *đồng sàng dị mộng* «общая постель, разные сны» – ‘близкие люди, но в душе чужие друг другу’; *đơn thương độc mã* «с одним копьём и одним конем» – ‘действовать в одиночку, без посторонней помощи’; *bách niên giai lão* «сто лет вместе до старости» (пожелание новобрачным).

Некоторые идиомы в процессе функционирования во вьетнамском языке, претерпев семантическую деформацию, изменили значение либо приобрели новые значения, которых они не имели в китайском языке. Так, фразеологизм *mai danh ẩn tích* «скрывать имя, прятать следы» первоначально имел значение «жить уединенно (затворником, отшельником), вести отшельническую жизнь». Продолжая активно употребляться в настоящее время, этот фразеологизм приобрел во вьетнамском языке новое значение: «скрываться, прятаться». Например: *cách mai danh ẩn tích trên Facebook* – ‘способы скрыться (скрыть информацию о себе) в Фейсбуке’.

Основная часть заимствованных из китайского языка фразеологизмов имеет книжное происхождение. Их источник – всемирно известные памятники китайской классической литературы («Шицзин», «Лунььюй», «Ицзин» и т.д.), мифы, легенды, сказания, басни, притчи, исторические рассказы и факты, биографии знаменитых людей, религиозные трактаты. Среди заимствованных в неизменном виде китайских фразеологизмов существует группа единиц, которые функционируют во вьет-

намском языке лишь в одном варианте (например, *tự lực cánh sinh* «своими силами обрести крылья» – ‘обходиться собственными силами, опора на собственные силы’; *bất tỉnh nhân sự* «не ощущать людей и вещей» – ‘лишиться чувств, потерять сознание’); в то же время ряд исходных фразеологических единиц используется параллельно наряду с производными вьетнамизированными фразеологизмами и кальками: *trường sinh bất tử* «долго жить, не умирать» и *trường sinh bất diệt* «долго жить, не погибать (не быть уничтоженным)» – ‘жить вечно; бессмертие’; *bách chiến bách thắng* «сто сражений, сто побед» (китайские лексемы «сто») и *trăm trận trăm thắng* «сто сражений, сто побед» (вьетнамские лексемы «сто») – ‘непобедимый, победоносный, всепобеждающий’; *thủ châu đãi thỏ* «сторожить пень в ожидании зайца» (ханвьетская лексика) и *ôm cây đợi thỏ* «обнимать дерево в ожидании зайца» (вьетнамская лексика) – ‘уповать на удачу, пассивно ждать дара судьбы’ (согласно китайской притче, один крестьянин, увидев, как заяц разбился о пень, забросил работу в поле и целыми днями сидел у дерева, тщетно ожидая, когда прибежит другой заяц).

Вьетнамизированные ханвьетские фразеологизмы.

В процессе заимствования и дальнейшего функционирования во вьетнамском языке многие китайские фразеологические единицы вьетнамизировались, то есть подверглись различным лексическим, структурным и композиционным изменениям, приведшим к образованию новых фразеологических единиц, являющихся результатом фразеологического творчества носителей вьетнамского языка. Можно выделить следующие основные изменения.

1. Замена одного компонента фразеологической единицы другим компонентом, как вьетнамским, так и ханвьетским (*dĩ độc trị độc / lấy độc trị độc* «брать яд, чтобы лечить яд» – ‘клин клином вышибать’; китайский элемент *dĩ* «брать» заменяется на вьетнамский элемент *lấy* с тем же значением).

2. Замена двух или более компонентов (*đa mưu túc kế* «много замыслов, достаточно уловок» / *lắm mưu nhiều kế* «много замыслов, много уловок» – ‘находчивый, изобретательный, предприимчивый’; ханвьетские *đa, túc* заменяются на вьетнамские *lắm, nhiều* «много»).

3. Изменение синтаксического порядка следования компонентов, в частности замена препозитивного определения (характерного для китайского языка) на постпозитивное, являющееся нормой для вьетнамского языка, например: *Hà Đông sư tử* «Хэдунская львица» / *sư tử Hà Đông* (букв. «львица Хэдунская») – ‘злобная ревнивая женщина-фурия’ (по стихотворению Су Ши о его друге, жена которого, родом из Хэдун, была крайне сварлива и разгоняла гостей своего мужа).

4. Перестановка местами частей фразеологического оборота. Подобная трансформация имеет место, как правило, во фразеологических единицах, представляющих собой двузвенные комплексы и построенных на принципах грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма. Инвертирование порядка следования частей фразеологизма при заимствовании вьетнамским языком связано, по-видимому, с фактором просодической организации речи, а также с экспрессивной, стилистической функцией. Этот тип трансформации чрезвычайно широко распространен. Например: *cùng cốc thâm sơn* «глубокие ущелья, недоступные горы» (исходная единица) / *thâm sơn cùng cốc* «недоступные горы, глубокие ущелья» (заимствованная единица) – ‘глухие места, глушь, захолустье’; *chức trọng quyền cao* «важный пост, большие права» / *quyền cao chức trọng* «большие права, важный пост» – ‘занимать высокую должность и обладать большой властью’.

Калькированные китайские фразеологизмы.

Точные и неточные фразеологические кальки и полукальки фразеологических единиц, заимствованных в разное время из китайского языка, составляют весьма значительный слой фразеологизмов современного вьетнамского языка. Среди них есть единицы, функционирующие параллельно с заимствованными (с различной частотностью), например: *rượu vào lời ra* (ханвьетский вариант: *tửu nhập ngôn xuất*) «вино входит, слова выходят» – ‘вино развязывает язык’; *có một không hai* (ханвьетский вариант: *độc nhất vô nhị*) «только один, нет второго» – ‘уникальный, неповторимый’; *vẽ rắn thêm chân* (ханвьетский вариант: *họa xà thêm túc*) «пририсовать ноги змее» – ‘сделать лишнюю, ненужную работу, перестараться, переусердствовать’.

Основная масса калькированных фразеологизмов по своей структуре, лексико-грамматическому составу и синтаксическим связям не отличается от исконно вьетнамских фразеологизмов, их иноязычное происхождение, как правило, не ощущается носителями вьетнамского языка. Иногда для определения этимологических характеристик фразеологической единицы требуются специальные знания и хорошее владение китайским языком. Так, в качестве примера синонимической пары заимствованного и исконно вьетнамского фразеологизмов часто приводят заимствованный фразеологизм *múa riêu qua mắt thợ* (кит. *ban môn lộng phũ*) «размахивать топором перед глазами мастера» – ‘демонстрировать свое умение перед людьми, более сведущими, чем сам; учить шуку плавать’; и исконно вьетнамский *đánh trống qua cửa nhà sấm* «бить в барабан перед домом, где живет гром» с тем же значением, однако у Нгуен Ван Ту мы обнаруживаем тот же фразеологизм как пример калькированного китайского фразеологизма *kích cổ lôi môn* (*kích* «бить», *cổ* «барабан», *lôi* «гром», *môn* «ворота, дверь») [Nguyễn Văn Tu 1968, p. 154].

Среди фразеологизмов-калек с китайского, употребляющихся как исконно вьетнамские фразеологизмы, немало широко употребительных, популярных идиом и поговорок: *uống nước nhớ nguồn* (кит. *âm thủy tư nguyên*) «пьешь воду – помни об источнике»; *mò kim đáy bể* (кит. *hải đế lao châm*) «искать иголку на дне моря» – ‘искать иголку в стоге сена’; *đàn gảy tai trâu* (кит. *đổi ngưi đàn cặm*) «играть на музыкальном инструменте перед буйволом» – ‘метать бисер перед свиньями’; *cáo mượn oai hùm* (кит. *hồ giả hổ uy*) «лиса позаимствовала авторитет тигра» – ‘прикидываться могущественным, прикрываясь именем влиятельного лица’; *trăm nghe không bằng một thấy* (кит. *bách văn bất như nhất kiến*) «сто раз услышать – не то, что один раз увидеть» – ‘лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать’; и т.д.

Ряд вьетнамских фразеологов посвящают научные статьи исследованию китайской этимологии популярных фразеологизмов, которые зачастую воспринимаются носителями языка как чисто вьетнамские, например, *cưỡi ngựa xem hoa* (кит. *kị mã quan hoa*) «любоваться цветами верхом на коне» – ‘скользить по верхам, не вдаваться в подробности’; *gương vỡ lại lành* (кит. *phá kính trùng viên*) «разбитое зеркало вновь стало целым» –

‘примирение после ссоры, возвращение на круги своя’; *treo đầu dê bán thịt chó* (кит. *quái dương đầu mại cầu nhục*) «вывесив голову козла, продавать собачатину» – ‘обманывать, водить за нос’ [Nguyễn Thị Hạnh 2009]. В свою очередь, некоторые исследователи считают, что существуют фразеологизмы, возникшие параллельно в китайском и во вьетнамском языке в силу общности географических, исторических, социально-бытовых условий и тесных языковых контактов. Например, *ếch ngồi đáy giếng* (кит. *tĩnh để chi oa*) «лягушка сидит на дне колодца» – ‘ограниченный кругозор; не видеть дальше своего носа’; *đàn gảy tai trâu* (кит. *đổi ngưi đàn cầm*) «играть на музыкальном инструменте перед буйволом» – ‘метать бисер перед свиньями’; *gội gió dầm mưa* (кит. *mộc vũ trát phong*) «мыть голову ветром, мокнуть под дождем» – ‘испытывать трудности и невзгоды’ и др. [Đỗ Thị Thu Hương, Nguyễn Đức Tôn, p. 26]. Фразеологизм *ếch ngồi đáy giếng* «лягушка сидит на дне колодца» помимо вьетнамского языка существует с аналогичным значением также в японском и в корейском языках, поэтому гипотеза о его параллельном возникновении во вьетнамском и китайском языках представляется все же маловероятной.

Фразеологизмы-кальки не являются ханвьетскими фразеологизмами, поскольку лексический состав их компонентов исконно вьетнамский, однако являются заимствованиями.

Во вьетнамской фразеологии существует также слой единиц, относящихся по большей части к ханвьетским фразеологизмам, однако не являющихся китайскими заимствованиями, поскольку фразеологизация ханвьетских компонентов в воспроизводимую единицу произошла уже во вьетнамском языке. Аналогичные фразеологические единицы отсутствовали и отсутствуют в китайском языке, а ханвьетский лексический состав либо реалии и артефакты китайской культуры, литературы, философии и т.п. были использованы носителями вьетнамского языка для создания исконно вьетнамских ханвьетских фразеологизмов. Например: *đa nghi như Tào Tháo* «недоверчивый, как Цао Цао» (полководец эпохи Троецарствия), *nóng như Trương Phi* «вспыльчивый, как Чжан Фэй» (китайский военачальник эпохи Троецарствия), *bát cơm phiếu mẫu* «пиала риса старой прачки» – ‘неоценимая своевременная помощь’ (по преданию, китайский военачальник Хань Синь в бытность бедным рыбаком получал от старухи-прачки пиалу риса, за что

впоследствии отплатил золотом); *cao lương mĩ vị* «вкусная еда, изысканный вкус» – ‘деликатесы, изысканные блюда’, и др.

Заемствования из индоевропейских языков относительно немногочисленны. Это кальки: *vũ trang tận răng* «вооружен до зубов», *đội quân thứ năm* «пятая колонна», *giáo chủ áo xám* «серый кардинал», *bức màn sắt* «железный занавес», *puốc mắt cá sấu* «крокодиловы слезы», *ngựa thành Toroa* «троянский конь», *gót chân Asin* «ахиллесова пята», *giết thời gian* «убить время», *bật đèn xanh* «дать зеленый свет», *giống nhau như hai giọt nước* «похожи как две капли воды» и т.п.

Заемствованные фразеологические единицы занимают значительное место во фразеологическом фонде вьетнамского языка. Наличие во вьетнамском языке заимствованных единиц китайского происхождения, употребляющихся в неизменном виде либо подвергшихся той или иной лексической или композиционной трансформации, а также большое число калькированных единиц приводит к существованию весьма значительного количества фразеологических вариантов и фразеологических синонимов, что чрезвычайно обогащает фразеологию вьетнамского языка, являющуюся неисчерпаемым источником экспрессивных средств языка.

Литература

1. Нгуен Ван Кханг. *Ханвьетские элементы в современном вьетнамском языке (семантический аспект)*. Автореферат канд. диссертации. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1990.
2. Đỗ Thị Thu Hương, Nguyễn Đức Tôn. Truy tìm nguồn gốc của một số thành ngữ thuần Việt có nhiều cách giải thích [До Тхи Тху Хьонг, Нгуен Дык Тон. Чуй тим нгуон гок куа мот шо тхань нгы тхуан Вьет ко ниеу кать зай тхить {Поиски источников некоторых исконно вьетнамских идиом, имеющих различные толкования} // *Ngôn ngữ {Язык}*. 2012. № 9. P. 3-26.
3. Nguyễn Tài Cẩn. *Nguồn gốc và quá trình hình thành cách đọc Hán – Việt* [Нгуен Тай Кан. *Hуон гок ва куа чинь хинь тхань кать док хан-вьет {Происхождение и процесс формирования ханвьетского чтения}*. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học Xã hội {Ханой: Изд-во «Общественные науки»}, 1979.

4. Nguyễn Thị Hạnh. Nguồn gốc của một số thành ngữ tiếng Việt [Нгуен Тхи Хань. Нгуон гок куа мот шо тхань нгы тиенг Вьет {Происхождение некоторых идиом вьетнамского языка}] // *Khoa học* (Trường Đại học Cần Thơ) {*Наука* (Университет Кантхо)}. 2009. № 12. P. 134-141.
5. Nguyễn Văn Tu. *Từ vựng học tiếng Việt hiện đại* [Нгуен Ван Ту. *Từ vựng học tiếng Việt hiện đại* {Лексикология современного вьетнамского языка}. Hà Nội: Nhà xuất bản Giáo dục {Ханой: Изд-во «Просвещение»}, 1968.

**Фразео-лексическая сочетаемость
и конструктивная обусловленность воспроизводства
фразеологизмов-идиом в речи
(на материале современного китайского языка)**

Постановка проблемы

Любая фразеологическая единица, и в первую очередь идиома¹ (далее – ФЕ-идиома) в любом языке воспроизводится в речи только при определенных условиях или «правилах», соблюдение которых обеспечивается языковой интуицией носителя данного языка. Языковая интуиция относительно употребления ФЕ-идиом не возникает спонтанно, а формируется направленно в процессе овладения речью на данном языке и необходимыми для ее реализации языковыми средствами выражения мысли.

Важно отметить, что процесс, ведущий к полноценному овладению обиходным фразеологическим пластом общенационального китайского языка *путунхуа* (в частности его архаичными единицами), у самих его носителей протекает достаточно длительно, как минимум вплоть до окончания среднего школьного возраста (примерно 15-18 лет). Во многом решению этой задачи в самом Китае содействует как школьная программа, так и массовые издания специальных фразеологических словарей и учебных пособий. Традиционно (на протяжении всего XX в.) цель подобных изданий преимущественно заключалась в том, чтобы дать читателю объяснение значения и этимологии той или иной ФЕ. Однако в последнее время стала проявляться новая тенденция: в справочных и учебных изданиях по китайской

¹ Под идиомами в нашей концепции мы, вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, будем иметь в виду сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости. Причем признак сверхсловности предполагает рассмотрение не только тех ФЕ-идиом, которые имеют структуру словосочетания, но и тех идиоматичных ФЕ, структурная основа которых представлена квази-предложением.

фразеологии начинают все больше уделять внимание формированию навыка правильного употребления ФЕ (с точки зрения грамматики, стилистики и прагматики). Однако до сих пор не существует специальных изданий словарей, где бы детальным, исчерпывающим и, главное, системным образом описывались бы все правила употребления и запреты на употребление хотя бы наиболее часто встречаемых в речи ФЕ-идиом. И если для носителя китайского языка активное владение фразеологизмами является хоть и не совсем простой, но все же посильной (решаемой в первые полтора-два десятилетия жизни) задачей, то для тех, кто не является носителем этого языка, фразеологическая грамматика во многом «остаётся за кадром». Помимо ее очевидной методической ценности в деле изучения китайского как иностранного на продвинутом этапе, она представляет собой значительный интерес и для лингвистики, причем результаты наблюдений и специальных исследований, направленных на обстоятельное описание грамматики фразеологизма, несомненно, будут иметь ценность не только для отдельно взятого китайского языкознания, но и для общей теории фразеологии в целом.

Под грамматикой фразеологизма мы имеем в виду весь тот свод синтаксических, сочетаемостных (семантических), прагматических, коммуникативных, стилевых и иных правил, которые предопределяют возможность или невозможность стандартного употребления фразеологизма в речи в данном контексте (конситуации).

В настоящей статье поднимается вопрос о факторах воспроизводства ФЕ в речи. В частности будет показано, что и вероятность употребления ФЕ, и то, как именно она будет включена в конкретное предложение-высказывание (далее сокращенно – предложение), зависит не только от первичной интенции говорящего и типового ситуативного контекста, но и от дополнительных скрытых речевых правил, которые определяют возможность или невозможность совмещения данной ФЕ с той или иной синтаксической конструкцией, а также определяют сочетаемостные свойства данной ФЕ с ее возможным лексическим окружением.

Процедура исследования

Объектом исследования явились два типа ФЕ-идиом: предикативные ФЕ-идиомы и те ФЕ-идиомы, которые способны встраиваться в структурную схему предложения-высказывания с глагольным предикатом в качестве структурно обязательных его актантов, т.е. речь идет о тех ФЕ-идиомах, которые входят в круг так называемого обязательного окружения (в терминологии Г.Г. Почепцова [Почепцов 1971, с. 64-73]).

Что касается ФЕ-идиом, функционирующих в предложении в качестве сирконстантов, то в нашем исследовании они специально не рассматриваются, так как не являются конструктивными членами предложения и, как показывают результаты принятых нами экспериментальных процедур опущения ФЕ-идиом в функции сирконстантов, они могут быть выведены из состава предложения без ущерба для его грамматической и семантической структуры. Иными словами, «опущение факультативного окружения не влияет на грамматичность предложения, которое остается грамматически отмеченным и без него» [Почепцов 1971, с. 72]. Нас же (помимо собственно предикативных ФЕ-идиом) интересуют те из них, которые обладают способностью в рамках данной синтаксической конструкции заполнять ее структурообразующие синтаксические позиции.

Что касается области исследования, то в данном случае она была ограничена обзором базовых (типичных) конструкций, т.е. исследование не выходило за рамки основного, внешнего, синтаксиса. Внутренний (периферийный) синтаксис, или иначе «микросинтаксис» в том его понимании, которое дается в нашей работе на материале китайского языка [Ветров 2007, с. 176-209] или в работах Л.Л. Иомдина на материале русского языка (см. например [Иомдин 2006, с. 202-206]), здесь не рассматривается.

Конкретные примеры реализации ФЕ-идиом в речи на первом этапе черпались нами из двух корпусов современного (общенационального) китайского языка: Corpus Linguistics at Beijing Foreign Studies University (<http://bcc.blcu.edu.cn/> – далее корпус BCC) и Center for Chinese Linguistics PKU (Peking University) (<http://ccl.pku.edu.cn/> – далее корпус CCL). На втором этапе полученные результаты, распределенные по группам, в соответствии с той или иной конструкцией, предьявлялись

испытуемым (носителям китайского языка) на предмет верификации отобранных примеров.

В ходе такой двухэтапной процедуры выяснилось, что многие из отобранных нами примеров фразеопотреблений были отбракованы информантами как нетипичные и даже неестественные¹. Из этого можно заключить, что, как минимум, тексты, представленные даже в таких серьезных корпусах, как ВСС и ССЛ, не могут привлекаться для исследования какого бы то ни было языкового явления без специальной дополнительной проверки.

Третий, основной этап исследования, состоял в том, чтобы выяснить следующие свойства ФЕ-идиом.

1. Применительно к предикативным ФЕ-идиомам: выявить и описать устойчивые синтаксические связи предикативных ФЕ-идиом с теми лексическими единицами, которые регулярно с ними воспроизводятся в составе конструкций, типичных для данной предикативной ФЕ.

2. Применительно к ФЕ-идиомам актантного типа: выявить и охарактеризовать взаимосвязь между реализацией ФЕ-идиомы в синтаксической позиции в составе определенной конструкции и структурно-семантическими свойствами того вершинного элемента (глагольного предиката), который открывает данную синтаксическую позицию, подлежащую обязательному заполнению.

Предпринятое исследование носило качественный, а не количественный характер, так как нам было важно зафиксировать интересующее явление по сути, вопрос точной статистики не являлся для нас первоочередным.

Результаты исследования

Итак, обратимся к конкретному материалу. Ввиду существенной ограниченности объема статьи заявленная проблема не может быть освещена исчерпывающим образом. Поэтому мы ограничимся рассмотрением интересующего нас явления на одном конкретном примере. Речь пойдет об ФЕ-идиоме 滚瓜烂熟

¹ С подобной ситуацией несоответствия корпусных данных представлениям самих носителей языка о типичных слово- или фразеопотреблениях мы ранее сталкивались неоднократно.

gǔn-guā-làn-shú (досл.: оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела) в значении ‘освоить что-либо досконально, безупречно; делать что-либо очень уверенно и без ошибок’. Данное выражение происходит из известного сатирического романа У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев» (*Rúlín wàishǐ*), написанного им в середине XVIII в., в эпоху династии Цин.

В результате проведенного анализа массива фразеологических употреблений данной ФЕ-идиомы¹ нами было выявлено только пять основных конструкций, в которых она обычно встречается; из них первые три конструкции количественно преобладают (согласно порядку, в котором они ниже указаны). В конструкциях 1-4 интересующая нас ФЕ-идиома употребляется только с двухместными предикатами, в конструкции 5 она сама функционирует в качестве предиката. Обратимся прежде всего к примерам:

Конструкция 1:

SUB + *bǎ* (把) + NP (OBJ:носитель информации/инструмент) + Verb + *de* (得) + PU (*gǔn-guā-làn-shú*)

- (1) 我 已经 把 这 篇 课文 背
 Wǒ yǐjīng bǎ zhè piān kèwén bèi
 Я уже BA_{DM} DEM_{PROX} CL учебный текст декламировать
 得 滚瓜烂熟 了
 de gǔn-guā-làn-shú le
 DE_{DC} {оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела} CRS
 ‘Я этот учебный текст уже выучил назубок’

Конструкция 2:

D.TOP (NP/OBJ) + SUB + PRED (Verb) + *de* (得) + PU (*gǔn-guā-làn-shú*)

- (2) 那 些 歌词 我 现在 还 背
 Nà xiē gēcí wǒ xiànzài hái bèi
 DEM_{DIST} XIE_{PI} слова песни 1SG сейчас еще помнить

¹ Так, в корпусе ВСС количество зафиксированных результатов ее употребления представлено 424 контекстами, в корпусе ССЛ – 122 контекстами.

得 滚瓜烂熟。
 de gǔn-guā-làn-shú
 DE_{DC} {оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела}
 ‘Слова той песни я [и] сейчас еще помню отлично’

Конструкция 3:

D.TOP/OBJ (PROP/ PN: ATTR.POSS + NP) + PRED (Verb) + de (得) + PU (gǔn-guā-làn-shú)

(3)	玛丽	的	演讲词	说	得	滚瓜烂熟
	Mǎlì	de	yǎnjiǎngcí	shuō	de	gǔn-guā-làn-shú
	Мэри	DE _{ATTR}	речь	говорить	DE _{DC}	{оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела}

‘Речь Мэри была произнесена [ею] блестяще’.

Любопытно, что в предельно распространенных предложениях с экспозитивной фиксированной темой говорящий уже на стадии формирования содержания самой темы способен повысить или понизить синтаксический статус главного участника описываемой ситуации – субъекта действия (агенса). Так, если в задачу говорящего входит подчеркнутое указание на субъект действия, то слово, отвечающее этой роли, занимает позицию сразу после тематического элемента (см. пример 2). Если же намерение говорящего ограничивается лишь фоновым упоминанием присутствия агенса в описываемой ситуации, то в таком случае этот агенс выражается косвенным образом: слово, соответствующее данной семантической роли, сдвигается в препозицию по отношению к тематизированному элементу конструкции и оформляется как генитивное определение к нему. В результате происходит «погашение» обязательной валентности на субъект (SUB) и, как следствие, ослабляется значение агентивности описываемой ситуации. Именно такой случай иллюстрирует пример (3).

Конструкция 4:

NP (OBJ) + bei (被) + SUB + PRED (Verb) + de (得) + PU (gǔn-guā-làn-shú)

- (4) 每一个高层领导者 的
 Měi yī gè gāocéng lǐngdǎozhě de
 Каждый один CL [высокопоставленный руководитель] DE_{ATTR}
 经历 都被 选民 背得 滚瓜烂熟。
 jīnglì dōu bèi xuǎnmín bèi de gǔn-guā-làn-shú
 биография DM BEI_{PM} избиратели помнить DE_{DC} {оборвавшаяся
 [с плетей] тыква
 перезрела}

‘Биография каждого высокопоставленного руководителя была заучена избирателями наизусть’.

Конструкция 5:

SUB + PREP (对 ‘по отношению к...’) + NP (OBJ) + PU (gǔn-guā-làn-shú)

- (5) 看来, 你 对 这 本书
 Kànlái, nǐ duì zhè běn shū
 Как видно, 2SG PREP DEM_{PROX} CL книга
 已经 滚瓜烂熟!
 yǐjīng gǔn-guā-làn-shú!
 уже {оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела}!

‘Как видно, ты уже досконально изучил эту книгу!’

В конструкциях 1-4 рассматриваемая ФЕ-идиома занимает синтаксическую позицию так называемого компонента, но не в смысле X'-теории и не в том широком значении, которое имелось в виду С.Д. Кацнельсоном, например, в его работе «Типология языка и речевое мышление» (1972), а в понимании китайской грамматической традиции. Под компонентом (по-китайски 补语 *bǔyǔ* / *буоу*, англоязычным эквивалентом является *complementary element* или *complement*) понимается такой член предложения, который выполняет копредикативно-комплетивную функцию. Этот носитель дополнительной предикации всегда маркируется показателем *de* и обозначает оценку и/или результат действия, а также состояние субъекта или объекта в результате действия или воздействия соответственно. Важнейшая особенность этого члена предложения состоит в том, что он всегда является конструктивно неотъемлемым, т.е. не может быть просто выведен из состава предложения без ущерба для его грамматической и семантической организации. В приведенных

выше примерах значение ФЕ-идиомы в этой синтаксической позиции синкретично: она обозначает и результат, к которому привело действие, и, одновременно, оценку этого результата со стороны говорящего.

В конструкции 5 рассматриваемая ФЕ-идиома сама берет на себя функцию предиката.

Типичный сценарий, описываемый с участием рассматриваемой ФЕ-идиомы, всегда подразумевает двух обязательных участников ситуации: это субъект действия или состояния (в зависимости от конкретного глагола) и объект освоения (в том числе – объект внутреннего содержания, ср. *петь песню, декламировать стихотворение*), как правило, объект при этом мыслится одновременно и как носитель текстовой, шире – визуальной информации (см. примеры ниже). Предикат совместно с данной ФЕ-идиомой (и даже благодаря ей!) обозначает событие, подготовленное предварительным процессом, а значит, имплицитно этот аспект значения именно идиома, – особенно явно это заметно в том случае, когда информация о предварительной подготовке процесса отсутствует в том предложении, где употреблена идиома¹.

Ниже перечислим те имена существительные, которые в норме встречаются в позиции именной группы в роли объектного дополнения в составе выявленных нами конструкций с рассматриваемой ФЕ-идиомой: 书 *shū* ‘книга’, 歌词 *gēcí* ‘слова песни’, 歌曲 *gēqǔ* ‘песня; ария’, 演讲词 *yǎnjiǎngcí* ‘речь для публичного выступления’, 台词 *táicí* ‘роль, слова роли’, 课文 *kèwén* ‘учебный текст’, 诗 *shī* ‘стихотворение’, 诗句 *shījù* ‘стихотворная строка, строфа’, 名诗 *míngshī* ‘известное стихотворение’, 古诗词 *gǔshīcí* ‘стихи архаичного стиля’, 童话 *tónghuà* ‘детский рассказ, сказка’, 手稿 *shǒugǎo* ‘рукопись’, 文章 *wénzhāng* ‘статья’, 地址 *dìzhǐ* ‘адрес’, 复习题 *fùxítí* ‘[учебные] задания/задачи для повторения’, 答案 *dá’àn* ‘ответ(ы)’, 内容 *nèiróng* ‘содержание’, 知识 *zhīshi* ‘знания’, 路径 *lùjìng* ‘дорога, маршрут; путь’, 交通规则 *jiāotōng guīzé* ‘правила дорожного движения’, 语法规则 *yǔfǎ guīzé* ‘грамматические правила’ и т.п.

¹ Эта информация может отсутствовать в самом предложении, если она была упомянута ранее, в предтексте, или если ее упоминание с точки зрения говорящего является самоочевидным и поэтому избыточным.

Количество переходных глаголов, в норме допустимых в конструкциях с данной ФЕ-идиомой, весьма ограничено (первый в списке ниже является наиболее частотным). Все эти глаголы характеризуются как ингерентно нецелостные. Согласно классификации Ю.Д. Апресяна (2006), эти глаголы следует отнести к классу «занятие», и почти все они связаны с речемыслительной активностью. (Исключение здесь составляет, пожалуй, один лишь глагол состояния со значением ‘*помнить*’). Перечень выявленных глаголов, типичных для описываемых конструкций, выглядит так: 背 *bèi* ‘заучивать; декламировать наизусть; читать по памяти’, 唱 *chàng* ‘петь’, 记 *jì* ‘помнить, запоминать’, 讲 *jiǎng* ‘рассказывать; объяснять’, 念 *niàn* ‘читать вслух, декламировать’, 读 *dú* ‘читать вслух’, 练 *liàn* ‘упражняться, практиковаться; овладевать’. Несколько реже в рассмотренных конструкциях употребляются такие глаголы, как 说 *shuō* ‘говорить’, 学 *xué* ‘учиться’, 掌握 *zhǎngwò* ‘овладеть; усвоить; изучить’ и 琢磨 *zuómo* ‘обдумывать, осмысливать’.

Любопытно, что иногда в составе конструкций 1-4 вместо глаголов класса «занятие», относящихся к сфере речемыслительной активности, встречаются глаголы сенсомоторной активности (т.е. обозначающие предметное действие, приводящее к изменению некоторого состояния или свойств предмета). Причем таким глаголам обязательно сопутствуют объектные дополнения с семантической ролью «инструмент». Однако для того, чтобы конструкция с подобным наполнением обрела «жизнеспособность», недостаточно просто заменить в узлах конструкции глагол речемыслительной активности на глагол моторной активности, а вместо слова со значением «носитель информации / объект освоения» употребить слово с семантической ролью «инструмент». Попытки искусственно создать подобное высказывание без сомнений отвергались китайскоязычными информантами. Приведем пример такого неправильного высказывания:

- (6) *昨天 考试 的 时候, 他 竖笛 吹
 Zuótiān kǎoshì de shíhòu, tā shùdí chuī
 Вчера экзамен DE_{ATTR} время 3SG свирель дуть
 得 滚瓜烂熟
 de gǔn-guā-làn-shú
 DE_{DC} {оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела}

*«*Вчера на экзамене он на свирели играл безукоризненно*».

Особенность конструкций, содержащих в своем составе данную ФЕ-идиому в сочетании с глаголом сенсомоторного типа действия (наподобие ‘играть [на музыкальном инструменте]’), требующего наличия объекта-инструмента, заключается в том, что они становятся приемлемыми (с точки зрения носителя языка) только в том случае, если попутно (либо в предтексте, либо внутри самой конструкции, в виде поясняющей парантети-ческой вставки) определенно выражается содержание, указываю-щее на то, что для достижения максимально возможного резуль-тата кем-либо были целенаправленно созданы условия и прило-жены определенные ощутимые усилия. В качестве иллюстрации такого случая приведем одобренный китайскоязычными инфор-мантами пример, позаимствованный нами из школьного сочине-ния (опубликовано на сайте <http://zuowen.0s.net.cn/>). Это фрагмент воспоминаний одного китайского школьника, который делится в своем рассказе тем, насколько ему было сложно овладеть игрой на свирели (имеется в виду освоить программные произведения для исполнения на свирели):

- (7) 开始 我 有点 不 熟, 慢慢
 Kāishǐ wǒ yǒudiǎn bù shú, màn-màn
 Сначала я немного NEG быть знакомым, медленный:RDP
 地 我 开始 有点 感觉 了,
 de wǒ kāishǐ yǒu diǎn gǎnjué le
 DE_{ATTR} 1SG начинать иметь немного:VMW ощущение CRS
 越来越 准确 了, 最后 我 已经
 yuè lái yuè zhǔnquè le zuìhòu wǒ yǐjīng
 чем дальше тем чёткий CRS в итоге 1SG уже
 吹 得 滚瓜烂熟了
 chuī de gǔn-guā-làn-shú
 дуть DE_{DC} {оборвавшаяся [с плетей] тыква перезрела}

*‘Поначалу я чувствовал себя немного неуверенно, [но] посте-
 пенно ко мне стало приходить [некоторое] едва уловимое
 ощущение, чем дальше, тем [оно становилось] все более опре-
 деленным, и, наконец, я уже исполнял [мелодию] безукоризненно’.*

Как видно из данного примера, употребление оценочной конструкции «Глагол воздействия + de (得) + ФЕ» с предполага-емым инструментом (его упоминание встречается лишь в пред-тексте) становится возможным именно благодаря предваритель-

ному, акцентированному, описанию всего того подготовительного процесса, который в итоге и привел не просто к желаемому, но к наилучшему возможному результату. Иначе говоря, речь идет о контексте пояснения как о дополнительном факторе, допускающем реализацию этой ФЕ со словами данного семантического типа. Причем компоненты такого пояснения могут находиться не только внутри самого предложения, содержащего ФЕ, и даже не в составе сложносочиненного предложения, одна из частей которого включает в себя конструкцию с данной ФЕ. Поясняющие компоненты могут быть распределены по нескольким предложениям, обычно в предтексте.

Приведенный пример (7) демонстрирует еще одно интересное явление: этот вариант употребления ФЕ-идиомы, по показаниям носителей китайского языка, признается как нестандартный, нетипичный, но в то же время вполне допустимый, то есть находящийся на периферии области возможного функционирования данной ФЕ. То есть этот случай еще нельзя однозначно отнести к индивидуально-авторской манере использования ФЕ-идиомы, пусть даже и в окружении нетипичных для нее по семантике предиката и его дополнения.

Выводы

С точки зрения синтаксических (конструктивных) ограничений, а также с учетом семантических закономерностей сочетаемости китайских ФЕ-идиом с лексическими единицами на фоне обследованного континуума разнотипных ФЕ-идиом (среди них проанализированы предикативные ФЕ и ФЕ в функции конструктивных членов предложения) возможно выделить два их типа. К одному из них относятся те ФЕ, которые всегда воспроизводятся в речи только в рамках одной определенной синтаксической конструкции, а значит, и в одной определенной синтаксической позиции. К другому типу относятся ФЕ, способные функционировать в предложении в нескольких различных синтаксических позициях, а значит, и в разнотипных синтаксических конструкциях. Однако и в этом, втором, случае количество типичных (если угодно – стандартных) конструкций, принимающих данную ФЕ-идиому, равно как и объем обязательных слов-сопроводителей для данной ФЕ, оказывается ограниченным и, следовательно, поддается исчислению. Как правило, у тех ФЕ-идиом, которые выполняют в предложении

функцию актанта, всегда имеются свои слова-сопроводители, относящиеся к узкой, но однородной семантической группе. (Заметим, что аналогичным образом обстоит дело и с ФЕ-идиомами в функции сирконстанта, только в этом случае уже сами эти ФЕ являются устоявшимися сопроводителями для глагольного предиката или для группы глагольных предикатов определенного семантического типа).

В ходе предпринятого нами исследования мы пытались показать, что фразео-лексическая сочетаемость ФЕ-идиомы, а также ее закрепленность за определенной синтаксической конструкцией – это те важнейшие факторы, которые лежат в основе механизма фразеопотребления. В связи с этим мы вынуждены внести некоторые уточнения в нашу гипотезу о закономерностях стандартного воспроизводства ФЕ-идиом. Ранее механизм воспроизводства ФЕ-идиом в речи объяснялся нами с опорой на понятие «прототипического сценария», под которым понималось стереотипизированное представление носителя языка о том, какие конкретно ФЕ конвенционально, с точки зрения речевой традиции, допускаются к использованию в данном контексте. Иначе говоря, «это своего рода "пусковой механизм", обуславливающий, если так можно выразиться, до некоторой степени "условно-рефлекторную" регенерацию ФЕ в речи» [Ветров 2007, с. 261-262]. Сам термин «сценарий» (*scénario*), точнее – фрейм-сценарий, позаимствован из концепции М. Минского [Минский 1979]. Под ним он подразумевал типовую структуру для некоторого действия или события, включающую в себя их характерные элементы.

Понятие сценария нередко используется в лингвистике в качестве объяснительного инструмента в области семантики языковых единиц. Так, например, М.А. Кронгауз прибегает к понятию «сценарий» для анализа взаимодействия приставки и глагола в русском языке, при котором для каждой приставки устанавливается свой набор сценариев, организованных в единую систему [Кронгауз 2004, с. 250-258]. Об общей сценарной гипотезе М.А. Кронгауз пишет следующее: «Предполагается, что сценарии имеются не только у приставок и глаголов, но и у других языковых единиц (например, предлогов, конструкций и т.п.). <...> Сценарии представляют собой своего рода семантические шаблоны, и говорящий *вынужден* [курсив наш. – П.В.]

выбирать наиболее подходящий для выражения того, что он хочет сказать» [Кронгауз 2004, с. 257].

То, что понятие сценария достаточно эффективно и в области фразеологии, для нас является несомненным. И если С.Д. Кацнельсон, рассуждая о значениях синтаксических связей, каждое предложение сравнивал с кадром кинофильма, а в глаголе каждого из предложений усматривал сценарий такого кадра, который задает расстановку всех участников внутри него [Кацнельсон 2001, с. 587], то сценарий, предполагаемый ФЕ-идиомой, в отличие от глагола, чаще всего оказывается гораздо детальнее по содержанию и требовательнее по отношению к тем участникам ситуации, которые в принципе допускаются этим семантическим содержанием. Иначе говоря, в сравнении с предикативными элементами предложения, выражаемыми свободными словами (глаголами или адъективами), ФЕ-идиома, реализуясь даже в статусе актанта, а не предикатива, нередко организует структуру развертываемого предложения-высказывания еще более избирательно, если не сказать более строго. Эта селективность, как правило, носит комплексный, многофакторный характер: ФЕ-идиома задает не только определенный состав, количество возможных участников и их роли для данной описываемой ситуации, но и обязательность или необязательность их выражения на поверхностном уровне; актуализация ФЕ-идиомы в речевой цепи может не только вызвать появление вероятных слов-сопроводителей, но и прямо обуславливать необходимость их наличия; ФЕ-идиома, как правило, обладает ограниченной совместимостью с определенными моделями синтаксических конструкций, а также с коммуникативным профилем включающего их высказывания (например: вопрос, утверждение, отрицание, сомнение, побуждение и т.п.).

Однако, с другой стороны, не менее важным для объяснения факторов, запрещающих, разрешающих или даже диктующих актуализацию ФЕ-идиомы в речи в качестве наиболее оптимального варианта выражения мысли, является учет ее фразео-лексической сочетаемости и закрепленности за определенными синтаксическими структурами (конструкциями). Последнее свойство ФЕ-идиом может быть обозначено как *конструкционный профиль*. Под конструкционным профилем понимается свойство предрасположенности ФЕ к тем синтаксическим конструкциям, которые в норме допускают «встраивание»

ФЕ-идиомы в свою структуру, причем не важно, каким именно образом она будет встраиваться: на правах отдельного члена предложения или в «расщепленном» виде, на правах двух членов предложения, расположенных дистантно друг по отношению к другу. В широком смысле можно также сказать, что определенные, сюжетно-связанные, контексты всегда в той или иной мере предопределяют синтаксическое поведение строевых языковых единиц (и лексических, и фразеологических) в любом типе языка, а во флективных языках обуславливают и их морфологическое оформление, см. об этом подробнее в [Копотев & Стеклова 2016, с. 56-58].

Что касается свойства фразео-лексической сочетаемости как одного из значимых факторов воспроизводства ФЕ, то по сути оно сводится к устойчивости совместной встречаемости, и степень этой устойчивости определяется целым набором взаимосвязанных факторов, включающим в себя конструкционные ограничения, семантические и грамматические ограничения на условия употребления отдельных слов в качестве сопроводителей данной ФЕ-идиомы, просодический контур синтагмы, содержащей ФЕ-идиому, соотнесенность с тем или иным стилевым регистром и т.д.

В этой связи фактический материал, полученный нами в ходе наблюдений и экспериментов в области употребления ФЕ-идиом, полностью подтверждает позицию Б.М. Гаспарова, убежденного в том, что «основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления» [Гаспаров 1996, с. 104]. И слова в языках формоизолирующего типа, и словоформы в языках формосвязывающего типа¹, и готовые словесные группы в любом языке, по выражению Б.М. Гаспарова, «представляют собой не столько унифицированные строительные "кирпичи", которые можно укладывать в различные фигуры по предварительно намеченному плану, сколько индивидуализированные "предметы", сама фактура которых неотделима от принадлежности их к опреде-

¹ Термины «формосвязывающий» и «формоизолирующий» впервые предложены в работах В.М. Солнцева, см., например, [Солнцев 1995].

ленному коммуникативному "ландшафту" и содержит в себе в потенциале весь образ того целого, к которому такой предмет принадлежит» [там же, с. 105].

Эти и сопутствующие им промежуточные данные позволяют обосновать положение о том, что, во-первых, своеобразно избирательный и часто кажущийся «капризным» синтаксис ФЕ-идиом, очевидно, требует включения его в сферу описательной грамматики данного конкретного языка. Во-вторых, весь набор различных факторов (в первую очередь грамматических и семантических), определяющих возможность воспроизводства ФЕ-идиом в речи, дает возможность рассматривать их синтактико-сочетаемостные свойства в рамках самостоятельного подраздела описательной грамматики – грамматики фразеологизмов.

Сокращения и условные обозначения

ATTR.POSS	–	показатель присубстантивного определения с посессивным значением
BA _{DM}	–	показатель воздействия <i>ba</i> (DM – от англ. disposal marker; функционирует в качестве логической связки в составе конструкции, передающей предикативное отношение каузации, причем последнее предполагает повышенную степень агентивности)
BEI _{PM}	–	показатель пассива <i>bei</i> (PM – от англ. passive marker)
CL	–	классификатор / счетное слово
CRS	–	оператор переключения состояния <i>le</i> (CRS – от англ. currently relevant state)
DE _{ATTR}	–	показатель определения <i>de</i> (может быть присубстантивным, как в примерах (3), (4), (6), или прилагольным, как в примере (7))
DE _{DC}	–	показатель фокуса ремы <i>de</i> (DC – от англ. descriptive complement; функционирует в составе оценочной конструкции, вводит аксиологический предикат)
DEM _{DIST}	–	указательное местоимение дальнего плана (DIST – от англ. distal)
DEM _{PROX}	–	указательное местоимение ближнего плана (PROX – от англ. proximal)
DM	–	показатель (квантор) всеобщности (от англ. distributive marker)

D.TOP	–	инвертированное слово или словосочетание в функции темы (от англ. discourse topic)
NEG	–	показатель отрицания
NP	–	именная группа
OBJ	–	объект
PN	–	местоимение
PRED	–	глагольный предикат
PREP	–	предлог
PROP	–	имя собственное
PU	–	фразеологическая единица / идиома (от англ. phraseological unit)
RDP	–	редуплицированная форма
SUB	–	субъект
VMW	–	слово, передающее значение неопределенного и при этом незначительного количества (от англ. vague measure word)
XIE _{PI}	–	показатель неопределенного множества <i>xīē</i> (PI – от англ. plural indefinite)

Литература

1. Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // *Языковая картина мира и системная лексикография* / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
2. Ветров П.П. *Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика*. М.: Вост. книга, 2007. 368 с.
3. Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. Иомдин Л.Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.)* / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 202-206.
5. Кацнельсон С.Д. *Типология языка и речевое мышление*. Л.: Наука, 1972. 213 с.
6. Кацнельсон С.Д. *Категории языка и мышления: Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

7. Копотев М.В. & Стексова Т.И. *Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре*. М.: Языки славянской культуры, 2016. 168 с.
8. Кронгауз М.А. Сценарий и семантика глагола // *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского* / Отв. ред. А.П. Володин. М.: Знак, 2004. С. 250-258.
9. Минский М.Л. *Фреймы для представления знаний* / Пер. с англ. О.Н. Григнбаума; под ред. Ф.М. Кулакова). М.: Энергия, 1979. 152 с.
10. Почепцов Г.Г. *Конструктивный анализ структуры предложения*. Киев: Вища школа, 1971. 191 с.
11. Солнцев В.М. *Введение в теорию изолирующих языков*. М., 1995. 352 с.

Новые слова в виде транскрибированных заимствований в китайском языке

Долгое время для китайского языка не было характерно расширение его лексического состава за счет заимствований, имеющих под собой фонетическую основу. Отчасти это связано с некоторыми особенностями строения и функционирования языка, на которые обращали внимание многие известные синологи. Так Никита Бичурин (отец Иакинф) отметил: «Письмо китайское есть идеографическое, в котором нет букв для изображения звуков голоса, а место их занимают условные знаки, которые сами собою представляют или предмет, или понятие. По сему определению китайские письмена имеют совершенное сходство с мимическим языком глухонемых, которые к выражению мыслей употребляют знаки» (цит. по: [Бичурин 2017, с. 18]).

Традиционно использование транскрибирующих иероглифов относится лишь к передаче имён собственных – географических названий, фамилий и т.д., а также этнонимов и наименований языков, образованных, к примеру, от их самоназваний. Так, слова 西班牙 *Xībānyá* «Испания» и 西班牙语 *Xībānyá yǔ* «испанский язык» имеют отношение к словам *España* и *español*, слова 德国 *Déguó* «Германия» и 德文 *Déwén* «немецкий язык» – к словам *Deutschland* и *Deutsch* и т.д.

В остальных случаях новые слова возникали посредством калек и смысловых конструкций. Наряду с разного рода концептуальными понятиями, получившими распространение в других языках, сюда относятся многочисленные термины из области науки, техники, медицины, искусства. В итоге складывается впечатление, что китайский язык вообще не восприимчив к той лексике, которая исходит из стран Запада и иногда именуется интернациональной лексикой. По крайней мере, в виде транскрипций подобные заимствования появлялись крайне редко, несмотря на наличие иероглифов, часто использовавшихся в языке в качестве транскрибирующих знаков. В «Толковом

словаре китайских военных терминов», изданном в 1963 г., из 4961 лексических единиц звуковые заимствования составляют всего около 40 слов [Кленин, Щичко 2013, с. 173].

Однако в XX в. положение дел с заимствованиями слов в китайском языке заметно изменилось. Имён собственных, представляющих собой иностранные слова, становилось всё больше. Возникали иероглифические написания названий крупнейших транснациональных корпораций, товарные знаки которых приобрели всемирную известность, а деятельность в период реформ распространилась и в Китайской Народной Республике. Это такие компании как 麦当劳 *Màidāngláo* «Макдональдс», 可口可乐 *Kěkǒu kělè* «Кока-кола», 雷诺 *Léinuò* «Рено», 宜家 *Yíjiā* «ИКЕА» и многие другие. Продукция таких известных производителей и участников рынка иногда переходит в разряд имён нарицательных, что проявляется в разных языках, включая китайский. Так, например, произошло с названием торговой марки 吉普 *Jípǔ* «Джип» – по одной из версий, образцы разной техники иногда называли в честь персонажа популярных комиксов Юджина Джипа, в дальнейшем так стали именовать тип автомобиля с полным приводом независимо от производителя.

Довольно прочно утвердились в словарном составе китайского языка некоторые нарицательные существительные, возникшие из имен собственных – фамилий знаменитых личностей. Сюда относятся, к примеру, доктрины, учения и явления, в названии которых присутствует суффикс 主义 *zhǔyì* «-изм»: 马克思主义 *mǎkèsī zhǔyì* «марксизм», 达尔文主义 *dǎ'ěr wén zhǔyì* «дарвинизм», 沙文主义 *shā wén zhǔyì* «шовинизм». К тому же типу принадлежат различные единицы измерения физических величин: 伏特 *fú tè* «вольт», 安培 *ān péi* «ампер», 欧姆 *ōu mǔ* «ом», 瓦特 *wǎ tè* «ватт».

Заимствования посредством транскрибирующих иероглифов стали возникать не только для имён собственных, но и для слов, которые были нарицательными изначально. Есть примеры подобных транскрипций, которые используются достаточно давно и которые в настоящее время трудно отнести к неологизмам. Среди них можно выделить такие слова как 阿司匹林 *āsī pī lín* «аспирин», 麦克风 *màikē fēng* «микрофон», а также некоторые заимствования из русского – 巴拉莱卡 *bālālái kǎ* «балалайка», 克菲尔 *kè fēi 'ěr* «кефир» и т.д.

Достаточно много таких примеров относится к терминам из области биологии и медицины: 阿米巴 *āmībā* «амёба», 维他命 *wéitāmìng* «витамин», 盘尼西林 *pánníxīlín* «пенициллин», 荷尔蒙 *hè'èrméng* «гормон, гормональный» [Фролова 2011, с. 133].

Слово 摩托车 *mótuōchē* «мотоцикл», тоже давно устоявшееся и вошедшее в общую лексику китайского языка, является примером особого способа словообразования, когда транскрибирующие иероглифы комбинируются с обычным иероглифом, передающим смысл данного понятия или явления. В данном случае сочетание иероглифов 摩托 *mótuō* воспроизводит, очевидно, слово из английского языка – *motor*, а иероглиф 车 *chē* – незаимствованное обозначение любых колёсных транспортных средств. Позже, ближе к концу XX в., данный способ образования новых слов получил широкое распространение.

Несмотря на то, что транскрибированные заимствования из имён нарицательных для китайского языка явление относительно новое, приведённые примеры наглядно демонстрируют, что в настоящее время далеко не все такие слова следует относить к неологизмам. Тем не менее, в формировании новой лексики китайского языка данное явление выражено со всей очевидностью. Для отнесения заимствований к неологизмам можно выделить несколько критериев.

Первый из критериев – это слова, передающие понятия, ранее не существовавшие, которые являются неологизмами и во всех других языках. Много таких примеров относится к сфере информационных технологий, а также к социальным явлениям: 伊妹儿 *yīmèir* «электронная почта, e-mail», 博客 *bókè* «блог», 雅皮士 *yápíshì* «яппи» [Васильева, Лю Гуаньчжун 2009, с. 43, 95-96]. Впечатляет быстрота возникновения таких слов – они записываются китайскими иероглифами, едва появившись в том иностранном языке, из которого заимствуются.

Есть примеры, когда слово используется уже давно, но в своё время явилось настолько ярко выраженным неологизмом, что по-прежнему приводится как пример их появления. Даже спустя многие годы такое слово может восприниматься как новое, как обозначение крупного достижения, символизирующего современность. Так, оптический квантовый генератор был создан в 1960 г. Для того, чтобы дать название этому устройству, ставшему грандиозным успехом науки и техники, был исполь-

зован англоязычный акроним *light amplification by simulated emission of radiation – laser*. В другие языки данное слово заимствовалось посредством либо транслитерации (как в русском *лазер*), либо транскрипции (как в китайском – 莱赛 *lǎisài* и 镭射 *léishè*) [Васильева, Лю Гуаньчжун 2009, с. 64-65].

Другой критерий неологизмов, которому отвечает и предыдущий пример, – отсутствие устоявшейся нормы, когда слово транскрибируется иероглифами в разных вариантах. Например, слово «салат» – 沙拉 *shālā* и 色拉 *sèlā*. Ещё один пример с различными вариантами для первого слога – слово «хакер», которое может транскрибироваться и как 骇客 *hàikè*, и как 黑客 *hēikè* [Васильева, Лю Гуаньчжун 2009, с. 53-54, 77-78].

Еще один критерий – появление для тех или иных слов синонимов в виде заимствований в относительно недавнее время. В ряде случаев эти заимствования не только дублировали китайские слова, но и передавали лексические нюансы. Например, автобус по-китайски 公共汽车 *gōnggòng qìchē*, но в мегаполисах КНР появилось слово 巴士 *bāshì*, которое означает, как правило, крупногабаритный автобус с соответствующим дизайном. Предположительно оно происходит от английского слова *bus*. Данный слог – 巴 *bā* – вошел в состав и других слов: 双巴 *shuāngbā* «двухъярусный автобус», 中巴 *zhōngbā* «автобус средней вместимости», 小巴 *xiǎobā* «микроавтобус» [Васильева, Лю Гуаньчжун с. 40, 84, 92, 99].

Из приведённых примеров может создаться впечатление, что в китайском языке практически все неологизмы в виде транскрибированных заимствований взяты из английского языка, то есть представляют собой англицизмы. Действительно, многие слова, обозначающие самые разные понятия и явления, очевидно, имеют именно такое происхождение. Так, от *engine* возникло слово 引擎 *yǐnqíng* «двигатель», от *radar* – 雷达 *léidá* «радар», от *talk show* – 脱口秀 *tuōkǒuxiù* «ток-шоу» [Кленин, Щичко 2013, с. 183-184]. На этом фоне неудивительным представляется заимствование из английского 拜拜 *bàibài* «до свидания, пока».

Однако заимствованные слова появляются не только из английского языка, но и из разных других, что подтверждают уже приведённые примеры из русского языка. В этой связи обращает на себя внимание слово «леденец» – 棒棒糖

bàngbàngtáng. Построение слова по иероглифам выглядит вполне логичным: 棒 *bàng* «палка, палочка» и 糖 *táng* «сахар, конфета», в итоге – «конфета на палочке». В виде 棒棒糖 *bàngtáng* слово, представляющее собой китайский эквивалент слова «леденец», тоже существует. Но наряду с ним есть вариант 棒棒糖 *bàngbàngtáng*, когда иероглиф 棒 прописывается дважды, а обозначаемый им слог *bàng* соответственно дважды проговаривается. Предположительно данное слово образовано от французского слова *bonbon* «конфета».

Другой пример своеобразной игры слов с задействованием транскрибирующих иероглифов – это слово 餐厅 *cāntīng* со значением «небольшая столовая, буфет». Оно происходит от английского *canteen*, имеющего то же самое значение. В англоязычных странах часто так называют студенческую столовую. Отсюда, возможно, слово и вошло в китайский язык. Однако иероглифы, передающие звучание этого слова – 餐 *cān* и 厅 *tīng* – вместе удивительно точно передают и значение – «зал для еды». Поэтому возникает сомнение – то ли это заимствование из английского, то ли поразительное совпадение.

Новые слова в китайском языке стали возникать и по типу уже упомянутого слова 摩托车 *mótuōchē*, когда к фонетическому заимствованию прибавляется иероглиф, не транскрибирующий, а подчеркивающий суть слова, указывающий, к какой группе явлений оно относится. Так появились слова 桑巴舞 *sāngbāwǔ* «самба» и 桑拿浴 *sāngnáyù* «сауна». В первом случае иероглиф 舞 *wǔ* указывает на то, что это танец, во втором случае иероглиф 浴 *yù* поясняет, что это баня.

С иероглифом 舞 *wǔ* связаны названия и других танцев, образованные по этому типу: 华尔兹舞 *huá'ěrcí wǔ* «вальс», 探戈舞 *tàngēwǔ* «танго», 康康舞 *kāngkāngwǔ* «канкан». В будущем возможно появление новых названий.

В этой связи примечательно образование эквивалента для слова «гамбургер». По-китайски это слово выглядит и звучит как 汉堡包 *hànbǎobāo*. В данном случае иероглиф 包 *bāo* выступает как особый словообразующий элемент, указывающий, на что похоже это изделие, к чему оно имеет отношение. Этот же иероглиф встречается в словах 包子 *bāozi* «баоцзы» (традиционные китайские пирожки, приготовленные на пару) и 面包 *miànbāo* «хлеб». Не исключено появление новых слов с его

использованием для других изделий из теста, чем-то напоминающих пирожок, беляш и т.д.

Таким образом, транскрибированные заимствования из разных языков не только появились в китайском языке, но и играют всё более выраженную роль в формировании его лексики. Они находят своё место в разных областях деятельности, в повседневной жизни, в быту. Возникают такого рода заимствования в различной стилистике речи, входят как в специальную терминологию, так и в общеупотребительную лексику китайского языка, что фиксируется в соответствующих словарях.

В связи с этим возникает множество вопросов. Насколько устойчива тенденция расширения лексического состава за счёт англицизмов и фонетических заимствований из разных других, преимущественно европейских, языков? Как общество и государство в Китае относятся к этому явлению, и какая политика по отношению к нему вообще применима? Не столкнётся ли язык с настолько интенсивным потоком заимствований, что они станут вытеснять привычные китайские слова или служить единственным способом образования новых слов, пополнения лексического состава?

В поисках ответов на эти и другие вопросы необходимо учитывать тот факт, что есть немало примеров неологизмов, представляющих смысловые, а вовсе не фонетические соответствия иноязычным словам. Среди них 智能手机 *zhìnéng shǒujī* «смартфон», 重金属 *zhòngjīnshǔ* музыкальный стиль «хэви-метал», 后现代主义 *hòuxiàndài zhǔyì* «постмодернизм».

Из всего сказанного можно заключить, что в настоящее время в китайском языке присутствует немалое количество новых слов, образованных тем или иным путём, среди которых транскрибированные заимствования занимают значительную часть, что само по себе является относительно новой тенденцией.

Литература

1. Бичурин Н. *Неизвестный Китай: записки первого русского китаеведа* / Предисл. Б. Виноградского. М.: Эксмо, 2017. 352 с.

2. Васильева С.Г., Лю Гуаньчжун. *Китайско-русский словарь иностранных заимствований в современном китайском языке.* 现代汉语外来词汉俄词典. М.: Вост. книга, 2009. 160 с.
3. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. *Лексикология китайского языка.* М.: Вост. книга, 2013. 272 с.
4. Фролова О.П. *Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка.* М.: Вост. книга, 2011. 168 с.

III. Грамматика

©

И.Н. Комарова

Институт языкознания РАН (Москва)

Глагол в грамматической системе тибетского языка

Глагол является самой сложной частью речи в тибетском языке. Структура глагольной словоформы представлена аффиксацией, словосложением и редупликацией.

Исследованию тибетского языка посвящен ряд изветных работ отечественных и зарубежных ученых [Рерих 1961; Парфионович 1970; Miller 1955; Róna-Taš (Рона Таш) 1984; Hu Tan (Ху Тань) 1980; Qu Aitang (Цюй Айтан) 2000 и др.]. Как было признано, аффиксально-производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Способ соединения знаменательных и аффиксальных морфем, как правило, имеет агглютинативный характер.

а) Приведем примеры сложных глаголов, состоящих из знаменательных (далее *знам.*) морфем¹:

$xip^3 si^{23}$ ‘исследовать’ (xip^3 ‘детальный, тщательный’, *знам.* морфема + si^{23} ‘рассмотреть’, *знам.* морфема);

$sɛ:^1 xɛ^{24}$ ‘объяснять’ ($sɛ:^1$ ‘светлый, ясный’, *знам.* морфема + $xɛ^{24}$ ‘объяснять’, *знам.* морфема);

б) Приведем примеры глаголов, состоящих из знаменательной и аффиксальной морфем. К наиболее продуктивным аффиксам относятся pa^1 , wa^1 , ya^{23} , $ngen^1$.

¹ Высокий ровный тон обозначен цифрой 1, низкий восходящий тон – цифрой 2, низкий восходяще-нисходящий – 3, а высокий нисходящий тон – цифрой 4.

zɛ:²pa¹ ‘делать, действовать, осуществлять’ (вежл.) (*zɛ:²* ‘делать, действовать’, знам. морфема + *pa¹* суффикс);
zhup²pa¹ ‘выполнять, достигать, медитировать’ (*zhup²* ‘выполнять’, знам. морфема + *pa¹* суффикс);
tu²wa¹ ‘собирать’ (*tu²* ‘собирать’, знам. морфема + *wa¹* суффикс);
kø:¹wa¹ ‘варить, кипятить’ (*kø:¹* ‘варить’, знам. морфема + *wa¹* суффикс).

в) Тибетские повторы также относятся к способам глагольного словообразования. Например, *kyhor¹ kyhor¹* ‘махать, качаться’; *nyi:² nyi:¹* ‘рушиться, обваливаться’; *zir¹ zir¹ qe²³* ‘жать, давить’.

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексем также имеет агглютинативный характер. Например, сложные слова:

1) сложные слова атрибутивной модели, состоящие из именной и глагольной морфем:

sɛ:¹ xɛ²⁴ ‘объяснять’ (*sɛ:¹* ‘ясный, светлый’ + *xɛ²⁴* ‘объяснять’);

sar¹ pø:¹ ‘возделывать (целину)’ (*sar¹* ‘новый, свежий’ + *pø:¹* ‘возделывать новые земли’).

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем:

xam³ te²³ xu² ‘служить’ (*xam³* ‘нога’, *te²³* ‘служить, поддерживать’ + *xu²* ‘просить, звать’).

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именной и глагольной морфем:

ma¹ kya²³ ‘воевать’ (*ma²⁴* ‘армия, солдат’ + *kya²³* ‘делать, выпускать стрелу, ударять’);

qu¹ tho²⁴ kya²³ ‘клевать’ (*qu¹* ‘клюв’, *tho³⁴* ‘вырывать, срывать’, *kya²³* ‘делать, выпускать стрелу, бросать, ударять’).

Редуцированные образования представлены двумя типами: а) тождественные повторы с одинаковым фонемным и тонемными составами: *then¹ then¹* ‘развивать, расширять’, *lhø²⁴ lhø²⁴* ‘ослаблять’; б) дивергентные повторы с различными вариациями морфем.

Варьирование морфем в тибетских глаголах наблюдается на сегментном и суперсегментном уровнях. Альтернирующую часть дивергентных повторов могут составлять инициалы и финалы (централы и терминалы), а также тонемы. Например, чередование инициалей /lh > l/: *lhø²⁴ lø²⁴ qe²⁴* ‘ослаблять, разжимать’; чередование централей /o > u/: *ko² ku⁴* ‘униженно просить, сдаваться’; чередование тоном: второй низкий восходящий тон > третий низкий восходящий – нисходящий тон /II тон – III тон/: *ru³ qe²³* ‘собраться’.

Категория наклонения.

Категория наклонения в тибетском языке выражает модальное отношение действия к реальной действительности: реальное действие – в формах настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения, желаемое, отражающее волеизъявление действия – в формах побудительного наклонения.

Изъявительное наклонение. Формы изъявительного наклонения тибетского глагола образуют парадигму из двух или трех исходных основ, различающихся значением настоящего, прошедшего или будущего времени.

Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	
<i>kyong¹</i>	<i>kyang⁴</i>	<i>kyan¹</i>	‘тянуть’
<i>ji²³</i>	<i>si²⁴</i>	<i>si²³</i>	‘уничтожить’

Определенная группа глаголов имеет только одну основу для образования категории времени:

Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	
<i>nyε:²</i>	<i>nyε:²</i>	<i>nyε:²</i>	‘спать’
<i>ken¹</i>	<i>ken¹</i>	<i>ken¹</i>	‘гнать’

Основы тибетских глаголов образуются следующим образом:

	Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	
/ε ~ ø	<i>tε²⁴</i>	<i>tø²⁴</i>	<i>tε²⁴</i>	‘уничтожить’
/c ~ z/	<i>cem¹</i>	<i>zem¹</i>	<i>zem¹</i>	‘шить’
/p ~ ph/	<i>pi²³</i>	<i>phi²⁴</i>	<i>pi²³</i>	‘сверлить’

2. Чередование тонов является не менее продуктивным способом образования глагольных основ:

/I тон ~ IV тон/	Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	‘обертывать’ ‘прятать’
	<i>zhi¹</i> <i>kung¹</i>	<i>zi¹</i> <i>kung⁴</i>	<i>zi²⁴</i> <i>kung¹</i>	

3. Чередование гласных и согласных гласных и согласных фонем может сопровождаться изменением тонов:

/a ~ ε/	Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	‘кроить’
	<i>cha²</i>	<i>che²³</i>	<i>cha²</i>	

4. Все три формы глагола омонимичны:

Наст. вр.	Прош. вр.	Буд. вр.	‘оставлять’ ‘уважать’
<i>lu²³</i> <i>ku:¹</i>	<i>lu²³</i> <i>ku¹</i>	<i>lu²³</i> <i>ku:¹</i>	

Времена глагола

Система времени в тибетском языке включает формы настоящего, прошедшего и будущего времени.

Противопоставления рядов форм 1-го/2-го и 3-го лица, различающихся по времени, образует морфологическую категорию лица.

Семантическое значение глагола ограничивает грамматические возможности формы лица. Выделяется два семантических класса глаголов:

1) класс глаголов, обозначающих действия и состояния лица и употребляющихся во всех формах лица: *nyam¹ro²⁴ qe²³* ‘сотрудничать’, *nye¹* ‘гладить, потирать’, *zhi.²* ‘свертываться, скатываться’, *ko²* ‘пачкаться, заражаться’.

2) класс глаголов, обозначающих действия и состояния нелица (животных, неодушевленных предметов, явлений природы и т.д.).

Настоящее время. Формы настоящего постоянного выражают узуальные проявление действия, осуществление которого не имеет временных ограничений:

<i>lhasa:¹</i>	<i>zam²ling¹</i>	<i>tho²la</i>	<i>ke¹zha²⁴</i>	<i>yø² pe:¹</i>	<i>pho¹zhang¹</i>
в Лхасе	мир	в	известность	иметь	дворец
<i>qen¹po¹</i>	<i>ze¹ po¹tala¹</i>	<i>xeng³</i>	<i>yo²</i>	<i>re²⁴</i>	
большой	Потала	находиться	вспом. глагол	вспом. глагол	

‘В Лхасе находится имеющий всемирную известность большой дворец Потала’ (*xeng³ yo² re²³* ‘находиться’ – постоянное проявление действия, состояния).

kyhe¹ rang¹ ki gu¹ qe²⁴³ kha:² pa:¹ xa²³ ki yo² re²³
 ты агентив брат где жить частица вспом. гл. вспом. гл.
 ‘Где живет твой брат?’ (постоянный факт).

Формы настоящего абстрактного используются для обозначения повторяющегося, типичного процесса, проявление которого не связано с определенным временным планом. Например:

kyhi²⁴ xa¹ sa² ki yo² re?³
 собака мясо есть частица вспом. гл. наст. вр. вспом. гл. 3 л.
 ‘Собаки едят мясо’ (обычное действие).

nga¹ mo¹ nga¹ mo¹ lu² zi¹ ji²⁴ ki²⁴ ta:¹ re² xin²
 давно давно пастух один эргатив каждый. день овца
lu²³ co¹ ka²³ zho² ki yo² re²³
 пасти с целью идти частица вспом. гл. наст. вр. вспом. гл. 3 л.

‘Издавна один пастух каждый день отправляется пасти овец’
 (*zho²* – ‘идёт’, ‘отправляется’, *yo² re²³* – вспомогательный глагол, личная форма глагола 3-го лица).

В формах настоящего времени глагола выявляется категория очевидности/неочевидности действия или события с проявлением оценки говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого факта. Наряду с личной формой 3-го лица вспомогательного глагола *tu²³* употребляется другая личная форма 3-го лица вспомогательного глагола *re²³* в тех случаях, когда о происходящем действии или событии говорящий имеет сведения от других лиц или из других источников. Ср.:

kho¹ phø²³ ke²³ yak² po¹ xen¹ ki re²³
 он Тибет язык хорошо знает частица вспом. гл.

‘Он хорошо знает тибетский язык’. Употребляется личная форма вспомогательного глагола *re²³*, так как говорящий не уверен в достоверности этого факта.

kho¹ phø²³ ke²³ yak² po¹ xen¹ ki tu²³
 он Тибет язык хорошо знает частица вспом. гл. 3-го л.

‘Он хорошо знает тибетский язык’. Употребляется личная форма вспомогательного глагола *tu²³*, так как говорящий может с уверенностью судить об этом факте.

Таким образом, формы настоящего времени обозначают одновременность действия моменту речи или целому периоду,

охватывающему более или менее длительный отрезок времени или осуществляющегося без ограничения во времени.

Формы настоящего времени могут быть синтетическими или аналитическими. Аналитические формы образуются посредством комплекса, состоящего из основы настоящего времени знаменательного глагола, связок $y\emptyset^{23}$ для 1-го лица, tu^{23} для 2-го и 3-го лица и частицы. Отсюда следует, что форма 1-го лица противопоставлена формам 2-го и 3-го лица.

Рассмотрим следующие примеры:

nga^2	zho^2	ki	$y\emptyset^{23}$
я	идти	частица	вспом. гл. 1-го л.

‘Я иду’.

$kyhe^1rang^1$	zho^2	ki	tu^{23}
ты	идти	частица	вспом. гл. 2-го л.

‘Ты идёшь’.

$khong$	zho^2	ki	tu^{23}
он	идти	частица	вспом. глагол 3-го л.

‘Он идёт’.

Прошедшее время. Формы прошедшего времени выражают факт прошлого и указывают на предшествование моменту времени речи и образуются совокупностью глагольных основ прошедшего времени со связками yin^2 для 1-го лица, re^{23} для 2-го и 3-го лица и частицей pa .

Рассмотрим следующие примеры:

nga^2	qin^1	pa	yin^2
я	ходил	частица	вспом. гл. 1-го л.

‘Я ходил’.

$kyhe^1rang^1$	qin^1	pa	re^{23}
ты	ходил	частица	вспом. гл. 2-го л.

‘Ты ходил’.

$khong$	qin^1	pa	re^{23}
он	ходил	частица	вспом. глагол 3-го л.

‘Он ходил’.

qin^1 – ‘ходил’, основа глагола прошедшего времени, личная форма глагола, вспомогательный глагол yin^2 для 1-го лица, re^{23} – для 2-го, 3-го лица.

Будущее время. Формы будущего времени обозначают действие, следующее после момента речи. Специфика значения будущего времени означает, что будущее время является предположительным, проблематичным.

В формах будущего времени содержание действия обозначено основой глагола, грамматическое значение передается посредством частиц *ki* и связок *yin*² для 1-го лица, *re*²³ для 2-го и 3-го лица.

Значению формы будущего времени частицы *kyu*² придает модальность категоричности, неперенности совершения действия в будущем:

<i>nga</i> ²	<i>zho</i> ²	<i>kyu</i> ²	<i>yin</i> ²
я	идти	частица	вспом. глагол 1-го л.

‘Я пойду’ [= я непременно пойду (в ближайшем будущем)]’.

<i>kyhe</i> ¹ <i>rang</i> ¹	<i>zho</i> ²	<i>ki</i>	<i>re</i> ²³
ты	идти	частица	вспом. глагол 2-го л.

‘Ты пойдёшь’

<i>khong</i> ¹	<i>zho</i> ²	<i>ki</i>	<i>re</i> ²³
он	идти	частица	вспом. глагол 3-го л.

‘Он пойдёт’.

*zho*² – ‘идти’, основа глагола настоящее-будущего времени, *yin*² – личная форма глагола 1-го лица, вспомогательный глагол *re*²³ – личная форма глагола 2-го, 3-го лица, вспомогательный глагол; *ki* – частица.

Таблица 1

Изменение глагола по временам
в лхасском диалекте тибетского языка

		Положительная форма	Отрицательная форма	Вопросительная форма
1	Наст.вр.	$V+ki+y\theta^{23}$	$V+ki+me^{23}$	$V+ki+y\theta^{23}+p\epsilon^{23}/k\epsilon^{24}$
л.	Прош.вр.	$V+pa+yin^2$	$ma^2 + V$	$V+pa+yin^2+p\epsilon^{24}/k\epsilon^{24}$
	Буд. вр.	$V+ki+yin^2$	$V + ki+me^2$	$V+ki+yin^2+p\epsilon^{24}$
2,	Наст.вр.	$V+ki+tu^{23}+ki^{23}$	$V + min+tu^{23}$	$V + ki+du^2 + k\epsilon^{23}$
3		$V+ki+y\theta^{23}+re^{23}$	$V + ki+y\theta^{23}$ $+ma^2 + re^{23}$	$V + ki+y\theta^{23}$ $+ re^{23} p\epsilon^{24}$
л.	Прош.вр.	$V+pa+re^{23}$	$ma^2 + V+ pa + re^{23}$ $V + y\theta^{23} + ma^2 + re^{23}$	$V+pa+re^{23}+p\epsilon^{24}$
	Буд.вр.	$V+ki+re^{23}$	$V+ki+ma^2+re^{23}$	$V+ki+re^{23}+p\epsilon^{24}$

Синтетические и аналитические формы в глагольной системе тибетского языка

Исследования показали, что глагол в тибетском языке обладает сложными грамматическими формами. В пределах изъявительного наклонения формы настоящего, прошедшего и будущего времени большинства глаголов образуются синтетическими или аналитическими средствами. Аналитические формы представляют собой комплекс, включающий три компонента – основу знаменательного глагола, имеющего темпоральное значение, частицы и вспомогательные глаголы, выражающие личные формы и восходящие к знаменательным глаголам с посессивным (наст. вр.) и экзистенциальным значениями (прош. и буд. вр.). Знаменательные глаголы, составляющие ядро указанного комплекса, имеют парадигму из двух или трех форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего и будущего времени.

В современном тибетском языке большинство временных форм выражаются посредством именно таких аналитических форм, т.е. сочетанием знаменательного глагола, частицы *-ki-*, *-pa-* и вспомогательного глагола, выражающего личные формы и различные отношения между субъектом, объектом и действием: $y\theta^{23}$, tu^{23} , yo^2re^{23} , yin^2 , re^{23} .

Временные формы могут также выражаться лексическими средствами, обозначающими точную временную локализацию.

Синтетические формы в пределах знаменательного глагола характеризуются чередованиями вокальных и консонантных фонем, а также тоном.

В начале XX в. И.А. Бодуэн де Куртэне (1963, Т.1) и Н.С. Трубецкой (1960) высказали идею о том, что чередования звуков должны рассматриваться не только как альтернации фонетического характера, но и как чередования морфологические. Таким образом, чередования гласных и согласных фонем, а также тоном в глагольных основах представляют собой один из способов образования морфологических форм. Подобные чередования, именуемые внутренней флексией, выступая единственным средством противопоставления временных форм, представляют синтетический тип формообразования.

В следующих трех временных формах глагола – настоящего, прошедшего и будущего времени глагола qe^{23} ‘делать’ на-

блюдается чередование гласных фонем: /e – ε – a/: *qe*²³ ‘делаю’, наст. вр. – *qε*²³ ‘делал’, прош. вр. – *qa*² ‘буду делать’, буд. вр.

Чередование согласных фонем /p – ph/ выявляется в другой группе глаголов: *py*:² ‘даю, буду давать’, наст./буд. вр., *phy*:¹ ‘давал’, прош. вр. Как видно из приведенных примеров, чередование согласных или гласных фонем может сопровождаться чередованием тоном. В последнем примере второй низкий восходящий тон чередуется с первым высоким ровным тоном.

Определенная группа глаголов имеет только одну временную форму для выражения настоящего, прошедшего и будущего времени, например, *sup*⁴ (наст., прош., буд. время) ‘стирать, соскабливать, запирать’; *lung*¹ (наст., прош., буд. время) ‘падать’. В этой связи можно привести высказывание В.Н. Ярцевой: «Формообразование свойственно не всем словам языка, есть слова, не обладающие разветвленной системой форм» [Ярцева 1963].

В рамках категории времени распространены бинарные оппозиции, которые выражены основами глаголов, затронутых чередованиями различных компонентов: настоящее, будущее время / прошедшее время; настоящее время / прошедшее, будущее время.

Рассмотрим примеры:

/u – y/	<i>ku</i> ¹ / <i>ky</i> ²⁴	наст., буд. время / прош. время	‘воровать’
/o – ə/	<i>cho</i> ¹ / <i>chə</i> ²⁴	наст., буд. время / прош. время	‘сердиться’
/e – a/	<i>zhem</i> ² / <i>zham</i> ²	наст. время, / прош., буд. время	‘разбрасывать, распространять’

Ниже представлена дистрибуция фонем в связи с так называемыми ступенями альтернатив.

Гласные, представляющие всего одну нулевую ступень альтернативы во временных глагольных основах (настоящее, прошедшее, будущее время):

/e/	<i>te</i> ²³	–	<i>the</i> ²³	–	<i>te</i> ²³	‘следовать’;
/i/	<i>zhi</i> ²	–	<i>zhi</i> ²³	–	<i>chi</i> ²	‘писать’

Гласные, представляющие две ступени альтернативы во временных глагольных основах (наст., прош., буд. время):

/e – a/	<i>kem</i> ¹	–	<i>kam</i> ⁴	–	<i>kam</i> ¹	‘сушить, сохнуть’;
/o – a/	<i>tom</i> ³	–	<i>tam</i> ³	–	<i>tam</i> ¹	‘учить, объяснять’.

Гласные в лхасском диалекте тибетского языка могут представлять три степени альтернатив (наст., прош., буд. вр.):

/e – ε – a/ qe^{23} – $qε^{23}$ – qa^2 ‘делать’;
 /e – ø – o/ ke^{23} – $kø^{24}$ – ko^2 ‘расширять’.

Упомянутые выше троичные типы вокальных альтернатив встречаются не часто. Чередование гласных имеет следующую закономерность: чередование происходит по признаку ряда гласных. От гласных переднего ряда к гласным заднего ряда и, наоборот, от гласных заднего ряда к переднему ряду.

Рассмотрим примеры, в которых регулярно чередующиеся гласные фонемы различаются по ряду: передний – задний /i–u/, /e–o/ и, наоборот, задний – передний /o – ø/, /u – y/:

/i – u/ zin^2 – $sung^2$ – $sung^2$ ‘держат, владеют’;
 /o – ø/ ko^2 – $kø^{23}$ – ko^2 ‘заболеть’;
 /u – y/ ku^1 – ky^{24} – ku^1 ‘выжать сок’.

Два последних примера демонстрируют умлаут гласных, т.е. чередование задних гласных с передними гласными /o – ø/, /u – y/.

Согласные в лхасском диалекте тибетского языка могут иметь нулевую альтернативную ступень или две степени альтернатив согласных.

а) Нулевая альтернативная ступень согласных:

/ny/ $nyε.^2$ – $nyε.^2$ – $nyε.^2$ ‘идти спать’;
 /x/ xen^2 – xen^2 – xen^2 ‘любить’.

б) Две альтернативные ступени согласных:

/t – th/ te^{23} – the^{23} – te^{23} ‘следовать’;
 /th – t/ $thung^1$ – $tung^4$ – $tung^1$ ‘пить’.

К существенным признакам чередующихся согласных, которые выявляются в альтернативных рядах, относятся следующие: дезаспирация, аспирация, оглушение, озвончение, тоновые модификации:

а) дезаспирация, т.е. аспирация согласных утрачивается:

/kh – k/ khu^{23} – khu^{24} – ku^{24} ‘сгибаться’;
 /c – z/ $cong^1$ – $zong^4$ – $zong^1$ ‘продавать’.

б) аспирация согласных, т.е. возникает аспирация согласных:

/t – th/ $to:2$ – $tho:2$ – $tho:2$ ‘отвергать, отказываться’
/p – ph/ po^{23} – pho^{24} – po^{23} ‘долбить, прокалывать’.

в) озвончение согласных:

/ch – zh/ $che:1$ – $che:1$ – zhe^2 ‘отделять, разделять’
/q – j/ $qang^1$ – $jang^4$ – $jang^1$ ‘держат, хранить’.

г) оглушение согласных:

/zh – ch/ zhi^2 – chi^{23} – chi^2 ‘задавать вопросы’
/j – q/ jo^2 – qo^2 – jo^2 ‘наливать воду’.

д) чередование гласных и согласных фонем, одновременно сопровождающееся тоновыми чередованиями:

/2 тон – 3 тон / 2 низкий восходящий тон чередуется с 3 низким восходяще–нисходящим тоном:

/o – ø/ to^2 – $tø^{23}$ – to^2 ‘рисковать’

/1 тон – 4 тон / 1 высокий ровный тон чередуется с высоким нисходящим тоном, гласные /o – ø/ также отмечены чередованием:

ko^1 – $kø^4$ – ko^1 ‘копать’

е) при неизменном составе сегментных фонем тоновые чередования способны самостоятельно выражать различные временные формы глаголов (наст., прош., буд. время):

/1 тон – 4 тон / 1 высокий ровный тон чередуется с высоким нисходящим тоном; второй низкий восходящий тон чередуется с третьим низким восходяще–нисходящим тоном:

$ting^1$ – $ting^4$ – $ting^1$ ‘бранить, ворчать’
 $tong^2$ – $tong^3$ – $tong^2$ ‘присоединиться, войти в компанию’

Таким образом, морфологические модели глагольных основ, выражающие настоящее, прошедшее и будущее время, могут различаться одной гласной или согласной фонемой или тонемой, либо вообще полностью совпадать по своему составу сегментных фонем (но не тоном).

Хотя фонологическая система тибетского языка имеет 29 согласных фонем, что значительно превышает число гласных

фонем, насчитывающих 17 единиц, чередования гласных фонем во временных формах глагола функционируют чаще, чем чередования согласных фонем.

Итак, можно сделать вывод, что чередования гласных и согласных фонем, а также тонем в основе тибетского глагола (внутренняя флексия), обусловленные их грамматической позицией, представляют собой морфонологические средства выражения грамматического значения времени в тибетском языке.

Таким образом, в современном тибетском языке наряду с аналитическим типом используется еще и синтетический тип формообразования. Чередование фонем и тонем может быть единственным показателем противопоставления временных форм.

Категория переходности/непереходности охватывает весь класс тибетских знаменательных глаголов, выражая разные виды процессов – переходное/непереходное действие.

Категория переходности/непереходности проявляется как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне.

Синтаксический строй лхасского диалекта тибетского языка характеризуется эргативной типологией со свойственной ей корреляцией эргативной и абсолютной конструкций предложения.

В абсолютной конструкции подлежащее предстает в абсолютном падеже.

Эргативная конструкция отличается особым обозначением подлежащего, сопутствующего глаголу переходного действия. При этом форма прямого дополнения этого глагола совпадает с формой подлежащего при глаголе, обозначающем непереходные действия.

kyhe¹rang¹ xo:¹ car¹ song¹
ты выиграть вспом. гл. результат. вспом. гл. соверш. действия

‘Ты выиграл’ – абсолютная конструкция предложения.

kyhe¹rang¹ ki²³ nga² la sən¹kyur¹ ji²⁴ xe²³ ko²³
ты эргатив я адлатив новость один сказать должен

‘Ты должен сказать мне новость’ – эргативная конструкция предложения.

В первом предложении субъект *kyhe¹rang¹* ‘ты’ стоит в абсолютном падеже, глагол *xo:¹* ‘выиграл’ – непереходный. Во втором предложении субъект действия *kyhe¹rang¹ ki²³* содержит эргативный показатель (показатель эргативного падежа) *ki²³*, пере-

ходный глагол $x\epsilon^{23}$ ‘сказать’ участвует в эргативной конструкции.

Таким образом, категория переходности/непереходности глаголов участвует в организации эргативной или абсолютной конструкций предложения.

Категория вида.

Категория глагольного вида выражена следующими видовыми формами: в тибетском языке можно выделить результативный вид, многократный вид и продолженный вид.

Результативный вид связан с идеей действия, завершившегося к какому-то моменту или в какой-то момент прошлого в связи с достижением результата. Результативный вид выражается сочетанием основы глагола прош. времени со вспомогательным глаголом $zhup^3$. Исходное значение $zhup^3$ ‘выполняться’, ‘завершаться’:

$y\dot{i}^2ki^1$ chi^{23} $zhup^3$ pa re^{23}
письмо написал *вспом. гл. результативности* *частица* *вспом. гл. 3-го л.*
‘Письмо написали’.

Неопределенно-кратный вид выражается при помощи сочетания основы глагола со вспомогательным глаголом $nyong^2$ и указывает на некую повторяемость действия в прошлом: nga^2 $ph\theta^2$ la zho^2 $nyong^2$ ‘Я бывал в Тибете’; $khong^1$ $ky\alpha^2$ kye^{24} lop^4 $nyong^2$ ‘Он изучал китайский язык’.

Исходное значение $nyong^2$ ‘отведывать, испытывать, подвергаться’:

nga^2 $rang^1$ $thuk^1pa^1$ $thung^1$ $nyong^2$
я тибетский суп есть *вспом. глагол*
‘Мне доводилось отведать тукба (тибетский суп)’ ($nyong^1$ – вспомогательный глагол неопределенно-кратного вида).

$kh\theta^{24}$ $ya:^1$ tho^{24} sen^2mo^1 lam^2 la
вы лето *послелог* ночь дороги *послелог*

zho^2 ty^{23} , me^2 je^1 $ng\theta n^1po^1$ xi^{23} $lu^1pu:^1tu^1$ bar^2
идти когда огонь язык голубой один внезапно гореть,
вспыхивать

$thong^1$ $nyon^1$ nam^2 ?
видеть *вспом. гл. многократный* *вопр. частица*

‘Когда Вы летом ночью идете по дороге, приходилось ли наблюдать, как внезапно вспыхивает язык голубого пламени?’

Продолженный вид представляет действие в его течении, движении, в процессе его конкретного протекания. Форма продолженного вида выражается посредством сочетания темпоральной основы глагола и вспомогательного глагола *xin²*, а также конструкций *i²kang²* (*i-sang*), *kyin¹*. Например:

nga² zho² kin yø²³
я идти частица продолж. вида вспом. гл. 1-го л.
'Я иду' (I am going).

kyhe¹rang¹ zho² kin tu²³
ты идти частица продолж. вида вспом. гл. 2-го л.
'Ты идёшь' (You are going).

khong¹ zho² kin tu²³
он идти частица продолж. вида вспом. гл. 3-го л.
'Он идёт' (He is going).

Для выражения настоящего продолженного вида также употребляется вспомогательный глагол *xin²*. Например:

nga² zho² xin² yø²³
я иду вспом. глагол продолж. вида вспом. гл.
'Я иду' (I am going).

nyin² xi²³ la Si¹ Ma²kong¹ thang² cho²go¹
день один послелог Сы Магуань вместе, с друг

gung¹gang¹ ka:²xε²⁴ me²to²⁴ tum²re:¹ nang²tu¹
маленький несколько цветок сад в (in)

tse¹ tse¹mo¹ xin² pε:¹ tshe,
игра играть вспом. глагол продолж. вида частица когда

zho²³ gung¹ xi²³ ri² kang² tu¹
друг маленький один гора вершина на

jo:² wa la
достигать-взбираться частица заключительная частица

'Однажды, когда Сы Магуань играл в саду со своими друзьями, маленький мальчик (дружок) взобрался на вершину горы'

Категория произвольного/непроизвольного действия

Тибетские глаголы распределяются на два класса в соответствии с определенными семантическими признаками контролируемости/неконтролируемости: 1) глаголы произвольного, осознанного действия, выражающие активное действие, совершенное по воле субъекта, 2) глаголы, выражающие непроизволь-

ное, неосознанное действие или состояние, совершенное помимо воли и желания субъекта. Глаголы, вовлеченные в данную категорию, могут различаться по характеру основы и временной парадигмы.

глаголы I класса	глаголы II класса
<i>ta</i> ¹ ‘смотреть’	<i>thong</i> ¹ ‘увидеть’
<i>zɛ</i> ¹ ‘искать’	<i>nyɛ</i> ²⁴ ‘найти’
<i>nyɛn</i> ² ‘слушать’	<i>kho</i> ² ‘услышать’
<i>zhi</i> ² ‘писать’	<i>nor</i> ² ‘ошибиться’

Примеры:

*nga*² *lop¹jong¹* *qe*²³ *ki* *yin*² *nga*²
я учеба делать частица вспом.гл. I л. хотя

ha¹ko¹ *ki* *mintu*²³
понимать частица отрицание *ti*+вспом. гл.
‘Хотя я занимаюсь (акт осознанного действия), но я не понимаю (акт произвольного, неосознанного действия)’.

*nga*² *xen*¹ *ki* *mintu*²³
я знать частица отрицание *ti* + вспом. глагол
‘Я не знаю (не по своей воле, акт неконтролируемого действия)’.

*nga*² *ne*²⁴ *ki* *mintu*²³
я находить частица отрицание *ti* + вспом. глагол
‘Я не нашел (акт неконтролируемого действия)’.

Следует обратить внимание на то, что личные формы глаголов произвольного, неосознанного действия 1-го лица используют вспомогательные глаголы *tu*²³ (вместо *yin*²), которые функционируют в обычной ситуации с 3-им лицом.

В тибетском языке имеются специальные морфологические средства обозначения динамичности/статичности.

Ниже в таблице 2 для иллюстрации представлены различные временные парадигмы произвольного, контролируемого и произвольного, неконтролируемого действия.

Категория антикаузатив/каузатив

Каузативы тибетского языка образуют парадигматическую и синтагматическую оппозиции соотносительных глагольных пар: антикаузатив – каузатив.

В парадигматической оппозиции каузатив обычно представлен глаголами определенных лексико-семантических групп: внутреннего психического или физического состояния, движения, действия над субъектом (*cho:*² ‘освободиться’ – *cho:*¹ ‘освободить’, *re:*² ‘разорваться’ – *re:*¹ ‘разорвать’).

Таблица 2

	Принадлежность к классу	I класс	II класс
1-е лицо	V (буд. вр.) <i>ki yin</i>	+	–
	V (наст. вр.) <i>ki yø</i> ²	+	–
	V (пр. вр.) <i>pa yin</i>	+	–
	V (буд. вр.) <i>kyu yin</i>	+	–
	V (буд. вр.) <i>zho:</i> ² <i>yø</i> ²	+	–
	V (буд. вр.) <i>zho:</i> ² <i>yin</i>	+	–
	V (пр. вр.) <i>pe:</i> ¹ <i>kang yin</i>	+	–
2-е, 3-е лицо	V (буд. вр.) <i>ki re</i> ²³	+	+
	V (наст. вр.) <i>ki tu</i> ²³	+	+
	V (наст. вр.) <i>ki yo re</i> ²³	+	+
	V (пр. вр.) <i>pa re</i> ²³	+	+
	V (буд. вр.) <i>kyu re</i> ²³	+	±
	V (буд. вр.) <i>zho tu</i> ²³	+	+
	V (буд. вр.) <i>zho yo re</i> ²³	+	+
	V (буд. вр.) <i>zho re</i> ²³	+	–
	V (пр. вр.) <i>pe:</i> ¹ <i>kang</i> ² <i>re</i> ²³	+	–
	V (пр. вр.) <i>pa tha kha re</i> ²³	+	±
V (пр. вр.) <i>yo</i> ² <i>re</i> ²³	+	+	

Члены парадигматической оппозиции глагольных пар противопоставлены чередованием: 1) гласных фонем, 2) придыхательных и непридыхательных согласных фонем, 3) тонов. Например, /ə-e/: *khəp*³ ‘прятаться’ – *khep*³ ‘прятать’; /q-j/: *qa*²⁴ ‘разбиться’ – *ja*²⁴ ‘разбить’; *qε*²⁴ ‘сломаться’ – *jε*²⁴ ‘сломать’; /III тон – IV тон/ *lo*²³ ‘перевертываться’ – *lo*²⁴ ‘перевертывать’.

Высокую степень коррелятивности тибетских каузативов можно наблюдать в тех оппозициях, которые противопоставляются по своей графической форме:

- (*'akhyur*) *kyur*² – ‘изменяться, превращаться’ –
- (*'skhyur*) *kyur*² – ‘изменять, превращать’;
- (*'akhruph*) *zhup*³ – ‘выполняться, завершаться’ –
- (*'skhruph*) *zhup*³ – ‘выполнять, завершать’.

Некоторым каузативам свойственна синтагматическая оппозиция, где каузативные значения обусловлены речевой ситу-

ацией или контекстам, например, *kuw²* ‘согнуть(ся), искривить(ся)’, *kum²* ‘умирать, убивать’. Подобные каузативы могут быть названы конверсивными.

Аналитические каузативные конструкции могут быть выражены посредством каузативных глаголов *ju²⁴* ‘заставлять, велеть’, *ka:¹ phəp⁴* ‘приказать’:

ta:² re¹ jok³ tu ju²⁴. ‘Велел сломать каждую стрелу.’
kho¹ zho² ju²⁴! ‘Пусть он уйдет!’

Исследование показало, что образование каждой глагольной формы в современном тибетском языке определяется взаимодействием многих факторов, включающих семантику глагола, тип основы глагола, взаимоотношение различных глагольных категорий.

Литература

1. Бодуэн де Куртэнэ И.А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1. М., 1963.
2. Комарова И.Н. *Тибетское письмо*. Изд. фирма «Восточная литература» РАН. М., 1995.
3. Парфионович Ю.М. *Тибетский письменный язык*. М., 1970.
4. Рерих Ю.Н. *Тибетский язык*. М., 1961.
5. Трубецкой Н.С. *Основы фонологии*. М., 1960.
6. Ярцева В.Н. Об аналитических формах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. & Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 52-60.
7. Hu Tan. Zany u shendiao yanju // *Munzu yuwen*. 1980. 1. {Ху Тань. Исследование тонов тибетского языка // Миньцзу Яньцзю. 1980. № 1}.
8. Miller R.A. The Independent Status of the Lhasa Dialect in Spoken Tibetan // *Tōhōgako*. 1955. Vol. 10.
9. Qu Aitang. *Han Zang yuyan yanjiude lilun la fangfa. Zhongguo zangxue cluebanshe*. Beijing, 2000. {Цюй Айтан. Теория и метод исследования китайского и тибетского языков. Пекин, 2000}. (на кит. яз.)
10. Róna-Taš A. Some Remarks on Vowel System of the Tibetan and Budahist Studies // *Commemorating of the 200th Anniversary of the Birth of Alexandr Csoma de Köröw*. Budapest, 1984.

Средства оформления категории определенности имени существительного в балийском языке

1. Вводная часть

Балийский язык является представителем западной ветви малайско-полинезийских языков. Этот язык широко используется самими балийцами в общении между собой. Большинство грамматических значений в балийском языке выражаются аналитически. Данное описание имеет целью рассмотреть основные способы оформления категории определенности имени существительного в балийском языке.

2. Основные средства оформления категории определенности имени существительного

2.1. Определенность/неопределенность является одной из универсальных понятийных категорий имени существительного. Определенность можно охарактеризовать как отождествление референта данного имени – ситуативной, контекстной или общеизвестной. Неопределенность, соответственно, можно охарактеризовать как отсутствие такого отождествления [Мельчук 1998, с. 141].

2.2. Категория определенности/неопределенности в разных языках оформляется по-разному – морфологически, лексически – служебной или знаменательной лексикой, синтаксически или интонационно. Артикль, по мнению части лингвистов (в частности, А.В. Бондарко), является центральным средством выражения данной категории. По наличию артиклей языки делятся на артиклевые и безартиклевые. В балийском языке имеется показатель, который можно отнести к артиклям – *-(n)e*. Эта единица сообщает имени определенную референцию. Неопределенного артикля в балийском языке нет, значение неопределенности передается другими средствами – неопределенными местоимениями или же отсутствием всякого показателя. Существительное без показателей может иметь также и опреде-

ленную референцию. Таким образом, балийский язык характеризуется биполярной оппозицией «определенный артикль vs. отсутствие артикля».

В отличие от других артиклевых языков (в частности, английского) использование определенного артикля в балийском языке не является обязательным. Он может заменяться другими средствами (лексическими и др.) или же он опускается вовсе. Таким образом, артикль в балийском языке является факультативным и используется там, где это является (или считается автором) необходимым. Также артикль используется в несвойственном для него окружении – после личных местоимений.

Помимо артикля, определенность может выражаться также и другими средствами, в частности, указательными и притяжательными местоимениями, а также именами собственными.

2.3. В нижеследующем описании основное внимание будет уделено определенному артиклю *-(n)e* и его использованию в различных группах. Для данной единицы характерными являются следующие признаки:

1) Как и большая часть определений и других зависимых слов в балийском языке, рассматриваемая единица занимает постпозицию к главному слову. Это же касается указательных и притяжательных местоимений. Артикль присоединяется либо к одиночному существительному, либо к группе существительного. В группе существительного левую позицию занимает определяемое, а правую – зависимое существительное (в том числе имя собственное), притяжательное местоимение – полное или клитика. Также артикль может присоединяться к личному местоимению.

2) Артикль связан с предшествующим словом и имеет две формы в зависимости от конечного звука этого слова. Если слово заканчивается на гласную, то артикль имеет форму *-ne*; если заканчивается на согласную, то он имеет форму *-e*. Формант *-n* можно рассматривать как лигатуру, которая используется и в других синтаксических контекстах. Форма *-ne* совпадает с клитикой притяжательного местоимения 3 лица. Различаются эти две единицы по контексту. Также форма *-ne* совпадает с суффиксом, имеющим функцию номинализатора, который присоединяется чаще всего к прилагательным.

Помимо указанной выше клитики притяжательного местоимения 3 лица *-ne*, в современном балийском языке используется заимствованная из индонезийского языка клитика 3 лица *-nua*, которая имеет то же значение, что и *-ne*. Определенный артикль может употребляться после клитики *-nua*, но не было найдено примеров с сочетанием клитики *-ne* и определенного артикля, имеющего ту же форму.

2.4. Стоит некоторое внимание уделить указательным местоимениям (например, *punika* (высокий стиль), *ento* (низкий стиль) 'тот'). Являясь анафорическим средством, они могут самостоятельно сообщать существительному / группе существительного определенную референцию. Также они часто используются в сочетании с другими средствами выражения определенности – в частности, с определенным артиклем. Указательные местоимения занимают крайнюю правую позицию в группе существительного.

3. Синтагматика основных средств оформления определенности имени существительного

Ниже будет рассмотрена синтагматика основного средства оформления категории определенности – определенного артикля, а также уделено внимание использованию указательных местоимений в различных группах с определенной референцией.

Употребление определенного артикля *-(n)e*

3.1.1. После одиночного существительного, к которому он относится:

- (1) Ipun sareng kalih negak memayus-mayusan ring sofa-ne.
он также два сидеть отдыхать на диван-DEF
'Они вдвоем сидели на диване' (U, с. 86)
- (2) Kenken mirib gumi-ne di Alaska jani?
какой возможно земля-DEF в Аляска сейчас
'Как сейчас может быть на Аляске?' (U, с. 87)

3.1.2. После группы «существительное + существительное» (первое существительное является главным, а второе – зависимым).

- (3) Ha, iang inget, iang maan marebat teken Tommy
 INT я помнить я мочь спорить PREP Томми
 di ager *krangkeng bojog-e*.
 перед клетка обезьяна-DEF
 ‘Ха, я помню, я спорила с Томми перед клеткой с обезьяной’
 (U, с. 92)

3.1.3. После группы «существительное + притяжательное местоимение».

Притяжательное местоимение в балийском языке имеет две формы: свободную, которая совпадает с личными местоимениями (например, *iang* ‘я’, *nyai* ‘ты’, *ipun* ‘он’) и связанную – энклитика 3 лица *-ne* и *-nya* (последняя заимствована из индонезийского языка).

- (4) *Sirah ipun-e sampun gumasa kadi pengeng*.
 Голова 3.POSS-DEF уже чувствоваться как кружиться
 ‘Голова у него как будто кружилась’ (U, с. 87)

- (5) *Mua-n-nya-ne* *belus antuk toya,*
 лицо-Lin-3.POSS-DEF мокрый PREP вода
lima-n-nya-ne *makta(N-bakta) gelas*
 рука-Lin-3.POSS-DEF АСТ-нести стакан
madaging air es.
 содержать вода лед
 ‘Лицо его было мокрым, в руке у него был стакан с водой со льдом’ (U, с. 91)

3.1.4. После группы «существительное + имя собственное (также и в притяжательном значении)». Имя собственное в этой группе относится либо к 3, либо ко 2 лицу – т.е. не может обозначать говорящего.

- (6) *Jane nyemak(N-jemak) sirah Marno-ne garis*
 Джейн АСТ-взять голова Марно-DEF потом
ka-kipekang marep ring mua-n ipun-e.
 PAS-крутить наклонить к лицо-Lin 3.POSS-DEF
 ‘Джейн взяла Марно за голову и повернула его лицом к себе’
 (U, с. 89)

3.1.5. После личного местоимения, к которому он относится.

Данное употребление определенного артикля не является обычным для него. Личные местоимения 1 и 2 лица уже имеют определенную референцию и не требуют использования маркера определенности. Поэтому при использовании артикля при личном местоимении последнее получает акцентирование.

(7) Eh, gaenang *iang-e* a-gelas... ah, Marno
INT IMP-делать.для я-DEF один-стакан INT Марно
tusing.taen beneh ngae(N-gae) martini.
никогда очень АСТ-делать мартини
‘Эх, не хочешь ли ты сделать мне стаканчик...ах, Марно, ты никогда не умел делать коктейль с мартини’ (U, с. 87)

(8) Nah yen keto ja raos *iba-ne* Kelesih yen
INT если так PAR говорить ты-DEF Келесих если
tuara sida baan *iba* kai tusing bakal
не мочь PREP ты я не FUT
ngenkenang(N-kenkenang) *iba*.
АСТ-приказывать ты
‘Ну, если ты, Келесих, так говоришь, если ты не сможешь, то я не буду тебе приказывать’ (SB, с. 6)

В последнем примере местоимение 2 лица использовано вначале с определенным артиклем с целью выделить его (на что указывает и употребление после него имени собственного «Келесих»), а в остальных случаях – без артикля.

3.2. Использование указательных местоимений

3.2.1. Указательные местоимения употребляются в основном непосредственно после определяемого ими одиночного существительного и указывают на его определенность (при этом дейктическое значение может сохраняться).

(9) *Wengi punika* langit-e kanten bersih, sejawaning
Ночь тот небо-DEF выглядеть чистый кроме
ring sane ng-iterin bulan-e.
на REL АСТ-крутить месяц-DEF
‘В ту ночь небо было чистым, за исключением места вокруг месяца’ (U, с. 89)

- (10) Dening konyong ane tagih idih-a nu
 Так.как щенок REL Ø-просить Ø-просить этот
 cerik buina tonden ngedat,
 маленький.ребенок тоже еще.не видеть
 kaden-a konyong ento buta,
 Ø-предполагать-3.Ag щенок тот слепой
 dadi buung dogen ia ng-idih konyong.
 так.что отказываться только он АСТ-просить щенок
 ‘Так как щенок, которого он просил, был маленьким и еще
 не открыл глаза, то он подумал, что он (тот щенок) слепой
 и не стал больше его просить’ (SB, с. 4)

3.2.2. Также указательные местоимения употребляются после группы существительного, в том числе после имени собственного.

- (11) Ida Sang Prabu sane nruweyang(N-druweyang)
 его.величество REL АСТ-иметь
 asu Blanguyang ento
 собака Блангуянг тот
 ‘...Его величество, у которого была собака Блангуянг’ (SB,
 с. 8)

3.2.3. Указательные местоимения используются также с определенным артиклем, занимая крайнюю правую позицию. Его дейктическое значение при этом сохраняется.

- (12) Asu-ne ento melah pesan gobe-ne tur andel
 собака-DEF тот хороший очень вид-3.POSS и верить
 ka-anggen nyarengin(N-sarengin) ritatkala maboros
 PAS-использовать АСТ-участвовать когда охотиться
 ‘Эта собака была очень красивой, и ей доверяли на охоте’
 (SB, с. 7)

- (13) Sawireh, gorilla ane ada di krangkeng-e ento ane
 потому.что горилла REL быть в клетка-DEF тот REL
 ng-ranayang iang inget teken juru jaga lift
 АСТ-быть.причиной я помнить PREP сторож лифт
 di kantor-ne Tommy.
 в контора-3.POSS Томми

‘Потому что горилла, которая была в той клетке, напомнила мне лифтера в конторе Томми’ (U, с. 92)

3.3. За пределами данного описания остались случаи определенной референции имени без использования определенного артикля и указательных местоимений. К ним можно отнести использование существительного или группы существительного без каких-либо средств, а также использование притяжательных местоимений – полных и клитик с последующим именем собственным или без него.

- (14) Dening keto unduk-ne I Pucung gedeg kone
потому.что так дело-3.POSS ART Пучунг злитьсяговорят
ia, dening makejang keneh-ne tuara misi.
он потому.что все мысль-3.POSS не исполняться
‘Поэтому, как говорят, Пучунг злился, так как никакое из его намерений не исполнилось’ (SB, с. 7)

4. Выводы

Описание синтагматических свойств определенного артикля является одним из аспектов общего описания категории определенности / неопределенности в балийском языке. Тем не менее, данное описание дает возможность сделать некоторые выводы, имеющие типологический характер:

1) Балийский язык относится к артиклевым языкам, в которых имеется биполярная оппозиция «определенный артикль – отсутствие артикля»;

2) Использование артикля необязательно, существительное без маркеров может иметь как определенную, так и неопределенную референцию;

3) Определенный артикль является несвободным словом, и его форма зависит от последнего звука предшествующего слова (это касается использования лигатуры);

4) Определенный артикль может относиться к отдельному существительному или к группе существительного, находясь в постпозиции к ним. В группу существительного в качестве зависимых слов могут входить существительные (в том числе имена собственные), притяжательные местоимения (свободные и клитики);

5) В одну группу могут входить определенный артикль и указательное местоимение, последнее занимает крайнюю правую позицию;

6) Определенный артикль может относиться не только к существительному, но и к местоимению 1 и 2 лица. Его употребление направлено на дополнительное акцентирование.

Грамматические сокращения

3.Ag	агенс 3 лица
3.POSS	посессивная клитика 3 лица
Ø	нулевой префикс переходного глагола
ACT	показатель актива
Art	артикль (кроме определенного)
DEF	показатель определенности (артикль)
FUT	показатель будущего времени
IMP	показатель императива
INT	междометие
Lin	лигатура
Par	частица
PAS	показатель пассива
PREP	предлог
REL	относительное служебное слово

Источники

SB – *Satua Bali I Lutung teken I Kekeua* [сайт]. URL: <http://www.bliyanbelog.blogspot.com> > Satua Bali. Дата обращения 10.07.2016.

U – *Umar Kayam Siu Kunang-Kunange Ring Manhattan*. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 1999.

Литература

1. Бондарко А.В. (ред.) Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 348 с.
2. Мельчук И.А. 1998. Курс общей морфологии Том II. Москва & Вена: Языки русской культуры, 1998. 543 с.
3. Ketut Artawa, Putu Artini and Barry J. Blake. *Balinese Grammar and Discourse* <http://www.ibrarian.net>

Аспекты факультативности видовременных показателей в изолирующем языке (на примере языка ма)

Данная статья посвящена описанию выражения видовременных значений в языке ма. Это один из языков малых народностей Вьетнама, который входит в южнобахнарическую подгруппу бахнарической группы мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков. Представители народности ма проживают на юге Вьетнама в провинциях Ламдонг, Даклак и Донгнай, их численность – 25 тыс. Материалы были собраны в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Корпус насчитывает 1366 предложений.

В языке ма вид и время являются наиболее развитыми грамматическими категориями. Это имеет место и в других изолирующих языках Восточной и Юго-восточной Азии, о чем писал В.М. Солнцев [Солнцев 1995, с. 236].

Хорошо известно, что грамматические категории в изолирующих языках имеют две важные особенности функционирования – актуализирующую функцию и свойство факультативности. Обычно считается, что актуализация и факультативность связаны таким образом, что, если, например, в высказывании есть иные средства локализации ситуации во времени и/или по отношению к другим ситуациям, то видовременные показатели становятся факультативными [Коротков 1968, с. 352]. В.М. Солнцев по этому поводу пишет: «Факультативность показателей проявляется в том, что при определенных условиях слово без показателя может быть употреблено вместо слова с соответствующим показателем без видимого изменения смысла» [Солнцев 1995, с. 241].

В данной статье ставится задача показать, что актуализирующая функция у видовременных показателей существует и действительно является фактором, обуславливающим факультативность показателей, однако она связана не только и даже не в первую очередь с актуализацией во времени и/или по отношению к другим ситуациям. В сферу актуализации могут входить

и другие компоненты высказывания. Причиной факультативности видовременных показателей является не фактор избыточности. Факультативность показателей регулируется не на семантическом уровне, а на коммуникативном. Это можно проиллюстрировать на примере следующих двух предложений на языке ма.

(1) *bə təm bri lə dɔ̀ bər kən əsə*
 из в лес PRF бежать два CLF лошадь
 ‘Из леса выбежало две лошади’ (ПРП 113)

(2) *bər kən əsə bə təm bri [lə]*
 два CLF лошадь из в лес PRF
gə du
 3SG IMPS; INACT бежать
 ‘Две лошади выбежали из леса’ (ПРП 114)

Во втором предложении изменяется коммуникативная структура: происходит сдвиг ремы на локативную ИГ, что манифестируется изменением порядка слов. Дерематизация сказуемого влечет за собой факультативность показателя совершенности *lə*.

В языке ма видовременные показатели происходят от полнзначных глаголов. С этим связан целый ряд их функциональных особенностей: 1) неполная грамматикализация показателей, которая влечет за собой ограничения, накладываемые на их сочетаемость с другими компонентами предложения; 2) синонимия показателей, как, например, в случае показателей длительности *vm* ‘находиться; DUR’ и *gam* ‘оставаться; DUR’; 3) специфическая полифункциональность показателей.

Например, употребление показателя длительности *gam* в семантической зоне хабитуальности может быть связано не с описанием линейного аспекта ситуации, не с характером протекания ситуации во времени, а с актуализацией других составляющих высказывания. Такая полифункциональность показателя *gam* объясняется семантикой исходного полнзначного глагола *gam* ‘оставаться’. В составе высказывания компонент его значения, который подвергся грамматикализации – «не переставать быть (каким-то)», мог иметь сферой действия разные компоненты высказывания: сказуемое, его аргументы и даже модификаторы аргументов.

В следующем предложении употребление показателя длительности *gam* в несобственном значении позволяет поместить в фокус внимания ИГ_{ЛОК} «в этом доме».

- (3) *təl naʔ kən ʊr ne*
 все человек; CLF ребенок женщина этот
gam dè bal tàm
 оставаться; DUR родить(ся) вместе в
hìw həʔ
 дом тот
 ‘Все дети этой женщины рождены в этом доме’,
 вьет. ‘*Tất cả các đứa con chị ấy đã sinh ra trong cái nhà này*’
 (СКД 92)

Как можно видеть из этого примера, во вьетнамском языке такой функции у показателя длительности нет, во вьетнамском предложении употребляется показатель прошедшего времени. Аналогичная стратегия актуализации ИГ_{ЛОК} используется и в следующем предложении:

- (4) *bə dít aŋ gam hək*
 от маленький 1SG оставаться; DUR учить(ся)
bal [dù³] trəŋ mà khaj
 вместе один школа COMIT 3SG
 ‘В детстве я учился с ним в одной школе’
 вьет. ‘*Từ bé chúng tôi đã học cùng trường với nhau (nó)*’
 (СКД 167)

Еще более интересным представляется употребление показателя длительности *gam* в предложении СКД 166 ‘Наш молодой учитель хорошо преподает нам вьетнамский язык’. Здесь *gam* выступает при определении в субъектной именной группе *наш молодой учитель* и выражает свое аспектуальное значение «не наступление нового состояния» (букв. «еще молодой»). Такое употребление было бы нормально для предложения *Наш учитель еще молодой*. Но в данном случае его использование порождает совершенно новый смысл: говорящий таким образом выражает смысл нарушения положения дел, ожидаемого в его мире: «молодой учитель → не может преподавать хорошо». На употребление *gam* в этом случае влияет прагматический фактор.

В языке ма грамматикализация показателя *gam* не полная. Этим он отличается от своего вьетнамского коррелята *dang*. В следующем примере наличие *gam* делает избыточным употребление полнозначного глагола *vm*:

- (5) *mej* *dvŋ* *həʔ* *gam*
 мать asem.+ этот= сейчас оставаться; DUR
 [*vm*] *təm* *hìw*
 находиться в дом
 ‘Мать сейчас в доме’ (СКД 16)

Актуализирующая функция видовременных показателей в языке ма хорошо коррелирует с актуализирующей функцией классификаторов. Как и в случае классификаторов, употребление показателя длительности *gam* может быть связано с актуализацией именных составляющих высказывания. Приведем пример, где употребление/неупотребление показателя длительности *gam* находится в одно-однозначном соответствии с употреблением/неупотреблением актуализатора «един+классификатор» в именной группе.

- (6) *təm* *tə* *kjŋ* *naɦəʔ* [*gam* *dvŋ*
 в место около очаг DUR один
neʔ] *kən* *mèw* *bic*
 CLF CLF кошка спать
 ‘Возле очага лежит кошка’ (ПРП 111)

Показатель совершенности *lè* в языке ма может приобретать разные значения во взаимодействии с лексической семантикой глагола, его семантическим типом – состояния, предельные процессы, непредельные процессы, события. С глаголами состояния (*видеть*) он выражает прошедшее время; при глаголах с событийной семантикой (*заставлять*, *взлетать*) он выражает совершенность; при глаголах предельного действия и процесса накопления свойства (*ломать*, *рваться*) он выражает значение достижения результата, нового состояния, нового положения дел; при глаголах непредельного действия (*хвалить*) – он выражает совершенность, но при этом не употребляется в предложениях с отрицательной полярностью. Например, следующие два предложения различаются полярностью, в предложении с негацией показатель *lè* не используется.

(7) *kòn dit lè mej bru*
 ребенок маленький PRF мать хвалить
 ‘Мальчик был похвален матерью’ (ПРП 89, Т–2)

(8) *kòn dit ò? gə tuj*
 ребенок маленький NEG 3SG; PASS получать; PASS
mej bru
 мать хвалить
 ‘Мальчик не был похвален матерью’ (ПРП 89, Т–3)

Употребляясь с глаголами, обозначающими состояния, показатель совершенности может изменять их таксономическую категорию, переводя их в класс глаголов действий или достижений. Это можно наблюдать в примере СКД 22, ‘Старики сели на первые стулья’, где ‘сесть на стул’ на язык ма переводится как *lè nguì ge?*, букв. ‘PRF – сидеть – стул’.

Наличие/отсутствие показателя совершенности *lè* зависит от многих факторов. Несомненно, самым существенным фактором влияния является коммуникативная структура предложения. Показатель совершенности обязателен в предложениях со сдвигом ремы на утвердительный статус пропозиции. В следующем предложении такой сдвиг подкреплен употреблением модификатора *lò* ‘четкий, ясный’, которого нет во вьетнамском диагностическом предложении. Видимо, информант, выбирая коммуникативную структуру для переводного предложения, употребил его для большей ясности, следуя принципу «хорошей оформленности»:

(9) *an lè lò sv gəp*
 1SG PRF четкий видеть 3SG
 ‘Я его видел’, вьет. ‘*Tôi trông thấy nó rồi*’ (ПРП 55)

Показатель также обязателен там, где в реме выступает числовая дескрипция, например, в следующем предложении в ИГ «три птицы» актуализация осуществляется при помощи классификатора, а при глаголе – при помощи показателя совершенности *lè*, хотя во вьетнамском предложении показатель *đã* отсутствует.

(10) *an lè gè pe nəm kòn sìm*
 1SG PRF иметь три CLF CLF птица
 ‘У меня было три птицы’, вьет. ‘*Tôi có ba con chim*’ (ПРП 115)

Если говорить о числительных как о лексико-грамматическом классе слов, их вхождение в коммуникативную структуру предложения имеет свои особенности. В числовой дескрипции, выступающей в позиции второго аргумента сказуемого (прямого объекта), числительное – это всегда коммуникативная вершина. Числительное утрачивает это свойство ингерентной рематичности в других синтаксических позициях, что может манифестироваться преобразованиями на поверхностно-синтаксическом уровне или в ритмико-интонационном контуре.

При глаголах предельного действия и процесса накопления свойства показатель совершенности может быть факультативным, если компонент «достижение результата» перестает быть в фокусе. Такое, например, происходит, когда есть другой компонент, претендующий на этот статус. В следующем предложении, с вынесенной в начало ИГ пациенса, фокус смещен на агенса, поэтому показатель совершенности *lè* факультативен, с чем коррелирует факультативность другого актуализатора – классификатора в объектной ИГ:

- (11) *ɟvʔ* [*nəm*] *tap* *dv* *bal* *iər* *bə*
 все CLF яйцо этот вместе курица от; POS
bəl *ɑn* <[*lè*]> *dè*
 PL+ 1SG = 1 PL PRF родить; нести яйца
 ‘Все эти яйца снесли наши куры’ (СКД 96)

В следующих примерах показатель совершенности отсутствует или факультативен, так как роль коммуникативной вершины берет на себя ИГ причины, в результате чего компонент «достижение результата» перестает быть в фокусе и становится презумптивным.

- (12) *chi* *put* *gə* *səp* *dut* *mìw*
 дерево зеленый 3SG набухать после дождь
 ‘Деревья зазеленели от дождя’ (СКД 45)

- (13) *hìw* [*lè*] *ùs* *sàʔ* *là*
 дом PRF огонь + есть=гореть молния
cəl
 ударять
 ‘Дом загорелся от молнии’ (СКД 24)

Такое же правило действует и в кхмерском языке. Например, при переводе следующих предложений с русского языка на кхмерский информант сказал, что в них нельзя употребить аспектуальный показатель, так как указана причина. Правда, в данном случае речь идет о показателе инцептива *laəŋ*¹.

- (14) *koət sraek daoj sa ka: chu:*
 3SG кричать из-за NMZ испытывать боль

cap

asem.

‘Он вскрикнул от боли’

- (15) *niəŋ jum daoj lu: doŋniəŋ*
 девушка плакать так как слышать новость

a:krok

плохой

‘Девушка заплакала, услышав плохую новость’

Данное правило о факультативности *lè* соблюдается даже в том случае, когда причина выражена не на синтаксическом уровне в обстоятельственной ИГ, а на семантическом уровне в семантической структуре другого члена предложения. В АТР 21 этот смысл содержится в определении (т.е. яблоко упало с дерева, потому что оно созрело). Случаи подобного рода как нельзя лучше демонстрируют специфику природы грамматического компонента в изолирующем языке, который, будучи сильно ориентирован на семантику и прагматику, имеет мало общего с формальным грамматическим компонентом языков другой типологии.

- (16) *bə di:n chi [rəŋ] tuŋ*
 с, от поверхность дерево падать опускаться

tul naj plaj taw? tum

один CLF плод; CLF яблоко спелый

‘С дерева упало созревшее яблоко’ (АТР 21)

То, что употребление показателя совершенности напрямую зависит от коммуникативной структуры предложения, косвенным образом подтверждает случай с диагностическим предложением СКД 75:

¹ Два следующих примера мне предоставила А.И. Щербань.

- (17) *bàr* *ləm* *làn* *lè* *cà*
 два CLF пиала PRF разбиваться
rəlvət *<bə* *bəl* *khaj* *gən* >
 пропадать; REZ из-за PL 3SG тот
 ‘Две миски разбились из-за них’ (СКД 75)

Как видим, при переводе информант употребил показатель совершенности, несмотря на наличие ИГ причины, которая должна была бы перетягивать фокус на себя. Возможно, он это сделал под влиянием вьетнамского диагностического предложения, в котором наличествует показатель *đã*. Однако некоторое время спустя, при аудиозаписи в фонетической лаборатории информант исправил свою ошибку таким образом, что оставил показатель совершенности, но удалил ИГ причины (то, что в угловых скобках). Очевидно, это он сделал потому, что записанное на бумаге предложение не выполняло условие хорошей оформленности. Как показывает этот случай, в режиме спонтанности языковое поведение информанта хорошо ориентировано на продуцирование правильных высказываний.

Модификаторы, выступающие в глагольной группе, также имеют свойство перетягивать фокус на себя, и в этих случаях показатель совершенности также не употребляется.

- (18) *ὴj* *h̀n* *h̀w* *rìs* *ὴn*
 кукуруза расти подниматься высокий очень
 ‘Кукуруза выросла очень высокая’ (СКД 43)

- (19) *de* *nhà?* *jə?* *gùl*
 мышь разрушать кончаться; REZ половина
k̀j *ὴj* *ən*
 рис кукуруза 1SG
 ‘Мыши погубили половину моего урожая’ (СКД 112)

- (20) *khaj* *̀r* *jak* *rəlaw* *ala?*
 3SG пахать хорошо более все
 ‘Он лучше всех вспахал поле’ (РЕЧ 85)

Однако на модификаторы количественной характеристики действия это может не распространяться. Так, при переводе следующего предложения информант использовал показатель совершенности, затем он согласился, что его можно опустить, затем, подумав, решил, что лучше показатель оставить.

и СКД 107а «Я организовал здесь футбольную команду» вроде бы похожи, но показатель совершенности *đã* употребляется только во втором. Однако в переводах этих предложений на язык ма показателя совершенности *lè* нет ни в одном из них. Этому можно дать разумное объяснение. Дело в том, что в первом предложении глагольная группа характеризует участника ситуации, представленного в субъектной ИГ, посредством указания на характер деятельности, т.е. фокус – не на результативной, а на дескриптивной составляющей. Во втором предложении говорящий скорее говорит о своем достижении, важном для его мира, поэтому результативный компонент в фокусе. Это различие и отражено во вьетнамских переводах употреблением показателя совершенности *đã* в переводе второго предложения и его отсутствием в переводе первого. При переводе же на язык ма информант не уловил эти нюансы и одинаково не употребил показатель совершенности *lè* в обоих предложениях.

В русском языке сдвиг фокуса с результативной составляющей глагольной группы может стать причиной употребления формы несовершенного вида в несобственном значении – вместо формы совершенного вида: *Я читала один английский роман, там говорится, что изюм для «мраморного кекса» следует вымачивать в течение нескольких часов в роме.*

В следующем примере из романа «Война и мир» Л.Н. Толстого «манипуляция» с русскими видовыми формами выступает как очень непростой механизм порождения новых смыслов, выходящих за рамки хрестоматийного противопоставления форм совершенного и несовершенного вида ¹.

«В ту минуту, как он входил, он увидел, что нянька с испуганным видом спрятала что-то от него, и что княжны Марьи уже не было у кроватки.

– Мой друг, – послышался ему сзади отчаянный, как ему показалось, шопот княжны Марьи. Как это часто бывает после долгой бессонницы и долгого волнения, на него нашел беспричинный страх: ему пришло в голову, что ребенок умер. Все,

¹ На этот пример наше внимание обратил известный вьетнамский лингвист, переводчик произведений И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, Као Суан Хао. Он считал, что форма совершенного вида в данном случае употреблена неправильно.

что он видел и слышал, казалось ему подтверждением его страха. <...>

«Все кончено», подумал он, и холодный пот выступил у него на лбу! Он растерянно подошел к кровати, уверенный, что найдет ее пустую, что нянька прятала мертвого ребенка».

Как представляется, в данном случае употребление формы совершенного вида *спрятала* связано с передачей несобственно прямой речи (когда от имени нарратора передается внутренняя речь персонажа, чтобы дать читателю услышать его внутренний голос). Употребление формы несовершенного вида *прятала* для описания того же самого положения дел отражает точку зрения самого нарратора – его объяснение, истолкование ситуации (о языковой точке зрения при презентации наррации говорится в работе [Шмид 2008, с. 173]).

Как было сказано, в языке ма ИГ причины может перетягивать на себя фокус, что вызывает факультативность или даже невозможность употребления показателя совершенности. В отличие от ИГ причины, агентивное дополнение в пассивном предложении такого свойства, как правило, не имеет. Поэтому компонент «достижение результата» остается в фокусе и показатель совершенности в пассивных предложениях, как правило, не факультативен. Хотя агентивное дополнение и дополнение причины на семантическом уровне близки по смыслу, на коммуникативном уровне в пассивном предложении статус агентивного дополнения низкий, о чем, например, говорится в [Плунгян 2000, с. 199].

(28) *bàr* *ləm* *làn* *lè* *dì*
два CLF пиала PRF PASS
bəl *khaj* *lə* *cà*
PL 3SG CAUS + разбиваться = разбивать
rələt
терять, пропадать; REZ
'Две чашки ими разбиты' (СКД 75, T)

Если же агентивное дополнение коммуникативно выделено, т.е. находится в фокусе, показатель совершенности не употребляется. Например, в ПРП 143д прагматика препятствует тому, чтобы агентивное дополнение было не в фокусе, поскольку

участниками описываемой ситуации являются говорящий и адресат сообщения:

- (29) *an di bi³ lə*
 1SG PASS старший брат; 2SG делать; бить
 ‘Я побит вами’ (ПРП 143д)

Аналогично в ПРП 143к агентивное дополнение в фокусе, и показатель совершенности отсутствует:

- (30) *piəŋ di khaj sa*
 рис PASS 3SG есть
 ‘Рис съеден им’ (ПРП 143к)

Сказанное об употреблении показателя совершенности *lə* косвенным образом подтверждается ситуацией с предложением ПРП 143в и его неудачной трансформацией ПРП 143в, Т:

- (31) *khaj caw rəŋaw rəsət*
 3SG люди грабить убивать
 ‘Он убит разбойниками’, вьет. ‘Nó bị bọn cướp giết’
 (ПРП 143в)

- (32) *khaj di caw rəŋaw rəsət*
 3SG PASS люди грабить убивать
 ‘Он убит разбойниками’ (ПРП143в, Т)

В исходном предложении информант не употребил показателя пассива, хотя во вьетнамском диагностическом предложении он есть (*bi*). На вопрос, можно ли употребить показатель пассива, информант сказал, что можно, но «так говорят реже». На первый взгляд это утверждение может показаться странным. Однако такое языковое поведение информанта имеет объяснение. Исходное предложение ПРП 143в является тематическим предложением, а не пассивным. В нем отсутствуют два структурных элемента, которые могли бы его сделать пассивным, – это не только показатель пассива *di*, но и показатель совершенности *lə*. Вот почему трансформация, полученная в результате добавления только *di*, была оценена информантом как неудачная, что он и постарался объяснить как можно деликатнее. Если же называть вещи своими именами, эта трансформация, предложенная исследователем, была некорректной (грамматически неверной).

На употребление показателя может влиять референтный статус именных групп, связанный с коммуникативной структурой предложения. Сравним предложения на языке ма и на вьетнамском языке в следующем примере:

- ма
- (33) *ŋaj bɔ̃r aŋ lè məl*
 день вчера 1SG PRF брат (на время)
[mə] bi³ piː
 СОМГ старший брат; 2SG нож
 ‘Вчера я взял у вас нож’ (ППП 61)
- вьет.
- (34) *hôm qua tôi miøn*
 день проходить 1SG брат (на время)
anh con dao
 старший брат; 2SG CLF нож
 ‘Вчера я взял у вас нож’ (ППП 61)

Коммуникативная структура вьетнамского предложения и предложения на языке ма – разная. Об этом свидетельствует их асимметричность на морфосинтаксическом уровне – наличие (в предложении на ма) / отсутствие (во вьетнамском предложении) видовых показателей и коррелирующая с этим разная маркировка референциальных статусов объектных ИГ. Во вьетнамском предложении он конкретно-референтный, а в ма – нереферентный (родовой), на это указывает наличие классификатора во вьетнамском и его отсутствие в ма. Конкретно-референтный статус ИГ «нож» во вьетнамском предложении означает, что она – в фокусе. Напротив, родовой статус ИГ в ма говорит о том, что фокус остается на предикате, поэтому предикат имеет аспектуальный показатель. Сдвиг фокуса на референтную ИГ *con dao* ‘нож’ во вьетнамском предложении делает употребление показателя факультативным.

Еще один фактор, имплицитный факультативность показателя совершенности, находим в сложных предложениях с координативными частями. В симметричных координативных клаузах показатель совершенности *lè*, как правило, опускается. В таких случаях вершинные предикаты симметричных клауз просто противопоставляют одно действие другому, они приобретают родовой статус и в актуализаторах не нуждаются.

- (35) *bì* *gən* *sùr* *bəl*
старшая сестра + тот = 3SG велеть PL
khaj *ràw* *làn* *prej* *bəl* <[*khaj*]>
3SG мыть пиала тарелка PL 3SG
lè *cà* *bàr*
делать; CAUS + разбиваться = разбивать два
ləm *ɲàn*
CLF пиала
‘Она велела им вымыть посуду, а они разбили две миски’
(СКД 74)

В следующем предложении¹ во второй и третьей клаузах показатель совершенности *lè* отсутствует по аналогичной причине. Его наличие в первой клаузе объясняется тем, что она не входит в симметрический (координативный) ряд с двумя другими, поэтому на нее это правило не распространяется, но действует другое правило – об употреблении *lè* в предложениях с числительным в реме, о чем говорилось выше.

- (36) *ap* *lè* *gè* *pe* *nəm* *kòn* *sìm*
1SG PRF иметь три CLF CLF птица
par *rò* *dəm* *ne?*
летать + терять = улететь один CLF
dəl hə? *gam* *bàr* *nəm*
сейчас оставаться два CLF
‘У меня было три птицы. Улетела одна, и теперь осталось только две’, вьет. ‘*Tôi có ba con chim, bay mất một con và bây giờ chỉ còn lại hai con*’ (ППП 115)

Заметим, что во второй и третьей клаузах возникает ситуация конфликта стратегий маркирования. Здесь приходят в противоречие два правила: правило о симметричных предикатах, связанных координативной связью, по которому *lè* не должен употребляться, и правило о числительном в реме, по которому *lè* употребляться должен. В данном случае выбирается стратегия маркирования в соответствии с первым правилом.

¹ Строго говоря, в русском анкетном варианте представлено два предложения, однако во вьетнамском диагностическом предложении – одно.

Правило об опущении показателя *lè* работает и в случае, когда вершинные предикаты симметричных координативных клауз идентичны, в этом случае родовое противопоставление несут зависимые компоненты глагольной группы. В следующем предложении – это дополнения.

- (37) *bà thàn fu? bàp [aŋ] pəjwa aŋ*
 от город отец 1SG посылать 1SG
in priə? pəjwa bi aŋ in jə
 DAT деньги посылать старший брат 1SG DAT часы
 ‘Из города отец прислал мне деньги, а брату – часы’ (СКД 128a, C)

Однако показатель совершенности не факультативен, когда у предикатов сложносочиненного предложения вхождение в коммуникативную структуру асимметричное, т.е. когда фокус смещается на один из предикатов. Например:

- (38) *aŋ kəŋ kəl khaj nəm aŋ*
 1SG хотеть помогать 3SG сам 1SG
lè di sut
 PRF PASS раненый
 ‘Я хотел помочь ему, но был ранен’ (ПРП 143a)

Наконец, следует отметить, что показатель *lè* не употребляется в нарративе, т.е. при описании последовательности событий, как в следующем примере:

- (39) *kəŋ dit sin dũ³ it*
 ребенок маленький смотреть один немного
sv bəs ɲə? nìm
 видеть змея кричать плакать
 ‘Мальчик взглянул, увидел змею и вскрикнул’ (ВИД 77)

При аудиозаписи во многих случаях *lè* исчезало. Можно предположить, что это связано не с факультативностью, а с явлением совсем другого рода. Когда информант переводил отдельно взятое предложение, он придавал ему конкретную коммуникативную структуру. При этом он либо правильно считывал коммуникативную структуру диагностического вьетнамского предложения, либо выражал коммуникативную структуру, которая казалась ему наиболее естественной для данного предло-

жения, и аспектуальные показатели принимали в этом непосредственное участие. Аудиозапись происходила в конце рабочего дня: в непрерывном режиме записывалось сразу несколько десятков предложений, которые информант повторял на слух за исследователем, стараясь запомнить их как последовательность слов. Нет ничего странного в том, что при такой процедуре предложение переставало быть актуализированным и актуализаторы пропадали.

Сокращения и условные обозначения

асем.	асемантичный
CLF	классификатор
COMIT	комитатив
DUR	длительный (вид)
IMPS	безличное (местоимение)
INACT	инактив
NMZ	номинализатор
PL	множественное число
POS	принадлежность
PRF	перфектив
SG	единственное число
вьет.	вьетнамский язык
ИГ	именная группа
[]	факультативный элемент
< >	1. элемент, опущенный при аудиозаписи; 2. часть предложения, опущенная в примере
+	в строке глоссирования маркирует границу компонентов в комплексной номинации
=	вводит перевод комплексной номинации

Источники

АТР	анкета «Атрибутивные отношения»
ВИД	анкета «Значения вида и времени»
ПРП	анкета «Простое предложение»
РЕЧ	анкета «Части речи»
СКД	анкета «Сказуемое – дополнение»

Номер после обозначения анкеты указывает на номер в ней рассматриваемого предложения. Буква после номера обозначает дополнительный пример, уточняющий грамматическое явление или значение лексемы исходного предложения. Буква С («спонтанное») указывает на то, что данное предложение было включено по инициативе информанта. Буквой Т после запятой помечается трансформ данного предложения, номером после буквы Т – порядковый номер трансформации.

Литература

1. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968.
2. Плуноян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Вост. лит., 1995.
4. Ун Сокхиенг – Oun Sok Heang. The unfading day. Phnom Penh, 1998.
5. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Императив в языке куллуи ¹

Язык куллуи относится к северной подгруппе индоарийских языков, к группе языков химачали-пахари. Ареал распространения – округ Куллу (Химачал-Прадеш, Индия). Данная работа посвящена категории императива в этом языке и основана на полевых материалах, собранных во время лингвистических экспедиций в д. Наггар (округ Куллу) в ноябре-декабре 2014 и октябре-ноябре 2016 гг.

Императив в языке куллуи на данный момент исследован крайне недостаточно. Из всех имеющихся грамматических описаний куллуи [Diack 1896, Bailey 1908, Grierson 1916, Thakur 1975, Ranganatha 1981, Sharma 2014] категория императива кратко упоминается только в [Bailey 1908, Grierson 1916, Ranganatha 1981], а прохибитивные конструкции не упоминаются ни в одной из работ.

В куллуи императив представлен четырьмя формами: нейтральный императив, императив будущего времени, прохибитив и превентив. Все перечисленные формы представлены в двух числовых формах – формах единственного и множественного числа, формы множественного числа употребляются также в качестве вежливого обращения к единственному слушателю. Особые формы вежливого императива, характерные для многих индийских языков, в куллуи отсутствуют.

Форма нейтрального императива в единственном числе совпадает с основной глагола, а во множественном имеет два варианта с окончаниями *-a* и *-at*. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, оба варианта синонимичны. В частности, это подтверждается сочинительными императивными конструкциями, в которых компоненты могут быть употреблены с двумя разными вариантами окончаний, ср.:

¹ Исследование осуществлялось при частичной финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 16-34-01040 (2016-2018).

- (1) dza:-at hor her-a
 пойти-Imp.Pl и смотреть-Imp.Pl
 ‘*Пойдите и посмотрите*’.

Форма императива будущего времени в единственном числе имеет окончание *-i*, во множественном – *-it*. Такой императив употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть увеличенную временную дистанцию между самим повелением и его исполнением. В частности, императив будущего времени в куллуи обязательно употребляется в полипредикативных конструкциях с временными или условными придаточными. Описание, приведенное в [Ranganatha 1981], в котором форма императива будущего времени единственного числа определяется как форма императива женского рода, полностью опровергается полевыми материалами. Также не подтверждается гипотеза Бейли [Bailey 1908] о том, что окончание *-ēit* маркирует вежливую форму императива.

- (2) esa sa:ɽi be bja d^bja:d̪i
 этот.F.Obl. сари Acc/Dat свадьба день.Loc
 la-it
 надеть-ImpFut.Pl
 ‘*Наденьте это сари в день свадьбы*’.

- (3) agar to-be pata: lag-l-a ta
 если ты-Acc/Dat известие приложиться-Fut.M то
 m̪ibe b^hi des-i
 я.Acc/Dat тоже сказать-ImpFut
 ‘*Если тебе станет известно, то мне тоже скажи*’

Интересен тот факт, что при совпадении конечной гласной основы и первой гласной окончания императива не происходит слияния в одну долгую гласную, наблюдаемого во многих индоарийских языках, ср. *dza:-at* (идти-Imp.Pl), *dzi:-it* (жить-ImpFut.Pl).

Отрицательные формы императива в куллуи представлены формами прохибитива и превентива. Прохибитивные конструкции употребляются тогда, когда речь идет о прекращении уже происходящего действия или о предотвращении ближайшего по времени действия или намерения. Превентивные конструкции употребляются для предотвращения действия в будущем или

предупреждения на будущее. Также именно превентивные конструкции аналогично дистантному императиву употребляются в сложных предложениях с временными или условными придаточными. Отрицательные формы императива в куллуи очень интересны с типологической точки зрения. Изначально они образовывались при помощи прибавления к положительной форме императива прохибитивной частицы *mət*, такие конструкции периодически фиксируются и по сей день, ср.:

- (4) ebe εi-r-ε ghər-a bε mət
сейчас он.Obl-Gen-Obl дом-Obl Acc/Dat NegImp.Sg
dza
идти.Imp
'*He ходи сейчас к нему домой*'

Однако в современном куллуи эти формы вытесняются другими прохибитивными конструкциями, которые образуются при помощи прохибитивных частиц *mət* и *heri* и представляют собой сочетания прохибитивной частицы и имперфектного причастия, согласующегося с субъектом по роду и числу. При этом прежде неизменяемая частица *mət*, родственная запретительной частице хинди *mat*, в куллуи получила переосмысление как императивная форма от несуществующего запретительного глагола ***mətŋa* и реализуется в пяти формах: *mət* (Imp 2Sg) / *məta=mətat* (Imp 2Pl) / *məti* (ImpFut 2Sg) / *mətit* (ImpFut 2Pl), представляя все возможные случаи императивных форм. При этом частицы *mət* и *məta=mətat* употребляются в собственно прохибитивных конструкциях, а соответственно *məti* и *mətit* – в превентивных. Кроме того, есть отдельная превентивная частица *heri*, она интересна тем, что образована путем грамматикализации формы императива будущего времени от глагола *herŋa* 'смотреть'¹ и также согласуется с субъектом по числу – *heri* (2Sg) / *herit* (2Pl), ср.:

¹ Образование прохибитивных конструкций с участием глаголов восприятия, в частности зрения, отмечается во многих типологических исследованиях. Согласно [Гусев, 2005: 64], «глаголы со значением 'смотреть' являются одним из наиболее типичных источников превентивных показателей».

- (4) bħau gon-d-a mət
 малыш плакать-IpfvPtcp-M.Sg NegImp.Sg
 ‘Малыш, не плачь!’
- (6) mũ pitse məta en-d-ε
 я.Obl позади NegImp.Pl прийти-IpfvPtcp-Pl
 ‘Не идите за мной!’
- (7) bən-a be keε məti
 лес-Obl Acc/Dat в.одиночку NegImpFut.Sg
 dza:n-d-a
 ходить-IpfvPtcp-M.Sg
 ‘Не ходи в лес один!’
- (8) mumbe mətit bisar-d-ε
 я.Acc/Dat NegImpFut.Pl забыть-IpfvPtcp-Pl
 ‘Не забывают меня!’
- (9) tuhe eha geI-a koi-be
 вы.Nom этот.F.Obl речь-Obl кто-то-Acc/Dat
 heri das-d-i
 NegImpFut.Sg делать-IpfvPtcp-F.Sg
 ‘Никому не говори этого!’
- (10) agar tuhe raksa b^ha:]-u dər-d-ε
 если вы.Erg привидение видеть-Pst бояться-IpfvPtcp-Pl
 herit
 NegImpFut.Pl
 ‘Если вы увидите привидение, не бойтесь!’

Таким образом, можно с большой вероятностью восстановить последовательность морфологических изменений, произошедших с прохибитивными конструкциями. Скорее всего, сначала конструкция с *heri* образовалась как отдельная специфическая превентивная конструкция. А дальше по аналогии с ней модифицировались и другие формы отрицательного императива, в которых императивная форма основного глагола заменилась на имперфективное причастие и произошло переосмысление частицы *mət* в императивную форму от ***mətnā* с последующим развитием всех возможных императивных форм. Частица *heri* встречается в превентивных конструкциях гораздо чаще, чем *moti*.

В ходе экспедиции 2016 г. было обнаружено, что сходные прохибитивные конструкции (образованные путем присоединения прохибитивных частиц, грамматикализовавшихся от глагола ‘смотреть’, к имперфектной форме причастия) встречаются не только в куллуи, но и в других языках идиома химачали. При этом система императивных конструкций в этих языках может быть устроена по-разному. В частности, подобные конструкции были зафиксированы в нескольких, достаточно отличающихся друг от друга диалектах языка мандеали (в том числе от разных основ – *dekh-*, *her-*). Например, в одном из диалектов – диалекте деревни Ропри региона Саркагхат – превентив не выделяется и есть три равнозначные прохибитивные конструкции: сочетание частицы *mat* и императива, сочетание частицы *mat* и имперфектного деепричастия (согласующегося с субъектом по роду и числу), сочетание частицы *dekha* (грамматикализовавшейся из императива глагола ‘смотреть’ и не имеющей отдельной формы множественного числа) и имперфектного деепричастия (согласующегося с субъектом по роду и числу).

Сокращения и условные обозначения

3	– 3-е лицо
Acc/Dat	– аккузативно-дативный послелог
F	– женский род
Fut	– будущее время
Gen	– генитивная форма
Imp	– императив
ImpFut	– императив будущего времени
Inf	– инфинитив,
IpfvPtcp	– имперфективное причастие
Loc	– локативная форма
M	– мужской род
Neg	– отрицательная частица
NegImp	– прохибитивная частица
NegImpFut	– превентивная частица
Obl	– косвенный падеж
Pst	– прошедшее время
Sg	– единственное число

Литература

1. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. М., 2005.
2. Bailey, T.G. The Languages of the northern Himalayas. Studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. London, 1908.
3. Diack, A.H. The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Gram-matical Structure, with Specimens of the Songs current amongst People, and Glossary. Lahore, 1896.
4. Grierson, G.A. Kulu Group // Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Calcutta, 1916.
5. Ranganatha, M. R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh // *Census of India, 1971. Language monograph* No.7. Delhi, 1981.
6. Thakur, Maulu Ram. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men.* Delhi, 1975.
7. Sharma Dayanand (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnat-mak adhyayan.* New Delhi, 2014.

IV. Полевые лингвистические исследования

©

Е.М. Шуваникова

Институт языкознания РАН (Москва)

Индоарийский язык куллу: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш)¹

Язык куллу принадлежит к западной группе языков пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи и распространен в штате Химачал-Прадеш на севере Индии (в частности, в округе Куллу). На языке куллу говорят около 170 770 человек (по данным переписи населения Индии за 2001 г. [Census of India 2001]). Он имеет несколько вариантов названия: каули, кулуи, кулвали, пахари, пахари-куллу, пхари-кулу, кулу-пахари, кулви, кулу-боли (*Kaulī, Kuḷū, Kulwālī, Pahāṛī, Pahāṛī Kullu, Phārī Kulu, Kulu Pahāṛī, Kulvi, Kulu Boli*). В базе данных по современным языкам мира «Этнолог» [Ethnologue 2017] для обозначения языка куллу используется название *Kullu Pahari*. В переписи населения Индии за 2001 год этот язык обозначен как *Kului*. В современных исследованиях используется вариант куллу (*Kullui*) – производное от современного названия округа Куллу (Kullu district), где этот язык распространен.

Куллу является языком устной коммуникации, не носит статуса официального языка, не преподается в школе, не имеет стандартизированной письменности. К настоящему моменту системного описания языка куллу нет, хотя исследования по отдельным аспектам языка имеются ([Bailey 1908; Grierson 1916; Thakur 1975; Ranganatha 1981; Князева 2013; Saaraswat 2014; Крылова 2016; Мазурова 2016; Ренковская 2016] и др.).

¹ Работа выполнена при частичной поддержке РФНФ, проект № 16-34-01040, «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллу» (рук. Е.М. Шуваникова).

Согласно сведениям, имеющимся в базе данных «Этнолог», язык куллуи относится к живым языкам, не имеющим стандартизированной формы и активно использующимся носителями всех поколений. Согласно Распределительной межгенерационной шкале разрушения Дж. Фишмана, EGIDS (Expanded Intergenerational Disruption Scale [Fishman 1991]), куллуи относится к уровню ба из 10 возможных, что означает следующее: ситуация с языком довольно устойчивая, и он не подвержен тенденциям вымирания или исчезновения.

Иные сведения о статусе витальности языка куллуи представлены в «Атласе ЮНЕСКО по языкам мира, находящимся под угрозой исчезновения» [UNESCO Atlas 2017]. Согласно данным «Атласа», куллуи имеет статус *definitely endangered* – «определенно находящийся под угрозой исчезновения». К таким обычно относят языки, на которых уже не говорят представители младшего поколения носителей.

Как видим, имеющиеся сведения о витальности языка куллуи весьма противоречивы. Возможно, это связано с тем, что материал проведенных исследований был собран в разных регионах распространения языка. Конкретная локализация осуществляемых исследований в этих базах данных не отмечается, сведения предъявляются по языку куллуи в целом. Выводы могут отличаться также и потому, что в основе оценки степени витальности куллуи лежат разные факторы.

Реальную оценку степени витальности языка возможно дать на основе анализа большого объема материала, собранного в полевых условиях по всему ареалу распространения языка. С целью документирования языка куллуи и его последующего описания научная исследовательская группа из Института языкознания РАН и РГГУ осуществила в 2014 и 2016 гг. две лингвистические экспедиции в Куллу (штат Химачал-Прадеш, Индия)¹. Описание социолингвистической ситуации в исследуе-

¹ Экспедиция 2014 года была поддержана Фондом фундаментальных лингвистических исследований (ФФЛИ): проект 2014/2015 г. А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)». Экспедиция 2016 года была осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 16-34-01040 «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи» (рук. Е.М. Шуваникова). Подробнее о целях, задачах и результатах экспедиций см. [Пахари 2017].

мом ареале являлось одной из дополнительных задач экспедиции. В ходе экспедиции было проведено социолингвистическое анкетирование носителей языка куллуи в д. Наггар (район Куллу), что позволяет сделать некоторые выводы о витальности языка в д. Наггар.

Традиционно степень витальности языка связывают, во-первых, с общим объемом употребления данного языка в регионе или сфере общения, а во-вторых, со степенью литературной обработанности языка. Основываясь на данных социолингвистических анкет и методе «включенного наблюдения» (participant observation) – наблюдения за реальной жизнью информантов в естественной для них среде, удалось установить, что в д. Наггар удельный вес употребления куллуи в сфере общения довольно значителен, но вот его литературная обработка вовсе отсутствует.

Среди экстралингвистических факторов, влияющих на витальность языка, обычно выделяют: а) количество говорящих на данном языке (родном или втором) и использование языка младшим поколением; б) уровень функциональной развитости языка; в) наличие письменной традиции; г) наличие стандартного варианта языка; д) внешние социальные факторы: наличие государственных программ поддержки языка и статус языка [Словарь 2006]. По количеству носителей, степени использования языка младшим поколением и уровню функциональной развитости язык куллуи можно отнести к достаточно устойчивому уровню витальности. Однако три других фактора говорят о том, что витальность куллуи все же имеет некоторые риски из-за отсутствия письменной традиции, стандартного варианта языка и каких-либо специальных государственных программ, направленных на развитие языка и поднятие его статуса.

В целом стоит отметить следующее. Во-первых, язык куллуи в д. Наггар используется в повседневном общении представителями *всех* поколений. И хотя активность использования, а также степень владения языком куллуи у представителей младшего поколения несколько ниже, чем у носителей более старшего поколения, считать его «находящимся под угрозой исчезновения» не стоит. Нельзя не отметить, однако, что некоторая тенденция снижения функционального статуса куллуи как языка повседневного общения наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что родители, хотя в детстве

и говорят со своими детьми на куллуи, по достижении ими школьного возраста ориентируют их на изучение хинди и английского (а не куллуи), считая, что знание этих языков откроет им дорогу в будущее. Вероятно, по этой же причине общение детей друг с другом на куллуи в школах не поощряется и учителями (даже на переменах).

Во-вторых, среди представителей старшего поколения заметна тенденция к сокращению функциональных сфер использования языка. В отдельных областях бытового общения (например, на рынке, в социальных учреждениях, в интернет-коммуникации и т.п.) носители предпочитают использовать хинди, а не куллуи. Безусловно, это не означает, что носители не хотят говорить на родном языке. Они просто хотят быть понятыми в том социальном контексте, в котором оказываются. А поскольку государственная языковая политика связана с укреплением роли хинди в качестве официального языка и для носителей разных локальных диалектов он становится связующим языком-посредником, в социальных сферах общения носители куллуи предпочитают сразу переходить на хинди. В результате функциональность употребления родного языка в социальной сфере снижается.

Специальная международная группа экспертов по исчезающим языкам выделила 9 факторов, на основе которых была проанализирована степень витальности языков мира и дана оценка степени угрозы исчезновения около 2500 языков, что было представлено в печатном издании «Атласа ЮНЕСКО» [UNESCO's Atlas 2011, с. 5]:

1. Общее количество носителей языка.
2. Межпоколенческая языковая трансмиссия (передача языка от поколения к поколению).
3. Отношение членов общины к своему языку.
4. Изменения в сфере использования языка.
5. Правительственная и институциональная политика и отношение к языку, включая официальный статус и использование.
6. Тип и качество документирования языка.
7. Приспособляемость к новым сферам употребления и СМИ.
8. Доступность материалов для образования и повышения языковой грамотности.

9. Соотношение носителей языка и общего количества населения.

Анализ витальности языка в исследуемом ареале на основе этих факторов, на наш взгляд, может быть довольно точным, при условии, что он проведен на достаточно большом объеме социолингвистического материала и по всему ареалу распространения языка.

Обстоятельный анализ степени витальности языка куллуи по всем факторам еще предстоит сделать, опираясь на больший объем социолингвистического материала. Суммируя сведения, собранные в ходе полевых лингвистических экспедиций 2014 и 2016 гг., можно сделать предварительный вывод о том, что в целом социолингвистическая ситуация и, в частности, степень витальности куллуи в д. Наггар, где проживают носители языка, является вполне обнадеживающей. На данном этапе язык не подвержен серьезной угрозе исчезновения, хотя и наблюдаются определенные тенденции сокращения сферы его употребления как языка повседневного общения, а также уменьшение активности использования языка представителями младшего поколения. Для многих малых языков Индии, в том числе и для языка куллуи, целенаправленная и последовательная языковая политика государства в отношении малых языков может значительно повлиять на укрепление их витальности.

Литература

1. Князева Е.М. Язык куллуи: общие сведения и лакуны в лингвистическом описании // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2013. С. 149-160.
2. Крылова А.С., Князева Е.М. Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари) // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 125-138.
3. Крылова А.С. Видовременная система куллуи // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»* / Ин-т языкознания РАН. М.: Канцлер, 2016. С. 165-178.

4. Мазурова Ю.В. Система личных и указательных местоимений в куллуи // *Языки дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XII Международной конференции (Москва, 16-17 ноября 2016 г.)*: [сборник статей] / Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Вост. фак-т СПбГУ. М.: Языки Народов Мира, 2016. С. 172-180.
5. *Пахари: индоарийские языки Северной Индии* // [сайт] URL: <http://www.pahari-languages.ru> (дата обращения 18.09.2017).
6. Ренковская Е.А. «Сказано – не сделано»: послелого-маркеры субъекта в модально-деагентивных конструкциях в центральном и западном пахари // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»* / Ин-т языкознания РАН. М.: Канцлер, 2016. С. 243-252.
7. *Словарь социолингвистических терминов* / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. редактор В.Ю. Михальченко; Ин-т языкознания РАН; Российская академия лингвистических наук. М.: 2006.
8. Цоллер К.П. Языки пахари // *Языки мира: Новые индоарийские языки* / Ред. колл. Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков; Ин-т языкознания РАН. М.: Academia, 2011.
9. Bailey T.G. *The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. Royal Asiatic Society. London, 1908.
10. *Census of India 2001* [сайт]. URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/Statement1.aspx (дата обращения 14.02.2017).
11. *Ethnologue: Languages of the World* [сайт]. URL: <http://www.ethnologue.com/language/kfx/20> (дата обращения 14.02.2017).
12. Fishman, J.A. *Reversing language shift*. Clevedon: Multilingual Matters, 1991
13. Grierson G.A. *Linguistic Survey of India*. Vol. IX. Part IV. Calcutta, 1916.
14. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh // *Census of India. 1971. Language monograph № 7*. Delhi, 1981.

15. Saaraswat D. *Encyclopedia of Kuluout (Kullu)*. New Delhi, 2014.
16. Thakur M. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* {Язык пахари с приложением описания куллуи}. Delhi, 1975.
17. *The Peoples Linguistic Survey of India* [сайт]. URL: <http://www.peopleslinguisticsurvey.org> (дата обращения 14.02.2017).
18. *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger* [сайт]. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения 14.02.2017).
19. *UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO, 2011.

**Классификация языков мунда¹
по данным лексикостатистики**

Языки мунда – древнейший языковой пласт Южной Азии. Они принадлежат к австроазиатским языкам и составляют их самую западную ветвь. Языки мунда распространены главным образом на востоке центральной и северной Индии, а также на территории Бангладеш, Непала и Бутана. Предположительно, носители протомунда мигрировали на полуостров Индостан с востока, позже полуостров был заселён носителями дравидийских и индоарийских языков, и языки мунда были вытеснены со значительной части своего ареала. Насчитывается около 20 идиомов мунда.

В наше время носители языков мунда обитают в трёх изолированных ареалах. Подавляющее большинство носителей сосредоточены в северо-западных штатах Западная Бенгалия, Бихар, Джаркханд, на северной границе штата Орисса и на северо-западе Бангладеш. Языки мунда этого ареала можно разделить на две группы. В первую группу, кхервари, входят сантали, единственный к настоящему времени язык мунда, имеющий официальный статус, и другие языки кхервари – мундари, хо, бхумидж, бирхор, тури, асури, кода, корва. Во вторую – языки кхариа и джуанг, расположенные южнее. Второй ареал мунда находится далеко к западу, на юге штата Мадхья-Прадеш и на севере штата Махараштра, здесь распространён язык корку. Третий ареал расположен на юге штата Орисса в округах Корапут и Малкангири и на севере штата Андхра-Прадеш. Это языки сора (савара), джурай, горум (паренги), гутоб (гадаба), бонда (ремо), дидеи (гта[?], гета[?]).

¹ Работа проведена при частичной поддержке фонда РФФИ, проект 17-34-00018 «Социолингвистическое исследование языков корапутских мунда и создание мультимедийного корпуса текстов, иллюстрирующих различные социальные условия бытования языков», рук. Ю.Е. Берёзкин.

Исследователи не сходятся во мнении относительно генеалогической классификации языков мунда. Пинноу в [Pinnow 1959] дал предварительную разбивку на четыре группы:

- 1) восточная подгруппа: языки кхервари
- 2) западная подгруппа: корку с диалектами
- 3) центральная подгруппа: кхариа и джуанг
- 4) южная подгруппа (позже названная «корапутскими мунда»): сора, паренг, ремо, гутоб.

Затем в работе [Pinnow 1963] восточная и западная подгруппы были объединены в северную группу, а центральная и южная – в южную. Этот вариант классификации позже был опубликован в энциклопедии «Британника» Ж. Диффлотом [Diffloth 1974], поэтому стал наиболее популярен под именем ранней классификации Диффлота.

Рис. 1. Карта распространения языков мунда из книги [Pinnow 1959].

Иной вариант классификации был предложен в книге [Zide & Zide 1976]. Здесь отсутствует таксон «корাপутские мунда», южная ветвь делится на три группы: кхария-джуанг, сора-джурай-горум и гутоб-ремо-гета?

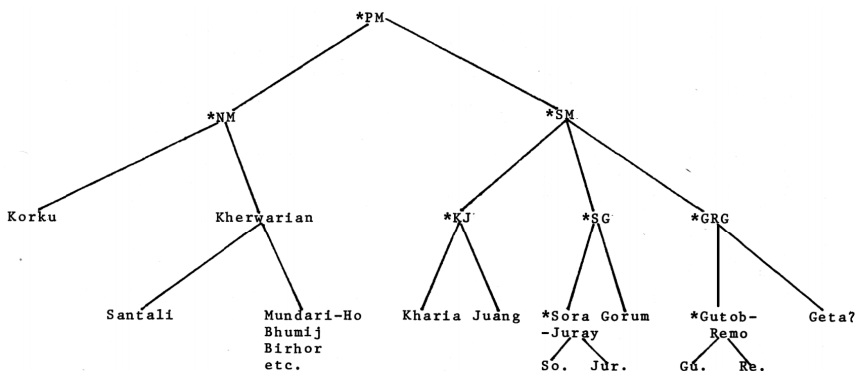

Chart 1

Рис. 2. Классификация языков мунда [Zide & Zide 1976].

В работе [Anderson 2001] представлена классификация Г. Андерсона, по его словам, представляющая собой пересмотр традиционной классификации на основании сопоставления глагольной морфологии. Однако приводимое им дерево точно совпадает с классификацией в работе [Zide & Zide 1976] несмотря на её отсутствие в списке литературы, поэтому здесь можно предположить влияние его учителя и соавтора Н. Зайда.

Классификация И. Пейроса [Пейрос 2004] основана на данных лексикостатистики, полученных при помощи обработки в программе Starling стословных списков Сводеша от восьми языков мунда: сантали, мундари, кхария, джуанг, сора, паренги, бонда и корку. Похожая классификация была дана Ж. Диффлотом в работе [Diffloth 2005]. Диффлот не даёт обоснований своей классификации языков мунда, но судя по тому, что она, за исключением части абсолютных датировок, совпадает с классификацией И. Пейроса, и по обилию в работе И. Пейроса ссылок на личные сообщения Ж. Диффлота, вероятно, она имеет те же основания.

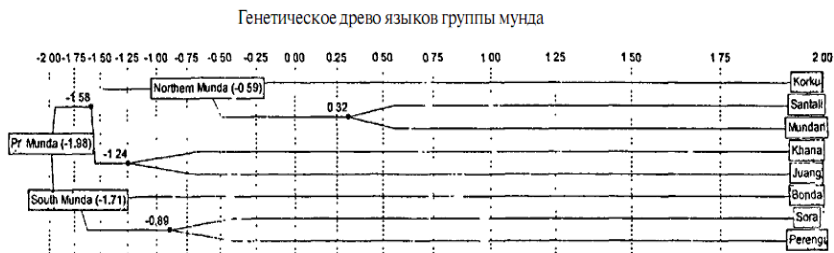

Рис. 3. Генеалогическое древо языков мунда из [Пейрос 2004].

Однако в последние годы неоднократно говорилось о важности проверки исходных данных для получения точных результатов лексикостатистики. Иными словами, следует тщательно подходить к сбору стословных и двухстословных списков. Попытка разработать списки контекстов для анкеты на стословный список была сделана в статье [Kassian, Starostin, Dybo, Chernov 2010]. Анкеты были успешно апробированы автором настоящей статьи в экспедиции в ОриССу в феврале 2016 года. Были собраны 110-словные списки Сводеша от носителей четырёх языков мунда. Список языка сора собирался от четырёх носителей, хо – от двух носителей, бонда и мундари – от одного носителя каждый. Списки собирались с учётом особенностей словоупотребления в разных контекстах, в качестве языка-посредника использовались английский, хинди и, по возможности, ория.

Следует отметить существенные расхождения со списками Пейроса. Этимологические идентификации были проведены на основании работ [Пейрос 2004; Burrow & Emenau 1984; Pinnow 1959; Zide 1982; Turner 1962-1985; Bhattacharya 1966; Donegan & Stampe 2004]. Древо построено стандартным способом в программе Starling.

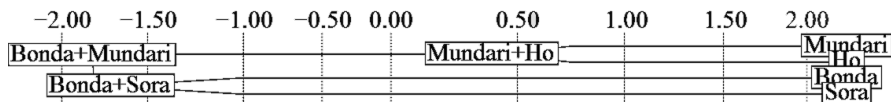

Рис. 4. Генеалогическое древо языков мунда, построенное в программе Старлинг по полевым данным автора

Следует отметить, что полученные результаты в целом выглядят правдоподобно и подтверждают точку зрения И. Пейроса. Распад протомунда на северную и южную группы относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Чуть позже происходит разделение бонда и сора, а мундари и хо (не представленный у И. Пейроса язык группы кхервари) разделяются в середине I тысячелетия н.э. К сожалению, на данный момент нам не удалось получить списков языков, место которых в классификации вызывает существенные разногласия. Работа над пополнением лексикостатистических списков языков мунда ждёт продолжения.

Приложение

Собранные в экспедиции 2016 года 110-словные списки языков мунда с этимологическими идентификациями, распечатанные из программы Старлинг¹

№ 1 *all*: Bonda *gulaj*, *gulajne* 1, Sora *kuddub* 301, Mundari *soben* < IND -1, Ho *saben* < IND -1

№ 2 *ashes*: Bonda *sar* 2, Sora *kúmab* < DRAV -302, Mundari *toroe?* 502, Ho *toro?e* 502, Note: Burrow & Emeneau 1752

№ 3 *bark*: Bonda *čali* < IND -3, Sora *kurraj* 303, Mundari *harta* 303, Ho *harta*: 303, Note: Pinnow 170, 339

№ 3 *bark* Mundari *choka* 503,

№ 4 *belly*: Bonda *pe?* < IND -4, Sora *kəmpúŋ* 304, Mundari *la?i* 504, Ho *lai* 504, Note: Pinnow 207, 248

№ 5 *big*: Bonda *muna?* 5, Sora *su?a* 306, Mundari *maraj* 505, Ho *maraj* 505, Note: Pinnow 330

№ 5 *big* Sora *onla* large 305, Mundari *pura'a* large 506, 506

№ 6 *bird*: Bonda *piri?* < DRAV -6, Sora *ontid* 307, Mundari *čene* 507, Ho *oe* < DRAV -508, Note: Zide 294; Burrow & Emeneau 4154, 1040

№ 7 *bite*: Bonda *čabla* 7, Sora *ɖul* of snake 309, Mundari *hua'a* 509, Ho *hu?e* 509, Note: Pinnow 149

¹ Используемые в Приложении сокращения и условные обозначения см. в конце статьи.

- № 7 *bite* Sora ram 308, Note: Zide 507, 288, 413
- № 8 *black*: Bonda *mire?* 3, Sora *jága*: 310, Mundari *hende* 510, Ho *hende* 510, Note: Pinnow 103
- № 9 *blood*: Bonda *boŋi* 8, Sora *miŋam* 311, Mundari *majam*; *majū* 311, Ho *majom* 311, Note: Pinnow 152
- № 10 *bone*: Bonda *aɾə* < IND -9, Sora *adzaŋ* 2016 312, Mundari *dzaŋ* 312, Ho *dzaŋ* 312, Note: Bhattacharya 32; Pinnow 70, 206, 246
- № 11 *breast*: Bonda *buku* < IND -10, Sora *majoŋ* 313, Mundari *kuɾam* 511, Ho *kuam* 313, Note: Burrow & Emeneau 4704 (?)
- № 11 *breast* Sora *memé*: 302, Mundari *nunu* 512, Ho *nuŋu* 512, Note: Zide 248; Pinnow 92, 252
- № 12 *burn*: Bonda *laga?* 9, Sora *ŋamoŋ* 314, Mundari *lojabu* 513, Ho *urub* (destructive action) < DRAV -701, Note: Pinnow 383, 334; Burrow & Emeneau 656
- № 12 *burn* Ho *dzul* (productive action) 702, Note: Munda M130
- № 13 *cloud*: Bonda *badəl* < IND -11, Sora *tarub* 315, Mundari *rimil*; *rimbil* 315, Ho *rimil* 315, Note: Pinnow 143
- № 14 *cold*: Bonda *šith* < IND -12, Sora *saju* 316, Mundari *thaŋdai* < IND -514, Ho *sa:sa*: 316
- № 14 *cold* Sora *rāŋa*: 317, Mundari *tutkun* 515, Note: Pinnow 224
- № 15 *come*: Bonda *lo* 13, Sora *jir* 318, Mundari *hidzu?abu* 516, Ho *hodzu* 516, Note: Pinnow 258; Zide 485
- № 16 *die*: Bonda *gojanai* 14, Sora *gonde* (respectful) 14, Mundari *godzo?abu*, *goe?* 'kill' 14, Ho *go?e* 14, Note: Pinnow 258
- № 16 *die* Sora *kaŋid* 319, Note: Zide 323, 328, 452, 541, 627
- № 17 *dog*: Bonda *gusu?* 15, Sora *kinsó:d* 15, Mundari *seta* 517, Ho *sita* 517, Note: Pinnow 210; Zide 267
- № 18 *drink*: Bonda *uda?* 16, Sora *ga-*; *ga'a* 320, Mundari *ŋujabu* 512, Ho *ŋu* 512, Note: Zide 439
- № 19 *dry*: Bonda *ɖaɖa aɖata* 17, Sora *asár* 321, Mundari *oro* 518, Ho *ro*: 518, Note: Zide 274
- № 20 *ear*: Bonda *luntur* 18, Sora *lu?u:d* 18, Mundari *lutur* 18, Ho *lutur* 18, Note: Zide 234

№ 21 *earth*: Bonda *kunda* < DRAV -57, Sora *oɾar* (earth as world) 322, Mundari *ote* (as world) 322, Ho *ote* (as world, land) 322, Note: Burrow & Emeneau 1864

№ 21 *earth*: Bonda *tubuk* 12, Sora *purti* (earth as world) < IND -323, Mundari *ari* (land) 323, Ho *hasa* as soil 519, Note: Burrow & Emeneau 3332

№ 21 *earth*: Bonda *maʃi* (soil) < IND -19, Sora *læbo* (land) 324, Mundari *hasa* (soil) 519, Note: Zide 269

№ 21 *earth* Sora *solɖa* (soil) 325

№ 22 *eat*: Bonda *sunto* 22, Sora *dʒum* 22, Mundari *dʒomeabu* 22, Ho *dʒom* 22, Note: Zide 252

№ 23 *egg*: Bonda *untosiŋ* < IND -23, Sora *adresim* < IND -23, Mundari *ʒarom* 520, Ho *dʒarɔm* 520, Note: Zide 283

№ 23 *egg* Mundari *aŋda* < IND -23,

№ 24 *eye*: Bonda *mɔʔ* 24, Sora *mʔo:d* 24, Mundari *med* 24, Ho *med* 24

№ 25 *fat*: Bonda *bos* < IND -25, Sora *kári* 326, Mundari *itil* 521, Ho *itil* 521, Note: Zide 234

№ 25 *fat*: Bonda *gagoɾ* < DRAV -26, Note: Burrow&Emeneau 2146

№ 26 *feather*: Bonda *pokhiʔ* < IND -27, Sora *bálid* 327, Mundari *il* 522, Ho *iël* 522, Note: Burrow & Emeneau 534?

№ 26 *feather*: Bonda *deŋa* 28

№ 27 *fire*: Bonda *suoŋ* 29, Sora *tʔogi* 328, Mundari *seŋgel* 29, Ho *seŋel* 29, Note: Zide 274

№ 28 *fish*: Bonda *aɾɔŋ* 30, Sora *əjo*: 30, Mundari *hai* 30, Ho *haku* (big one) 30, Note: Pinnow 199

№ 28 *fish* Ho *hai* small one 30, Note: Zide 277

№ 29 *fly*: Bonda *toŋ uɾa* < IND -31, Sora *e:ŋ* 329, Mundari *apir* 524, Ho *apir* 524, Note: Kuiper 65

№ 30 *foot*: Bonda *tiksuŋ* 32, Sora *ataljiŋ* 340, Mundari *kaɾa* 525, Ho *talka* 703, Note: Zide 338

№ 31 *full*: Bonda *borthina* < IND -33, Sora *abarij / abri* 341, Mundari *pere* 526

№ 32 *give*: Bonda *berɔ* 34, Sora *tij* 342, Mundari *oŋm* 527, Ho *em* 527, Note: Zide 321; Pinnow 260, 270; Burrow & Emeneau 4422?

№ 33 *go*: Bonda *do* 35, Sora *jir* 343, Mundari *sen* 528, Ho *senʔo* 528, Note: Pinnow 332, 337, 151

№ 33 *go*: Bonda *ondiba* (walk) < DRAV -96, Sora *ña*: (walk) 387, Note: Burrow & Emeneau 973?

№ 33 *go*: Bonda *uriŋi* (walk) 97

№ 34 *good*: Bonda *bani* 36, Sora *báŋsa*: 36, Mundari *bugi*, *bugin* 529, Ho *bugin* 529, Note: Zide 277; Pinnow 203

№ 34 *good* Ho *banie* beautiful 36

№ 35 *green* -6, Sora *kului* 344, Mundari *gaded* 530, Ho *gaded* 530

№ 35 *green* Sora *erdu* 345

№ 36 *hair*: Bonda *lota* 38, Sora *uppir*; *u'u* 346, Mundari *ub* 346, Ho *bale* < IND -531

№ 36 *hair*: Bonda *chendi* 37

№ 36 *hair*: Bonda *rum* < IND -38

№ 37 *hand*: Bonda *tim* 39, Sora *sʔi*: 39, Mundari *ti* 39, Ho *ti* 39, Note: Pinnow 84

№ 38 *head*: Bonda *bobo* 40, Sora *boʔob* 40, Mundari *bo:ʔ*; *boʔoʔ* 40, Ho *boʔoʔ* 40, Note: Zide 360; cf. B1198

№ 39 *hear*: Bonda *sun* -41, Sora *amdán*, *andán* 347, Mundari *ajum* 531, Ho *ajum* 531, Note: Pinnow 122

№ 40 *heart*: Bonda *dzibɔnɔ* < IND -43, Sora *uggar* 348, Mundari *dzi* < IND -41, Ho *dzini* < IND -41, Note: Zide 250

№ 40 *heart*: Bonda *buku* < IND -42

№ 41 *horn*: Bonda *siŋ* < IND -44, Sora *dére:ŋ* 349, Mundari *diriŋ* 349, Ho *diriŋ* 349

№ 42 *I*: Bonda *niŋ* 45, Sora *nen* 45, Mundari *aiñ* 45, Ho *añ* 45

№ 43 *kill*: Bonda *bugho* 46, Sora *kabníd* 350, Mundari *godziabu* 532, Ho *goʔe* 532

№ 44 *knee*: Bonda *maŋdi* 47, Sora *maŋdari* 47, Mundari *mukuři* 47, Ho *mukui* 47

№ 45 *know*: Bonda *janbai* < IND -48, Sora *gálam* 351, Mundari *itu* 532, Ho *čirgel* (knowledge) 704, Note: Zide 291, 550

№ 45 *know* Ho *ada* (acquintance) 705

№ 46 *leaf*: Bonda *ulak*; *ula* 49, Sora *ó:la*: 49, Mundari *sakam* 533, Ho *pata* (small) < IND -6, Note: Zide 246

№ 46 *leaf* Ho *sakam* (big) 533

№ 47 *lie*: Bonda *dunla* 50, Sora *ambuŋ* 352, Mundari *giti?* 534, Ho *baŋi* 706, Note: Pinnow 150, 345?, 380

№ 47 *lie* Sora *lud* 353 Ho *saŋdaŋ* (to lie on one's back) 707

№ 48 *liver*: Bonda *pili* < IND -51, Sora *gáre*; *gre* 354, Mundari *kardza* < IND -6, Ho *da?lai* 708, Note: Zide 250

№ 49 *long*: Bonda *deŋ* 52, Sora *dzali* 356, Mundari *dziliŋ* 354, Ho *saniŋ* 709, Note: Zide 336

№ 50 *louse*: Bonda *okni* (in head) 53, Sora *sjaŋ* (in cloth) 357, Mundari *si* (in head) 51, Ho *madzi* (in clothes) 710

№ 50 *louse*: Bonda *sidal* (in clothes) 51, Sora *i?i* (in head) 51 Ho *siku* in hair 51

№ 51 *man*: Bonda *ɔŋdɔra* < DRAV -54, Sora *oŋermar* 358, Mundari *koɔa* 358, Ho *kowahon* 358, Note: Burrow & Emeneau 990 (?)

№ 52 *many*: Bonda *gulajne* 1, Sora *ateŋ* 359, Mundari *motpura* 535, Ho *esu pure?* 535

№ 52 *many* Ho *esu saŋi* 536

№ 53 *meat*: Bonda *seli* 55, Sora *dzélu* 55, Mundari *dzilu* 55, Ho *dzilu* 55

№ 54 *moon*: Bonda *arke* 56, Sora *aŋgáz*; *aŋaj* 360, Mundari *čandu* < IND -6, Ho *čaŋdu* < IND -6, Note: Zide 244

№ 54 *moon* Mundari *čaunama* < IND -6

№ 55 *mountain*: Bonda *kunda* < DRAV -57, Sora *mundujb̄ir* 361, Mundari *buru*; *maraj buru* 361, Ho *birburu* 361, Note: Burrow & Emeneau 1864

№ 56 *mouth*: Bonda *tumɔ?* 58, Sora *to?o:d* 58, Mundari *moča* 58, Ho a 537, Note: Zide 264

№ 57 *nail*: Bonda *kirim* 59, Sora *akarsi* 362, Mundari *sarsar* 536, Ho *sarsar* (of hand or of animals) 536

№ 57 *nail* Ho *katarama* of foot 59

№ 58 *name*: Bonda *imi* 60, Sora *anim* 60, Mundari *nutum, lutum* 60, Ho *nutum* 60

№ 59 *near*: Bonda *antu* < DRAV -61, Sora *tuja* 363, Mundari *hepaʔd* 514, Ho *dʒapʔa* 711, Note: Burrow & Emeneau 120

№ 60 *neck*: Bonda *gulugu* < IND -61, Sora *sájka*: 364, Mundari *hoʔoʔ* 537, Ho *hoʔo* 537

№ 61 *new*: Bonda *tim* 62, Sora *tamme; tapmẽ* 62, Mundari *nãwa* < IND -6, Ho *nama* < IND -6, Note: Zide 309

№ 62 *night*: Bonda *tumunʒo* 63, Sora *tógal* 63, Mundari *nida* < IND -6, Ho *nide* < IND -6

№ 62 *night* Mundari *nuba* 538

№ 63 *nose*: Bonda *noremiʔ* 64, Sora *mʔu*: 64, Mundari *muʔu*: 64, Ho *muʔe* 64

№ 64 *not*: Bonda *aṅṅra* 65, Sora *idʒa* 65, Mundari *baṅo* 539, Ho *ka* 540

№ 65 *one*: Bonda *mui* 66, Sora *əbói, bʒ* (Z) 365, Mundari *mijod; mod, mojad, mon* 66, Ho *mied* 66, Note: Zide 265

№ 66 *person*: Bonda *remə* 67, Sora *mandra* < IND -6, Mundari *manmi* < IND -6, Ho *ho* (sg), *hoko* (pl) 712

№ 66 *person* Mundari *manwa* < IND -6

№ 67 *rain*: Bonda *dagrug* 68, Sora *gəniur* 366, Mundari *gama* ; *daagama* 540, Ho *gama* 540, Note: Zide 235

№ 68 *red*: Bonda *siye* 69, Sora *dʒʔe* 69, Mundari *araʔ* 541, Ho *dʒiṅa* 69

№ 69 *road*: Bonda *baʔ* < IND -70, Sora *gajlogod* 367, Mundari *hora* 367, Ho *hora* 367

№ 70 *root*: Bonda *bundu* 71, Sora *adʒid* 368, Mundari *red* 368, Ho *red* 368, Note: Zide 338

№ 71 *round*: Bonda *gulai* < IND -6, Sora *terer* < DRAV -6, Mundari *gol* < IND -6, Ho *gul* < IND -6, Note: Zide 487; Burrow & Emeneau 3245

- № 71 *round* Sora *ruṛub* 369 Ho *ḍul* 369
- № 72 *sand*: Bonda *bali* < IND -74, Sora *lakiz* 370, Mundari *gitil* 542, Ho *gitil* 542, Note: Zide 276
- № 73 *say*: Bonda *sutoŋ* 75, Sora *bir* 371, Mundari *dzagar* 543, Ho *dzagar* 543
- № 73 *say* Sora *obliŋ* 372 Ho *kadzɪ* 713
- № 74 *see*: Bonda *suthiŋ* < DRAV -76, Sora *giʔ* 373, Mundari *lel* 544, Ho *nel* 544, Note: Zide 320; Pinnow 179; Burrow & Emeneau 2735
- № 75 *seed*: Bonda *bdzɔŋ* 77, Sora *dzabmol* 77, Mundari *dzaŋ* 77, Ho *dzaŋ* 77
- № 75 *seed* Ho *hitte* (grain) 714
- № 76 *sit*: Bonda *letiŋ* 78, Sora *gob* 374, Mundari *dub* 545, Ho *dub* (sit down) 545
- № 77 *skin*: Bonda *čam* < IND -79, Sora *usá:l* 375, Mundari *ur* 546, Ho *ūr* 546
- № 78 *sleep*: Bonda *lemtiŋ* 79, Sora *dib-mád-da* 79, Mundari *giti* 547, Ho *gitʔi* 547, Note: Zide 278
- № 78 *sleep*: Bonda *nadla* 80
- № 79 *small*: Bonda *giri* 81, Sora *sanna* 376, Mundari *huriŋ* 81, Ho *huriŋ* 81
- № 80 *smoke*: Bonda *suŋ suð* < DRAV -82, Sora *umúd* 376, Mundari *sukul* 548, Ho *mʔo* 376, Note: Burrow & Emeneau 2686
- № 81 *stand*: Bonda *otiŋ* 83, Sora *tánaŋ-* 83, Mundari *tingu*; *tiŋuna* 83, Ho *tiŋu* 83, Note: Zide 280
- № 82 *star*: Bonda *tara* < IND -84, Sora *tuituj* 377, Mundari *ipil* 549, Ho *ipil* 549
- № 83 *stone*: Bonda *pakna* 85, Sora *áre:ŋ* 378, Mundari *diri* 550, Ho *hutub* (large stone) 715
- № 83 *stone* Ho *diri* small stone fit for hand 550
- № 84 *sun*: Bonda *siŋ*; *siũ* 86, Sora *ujuŋ* 86, Mundari *siŋgi* 86, Ho *siŋi* 86

№ 85 *swim*: Bonda *poŋura* < DRAV -8, Sora *tɪdana* (of human or dog) 379, Mundari *ojar*; *ojarabu* 551, Ho *ōjar* 551, Note: Burrow & Emeneau 4471

№ 85 *swim* Sora *eŋdana* (of fish, bird, crocodile, inanimate object or diving human) 380

№ 86 *tail*: Bonda *leñdʒə* < IND -8, Sora *tananla* (of fish, bird, snake) 381, Mundari *čaʔlləm* 552, Ho *čaʔləm* 552

№ 86 *tail* Sora *əlá*: (of mammals) 382, Note: Zide 274

№ 87 *that*: Bonda *seta* 89, Sora *kun* 383, Mundari *hana* (invisible) 383, Ho *ena* 716

№ 87 *that*: Mundari *hina* (visible) 383,

№ 88 *this*: Bonda *eta* 90, Sora *kan* 383, Mundari *huna* 383, Ho *nina* 717

№ 89 *thou*: Bonda *nɔ* 91, Sora *'amən* 384, Mundari *am* 384, Ho *am* 384

№ 90 *tongue*: Bonda *leŋ* 92, Sora *alaŋ* 92, Mundari *leʔ* 92, Ho *lʔe* 92, Note: Zide 241

№ 90 *tongue*: Mundari *alaŋ* 92,

№ 91 *tooth*: Bonda *dat* < IND -9, Sora *dʒʔi* 385, Mundari *data* < IND -6, Ho *ḍaṭa* < IND -6, Note: Zide 231

№ 92 *tree*: Bonda *semu* 94, Sora *arʔa* 386, Mundari *daru* < IND -6, Ho *daru* < IND -6

№ 92 *tree* Ho *upad* (straight and younger tree without much branches, used for construction) 718

№ 93 *two*: Bonda *ombar* 95, Sora *b'a:gu* 95, Mundari *bar* (count); *bariya* (non-personal); *barholo* (personal) 95, Ho *barie* 95

№ 94 *warm*: Bonda *usum* < IND -9, Sora *pañum*; *pañim* 388, Mundari *basan* 554, Ho *urɣum* 719

№ 95 *water*: Bonda *daʔ* 99, Sora *dʔa*: 99, Mundari *dʔa* 99, Ho *dʔa* 99

№ 95 *water*: Bonda *gigeb* 100

№ 96 *we*: Bonda *naj* 101, Sora *əllen* 389, Mundari *aliŋ* (excl dual), *alaŋ* (incl dual), *ale* (excl plural), *abu* (incl plural) 389, Ho *ale* (ex), *abu* (in), *alaŋ* (in 1Sg+2sg) 389

- № 97 *what*: Bonda *ma?* 102, Sora *ité:n* 390, Mundari *kana* < IND -6, Ho *čin?a* 720
- № 98 *white*: Bonda *dobla?* 103, Sora *t?ar* 391, Mundari *phunđi* < IND -6, Ho *punđi* < IND -6, Note: Zide 275
- № 98 *white* Sora *palu* < DRAV -6, Note: Burrow & Emeneau 4096
- № 99 *who*: Bonda *dza* 104, Sora *buten* 392, Mundari *okoe* 555, Ho *okoe* 555
- № 100 *woman*: Bonda *kuni?ram* 105, Sora *insalobojj* 393, Mundari *kuđi* 721, Ho *kuihon* 721
- № 101 *yellow*: Bonda *sajsaj* 106, Sora *sajsa:ŋ* 106, Mundari *sasaj* 106, Ho *sasaj* 106
- № 101 *yellow* Sora *gardur* 394
- № 102 *far*: Bonda *dur* < IND -1, Sora *saŋaj* 395, Mundari *saŋin* 395, Ho *saŋiŋ* 395
- № 103 *heavy*: Bonda *bodʒ* < IND -1, Sora *lagin* 396, Mundari *hambal* 556, Ho *hambal* 556
- № 104 *salt*: Bonda *bithi* 109, Sora *basid* 109, Mundari *buluŋ* 109, Ho *buluŋ* 109, Note: Pinnow 140
- № 105 *short*: Bonda *dou* 110, Sora *dudi* / *duijna* 110, Mundari *huđiŋ* 557, Ho *duŋui* 110, Note: Zide 617
- № 106 *snake*: Bonda *bubu* 111, Sora *j?ad* 397, Mundari *beiŋ* 111, Ho *biŋ* 111, Note: Pinnow 165
- № 107 *thin*: Bonda *liplipa* (2D) 112, Sora *metaŋ* (2D) 398, Mundari *patala* (2D) < IND -6, Ho *etaŋ* (2D) 398
- № 107 *thin*: Bonda *sopul* (1D) 113, Sora *saru* (1D) 399 Ho *batari* (1D) 722
- № 107 *thin*: Bonda *patol* (2D) < IND -100
- № 108 *wind*: Bonda *uida* 114, Sora *raŋgim* 400, Mundari *nana* 558, Ho *hojo* 723
- № 109 *worm*: Bonda *kli* < IND -115, Sora *luđiŋ* 401, Mundari *leŋđan* 401, Ho *bačara* < IND 724
- № 110 *year*: Bonda *boros* < IND -116, Sora *minñum* 402, Mundari *bočor* < IND -6, Ho *sirme* 725

№ 110 year Mundari *sal* < IND -6, Но *boroso* < IND -6

№ 110 year Mundari *boros* < IND -6

Сокращения и условные обозначения.

Совпадение положительных номеров у двух лексем обозначает единство этимологии.

Отрицательный номер означает заимствование.

Помета < IND – индоарийское заимствование.

Помета < DRAV – дравидийское заимствование.

Графа Note содержит отсылку к этимологии в одной из работ [Пейрос 2004; Bhattacharya 1966; Burrow & Emenau 1984; Pinnow 1959; Turner 1962-1966; Zide 1982].

Литература

1. Пейрос И.И. Генетическая классификация австроазиатских языков: автореферат дис. на соискание учёной степени доктора филологических наук: 10.02.20 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2004.
2. Anderson, G. A new classification of South Munda: Evidence from comparative verb morphology // *Indian linguistics*. Journal of the Linguistic Society of India. Vol. 62. № 1. Poona, 2001. P. 27-42.
3. Bhattacharya, S. Some Munda etymologies. // Norman H. Zide (ed.). *Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics*. The Hague: Mouton, 1966. P. 28-40.
4. Burrow, T. & Emeneau, M. *A Dravidian Etymological Dictionary*. 2nd ed. Oxford & New York: Oxford University Press, 1984.
5. Diffloth, G. Austro-Asiatic Languages. *Encyclopaedia Britannica*, Chicago & London & Toronto & Geneva, 1974. P. 480-484.
6. Diffloth, G. The contribution of linguistic palaeontology to the homeland of Austro-asiatic // *The Peopling of East Asia: Putting Together Archaeology, Linguistics and Genetics*. New York & London: Routledge Curzon, 2005. P. 79-82.
7. Donegan, P. & Stampe, D. *Comparative Munda (mostly North)* / Rough draft ed. Stampe, based on Heinz-Jürgen Pinnow's Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache (Wiesbaden: Harrassowitz, 1959) and Ram Dayal Munda's Proto-Kherwarian Phonology, unpublished MA thesis, University of Chicago, 1968. URL:

<http://www.ling.hawaii.edu/austroasiatic/AA/Munda/ETYM/Pinnow&Munda>. Дата обращения: 15.05.2017

8. Kassian, A., Starostin, G., Dybo, A., Chernov, V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationships*. 2010. № 4. P. 46-89.
9. Pinnow, H.J. *Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959.
10. Pinnow, H.J. The position of the Munda languages within the Austroasiatic language family // *Linguistic Comparison in Southeast Asia and the Pacific*. London, 1963. P. 140–152.
11. Sidwell, P. The Austroasiatic central riverine hypothesis // *Journal of Language Relationships*. 2010. № 4. P. 117-134.
12. Turner, R. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London: Oxford University Press, 1962-1966, with 3 supplements 1969-1985.
13. Zide, A. 1982. *A reconstruction of Sora-Juray-Gorum phonology*. Ph. D. thesis. University of Chicago, 1982.
14. Zide, N. & Zide, A. Proto-Munda cultural vocabulary: Evidence for early agriculture // Philip N. Jenner, Laurence C. Thompson, and Stanley Starosta (eds.). *Austroasiatic Studies* (Oceanic Linguistics, Special Publication, No. 13). Vol. II. Part II. Honolulu: University of Hawaii, 1976. P. 295-334.

Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия)¹

1. Языки пахари (классификация А. Грирсона)

Понятие «языки пахари» (от хин. *paḥārī* ‘горный’) объединяет языки и диалекты, распространенные на территории Непала и в Индии к югу от Гималаев в штатах Уттаракханд, Химачал-Прадеш, Джамму и Кашмир. По традиции, идущей от «Обзора языков Индии» («The Linguistic Survey of India») А. Грирсона, языки пахари подразделяются на три группы: западную, центральную и восточную [Grierson 1916, p. 1]. Восточная группа пахари включает в себя палпа, джумли, дотьяли и непальский язык. К центральной группе пахари относятся гархвали и кумари, на которых говорят в индийском штате Уттаракханд. Языки западной группы пахари, о которых идёт речь в данной статье, представляют собой диалектный континуум без чётко выраженного центра, локализованный в штатах Химачал-Прадеш, Уттаракханд и Джамму и Кашмир.

Это деление языков пахари на три группы закрепилось в научной литературе. Однако, по мнению некоторых современных исследователей [Цоллер 2011b, p. 199; Hendriksen 1986, p. 3], эта классификация не имеет под собой лингвистических оснований и отражает лишь существовавшие на тот момент административные границы. Лингвистические описания языков «западной» группы очень немногочисленны, поэтому как для внутренней собственно лингвистической классификации этой группы, так и для установления характера генетических связей с другими индоарийскими языками пока недостаточно материала. Учитывая эти факты, мы предпочитаем рассматривать «западную группу пахари» как отдельное генетическое объединение внутри индоарийских языков и для её наименования использовать

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке РФНФ, грант № 16-34-01040 «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи», рук. Е.М. Князева (Шуванникова).

термин «химачальские диалекты пахари», а также его сокращённые варианты «химачальские пахари» и «химачали», так как основная масса идиомов бытует в штате Химачал-Прадеш. Общий термин «языки пахари» мы используем в чисто географическом смысле, то есть «языки, распространённые в горах».

2. Химачальские диалекты пахари

Число носителей химачальских диалектов пахари («западной группы пахари») составляет более 6 млн человек [Цоллер: 2011b, p. 199]. Эта группа включает в себя, по разным оценкам, от 10 до 60 идиомов, причём ни один из них не имеет официального статуса. Это языки устного общения, не имеющие стандартизованной письменности, они не преподаются в школе, поэтому делить эти идиомы на «языки» и «диалекты» можно только с большой долей условности. Химачали активно используются в качестве средства повседневного общения, являются важным способом передачи устной традиции, и при этом они изучены крайне мало. Грамматические описания отдельных языков немногочисленны и труднодоступны. Даже в основных обобщающих трудах по новым индоарийским языкам идиомы пахари упоминаются лишь в нескольких случаях в связи с отдельными грамматическими явлениями [Masica 1991; Cardona & Jain 2007; Abbi 2001]. Грамматические описания отдельных языков являются редкостью, см. немногие примеры [Eaton 2008; Hendriksen 1986; Цоллер 2011a; Ranganatha 1979; Thakur 1975].

Значительная часть носителей химачальских пахари двуязычна – школьное обучение и официальное общение в учреждениях ведётся на хинди. Многие владеют несколькими вариантами химачали, а также другими индоарийскими языками (панджаби, урду). Население достаточно мобильно, что приводит к частым контактам носителей разных идиомов химачальских пахари. Эти факторы способствуют быстрому изменению идиомов, массовому заимствованию лексики и грамматических конструкций как из хинди, так и между разными диалектами. Изучение этих процессов, описание грамматики и словаря отдельных идиомов по большей части возможно только методами полевой лингвистики.

3. Полевое исследование куллуи и других химачальских диалектов (2014, 2016)

В 2014 и 2016 гг. группа исследователей из Института языкознания РАН и РГГУ проводила в округе Куллу (штат Химачал-Прадеш) полевые исследования куллуи – одного из идиомов химачальских пахари. Основной целью лингвистических экспедиций было описание грамматики и словаря куллуи, а кроме того собирались социолингвистические анкеты, записывались и расшифровывались тексты различной тематики. Во время экспедиции 2016 г. в гор. Куллу проходила Душера (Kullu Dusehra) – индуистский праздник, куда съезжаются жители Химачал-Прадеша и других штатов. Воспользовавшись этим обстоятельством, мы собрали социолингвистическую информацию и записали грамматическую анкету от жителей из разных тахсиллов (районов) округа Куллу, а также из других округов штата Химачал-Прадеш. Это пилотное исследование было необходимо, чтобы понять, насколько велико диалектное разнообразие этого ареала ¹.

4. Особенности полевой работы в Химачал-Прадеше

С лингвистической точки зрения, Химачал-Прадеш, как и Индийский субконтинент в целом, представляет собой диалектный континуум без чёткого разделения на центр и периферию. Поскольку языком официального и наддиалектного общения является хинди – язык, принадлежащий к другой, центральной, подгруппе индоарийских языков, все химачальские диалекты обладают примерно одинаковым статусом и все они подвергаются в последние десятилетия значительному влиянию хинди.

Основной целью нашей полевой работы было описание грамматики куллуи – идиома, распространенного в тахсилах Куллу и Манали округа Куллу. Основными сложностями при сборе материала были сильная вариативность у разных носителей и размытое понятие «нормы» в языке. Для речи носителей куллуи, как, по-видимому, и для других химачальских пахари, характерно сильное варьирование на всех уровнях языка от фонетики и лексики до грамматики. Употребление тех или иных граммати-

¹ Подробнее об экспедициях и собранных материалах можно узнать на сайте проекта (www.pahari-languages.ru).

ческих форм и фонетических вариантов может зависеть не только от индивидуальной диалектной истории носителя, но и от возраста (молодёжь, как правило, употребляет больше заимствований из хинди, а также английского языка), социального статуса и образования. При сборе данных от носителей с низким уровнем образования иногда возникают языковые сложности (недостаточное знание ими хинди).

Для того, чтобы отграничить диалектные явления от других видов вариативности, мы провели дополнительное исследование основных грамматических и фонетических характеристик окружающих диалектов.

5. Уточнение диалектного членения идиомов в округе Куллу

Сведения о составе группы химачальских пахари в имеющихся источниках очень сильно разнятся, и это неудивительно – ведь чётких границ в диалектном континууме не существует. Тем не менее, для того, чтобы описать грамматику какого-либо идиома, необходимо определить предмет описания, а для этого в свою очередь необходимо иметь представление о том, насколько велика разница между ним и соседними идиомами на всех языковых уровнях и где разумно провести границу.

В некоторых современных источниках, например, в [Цоллер 2011b, p. 197], указывается, что куллуи имеет два диалекта – внешний и внутренний сираджи. Видимо, это утверждение идёт ещё от [Bailey 1908, p. 35; Grierson 1916, p. 669], где упоминается также диалект сейнджи.

Для того, чтобы получить некоторое общее представление о степени различия химачальских пахари, в ходе экспедиции 2016 г. были записаны грамматические анкеты от носителей, проживающих в следующих округах штата Химачал-Прадеш: Манди, Чамба, Кангра, Сирмаур, Шимла. Округ Куллу, как основное место полевого исследования на данный момент, рассматривался более подробно. Были записаны анкеты от носителей, проживающих в тахсилах (районах) округа Куллу: Куллу, Манали, Банджар, Сейндж, Ани. Предварительные данные показывают, что существенные фонетические отличия затрудняют взаимопонимание даже между жителями округа Куллу, а идиомы других округов воспринимаются носителями чаще всего как «совсем другой

язык». Кроме того, наблюдаются и многочисленные расхождения в грамматике (формы и употребление падежей, послелогов, генитивная конструкция, личные местоимения, строение и употребление аналитических глагольных форм). Даже на небольшой грамматической анкете ближайшие в географическом плане к области распространения куллу идиомы тахилов Банджар и Сейндж (диалект куллу «внутренний сираджи» в терминологии К. Цоллера) демонстрируют не меньше отличий от куллу, а также между собой, чем мандеали, который, согласно традиционным описаниям, (например, [Ranganatha 1981]), является отдельным языком, так как распространён в соседнем округе.

Предварительно можно сделать вывод, что выделение «диалектов» куллу оправдано только географически – по принципу объединения идиомов, распространенных в одном округе. Несмотря на общую сходную структуру, химачальские диалекты пахари в округе Куллу демонстрируют большое разнообразие на небольшой территории (население округа Куллу составляет около 437 тыс. чел. по переписи 2011 г.). Для их лингвистической классификации необходимо изучить наиболее существенные фонетические и грамматические отличия идиомов, распространённых в этом ареале, и выявить пучки изоглосс.

6. Выводы

Закрепившееся в научной литературе традиционное выделение генетической группы пахари с подразделением ее на три подгруппы (западную, центральную, восточную) было основано на административном делении Индии во времена А. Гирсона. Мы согласны с мнением современных исследователей (К. Цоллер, Х. Хендриксен), что такое членение не имеет лингвистических оснований, поэтому предпочитаем рассматривать «западную группу пахари» в качестве отдельной генетической группы и называть ее «химачальские пахари».

Сильная вариативность у разных носителей и размытое понятие «нормы» в языке осложняют сбор грамматического и лексического материала при полевой работе в условиях диалектного континуума. Для речи носителей куллу, как, по-видимому, и других химачальских пахари, характерно варьирование на всех уровнях языка от фонетики и лексики до грамматики. Употребление тех или иных лексических и грамматических форм

может зависеть не только от индивидуальной диалектной истории носителя, но и от возраста, социального положения, уровня образования и других факторов.

Полевое исследование в округе Куллу показало, что выделение в куллу диалектов «внутренний сираджи» и «внешний сираджи» (Гирсон и др.) не соответствует действительности: разнообразие идиомов, представленное в округе Куллу, гораздо более существенное, при этом разделять идиомы диалектного континуума на «языки» и «диалекты» имеет смысл лишь для каких-то конкретных практических целей: например, для описания грамматики и степени ее варьирования можно выбрать один из идиомов в качестве точки отсчёта, чтобы было удобно сравнивать его с соседними. С социолингвистической точки зрения идиомы имеют примерно одинаковый статус, а с точки зрения лингвистического ландшафта фонетические и грамматические отличия не направлены от центра к периферии (от «языка» к «диалектам»), а наблюдаются более или менее равномерно на всей территории распространения. Перспективным направлением полевых исследований для уточнения лингвистической классификации химачальских диалектов пахари является изучение фонетических и грамматических изоглосс.

Литература

1. *Пахари: индоарийские языки Северной Индии* [электронный ресурс]. URL: www.pahari-languages.ru. Дата обращения: 18.09.2017.
2. Цоллер К.П. Бангани язык // *Языки мира: Новые индоарийские языки*. М.: Academia, 2011(a).
3. Цоллер К.П. Пахари языки // *Языки мира: Новые индоарийские языки*. М.: Academia, 2011(b).
4. *Языки мира: Новые индоарийские языки* / Ред. колл.: Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков; Ин-т языкознания РАН. М.: Academia, 2011.
5. Abbi, A. *A Manual of Linguistic Fieldwork and Structures of Indian Languages*. Muenchen: Lincom Europa, 2001.
6. Bailey, T.G. *The Languages of the northern Himalayas. Studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society, 1908.

7. Cardona G., Jain D. (eds.) *The Indo-Aryan Languages*. London & New York: Routledge, 2007.
8. Eaton R. *Kangri in Context: An Areal Perspective*. PhD. The University of Texas at Arlington, 2008.
9. Grierson, G.A. *The Linguistic Survey of India*. Vol. IX. Part IV. Calcutta, 1916.
10. Hendriksen, H. *Himachali Studies. III. Grammar*. København, 1986.
11. Masica C.P. *The Indo-Aryan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
12. Ranganatha, M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh // *Sensus of India. 1971. Language monograph No.7*. Delhi, 1981.
13. Thakur M.R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* {Язык пахари с приложением описания куллиу}. Delhi, 1975.

У. Литературоведение

©

К.В. Антопян

Институт языкознания РАН (Москва)

Жанр *цзацзуань* в китайской литературе и китайская лексикография

В статье будут рассмотрены китайские литературные произведения жанра *цзацзуань* и, в частности, отражение этого жанра в произведениях японской средневековой литературы – дневниках и эссе, написанных в свободном стиле (так наз. *дзуйхицу* – «следуя кисти», кит. *суйби*). Будут высказаны также некоторые гипотезы о связи жанра *цзацзуань* и традиционной китайской филологии, точнее – лексикографии.

Термин «цзацзуань» состоит из двух компонентов: *цза* ‘пестрый’, ‘разнообразный’ + *цзуань* ‘составлять, компилировать’. Его буквальное значение – «разное», «смесь», «заметки о разном». Цзацзуань, отличающиеся оригинальной литературной формой и особой композиционной организацией, представляют собой очень своеобразный жанр китайской художественной литературы IX–XIX вв.

Впрочем, он никогда не считался жанром «высокой» литературы. Произведения этого жанра никогда не объединялись в общий свод, не учитывались в официальных библиографических изданиях и каталогах, не включались в собрания сочинений их авторов [Циперович 1969, с. 21–23]. Характерно, что термин «цзацзуань» не входит в предметный указатель авторитетного издания [Nienhauser 1986, p. 1032–1050].

Особенность композиции *цзацзуань* состоит в том, что под одним заголовком группируется ряд высказываний: под общую рубрику подводятся очень разнородные, очень разноплановые ситуации, сходные по тому или иному признаку, например, по той реакции, которую они вызывают у человека. Объединяющий признак выражается заголовком. Ср. *цзацзуань*

одного из классиков этого жанра Ли Шан-иня (И-Шаня), жившего в IX веке н.э. Здесь и далее все цзацзуань приводятся по изданию [Цзацзуань 1969].

«Невыносимо:

- лето – толстяку;
- прийти домой и застать жену сердитой;
- находиться в подчинении у взяточника;
- иметь сослуживцев с дурными привычками;
- путешествовать в жару;
- долго беседовать с бесцеремонным человеком;
- мокнуть в лодке под дождем;
- ютиться в сырой и грязной лачуге;
- жить в уезде, где начальник вечно к тебе придирается».

Заголовок синтаксически связан с каждой строкой и только вместе со строкой образует законченную мысль, или изречение. В большинстве случаев имеет место инверсия: заголовок представляет собой суждение о той или иной ситуации, заданной в строке. Таким образом, строка задает тему, а заголовок – рему.

И.Э. Циперович называет заголовок вместе с одной из относящихся к нему строк изречением или афоризмом, а заголовок вместе со всеми относящимися к нему строками – группой цзацзуань [Циперович 1969, с. 4].

Вот еще один пример цзацзуань Ли Шан-иня:

«Очень напоминает:

- столичный чиновник – тыкву: растёт незаметно и быстро;
- нищий учёный – ворона: поёт, когда голоден;
- печать – ребёнка: всегда таскаешь с собой;
- уездный начальник – тигра: чуть шевельнёт лапой – убьёт;
- монахиня – мышь: вечно прячется;
- ласточка – монахию: в одиночку не летает;
- служанка – кошку: где тепло – там приютится».

Строго говоря, жанр цзацзуань – не обязательно юмористический. Так, например, в цзацзуань Ли Шан-иня встречаются дидактические, наставительные цзацзуань, в которых говорится

о том, что следует и чего не следует делать, что прилично и что неприлично, чему следует учить детей и т.п. (ср. такие заголовки, как «Умно», «Неумно», «Глупо», «Непристойно», «Бестактно», «Навязчиво», «Неразумно»; «Наставляйте сыновей», «Наставляйте дочерей», «Десять запретов»).

Однако сама разнородность и разноплановость подводимых под одну рубрику ситуаций порой создает юмористический эффект. Ср. следующий цзацзуань Су Ши (1037–1101):

«Мало приятного:

- ходить в туфлях, которые жмут;
- в жару корпеть на экзаменах;
- быть закованным в цепи;
- в знойный день принимать незнакомых людей;
- жить с ревнивой женой до самых седины».

Для носителей русской культуры более привычны двучленные сравнительные высказывания вида «А подобно В». Так, следующий цзацзуань Сюй Шу-пи (XVII в.):

«Не удержишь:

- цветок, опадающий с ветки;
- красоту женщины»

у нас выглядел бы как «Красота женщины подобна падающему с ветки цветку: её не удержишь».

Как правило, в цзацзуань под одним заголовком объединяется от пяти до десяти афоризмов. Встречаются, однако и малочленные (дву- или даже одночленные) цзацзуань. Они особенно характерны для Сюй Шу-пи. Ср.:

«Не скроешь:

- звук хлопшек за закрытой дверью;
- краску на лице от выпитого вина.

Досадно:

- когда сочинил скверные стихи, а тебя просят почитать.

Боятся, как бы не узнали:

- когда сомнительным путем нажили большие деньги.

Не научишься:

- великодушию.

Уж не приходится бояться:

- коль пошел охотиться на тигра».

Может быть поставлен вопрос: какова в таком случае роль инверсии? Чем построение с инверсией отличается от обычного? Ср. «Когда сомнительным путем нажили большие деньги – бояться, как бы об этом не узнали люди», «Великодушию не научишься», «Коль пошел охотиться на тигра – уж не приходится бояться» (кстати, ср. русск. «Взялся за гуж – не говори, что не дюж» – именно такой порядок, а не «Не говори, что не дюж, коль взялся за гуж»)?

Можно высказать следующее предположение. Вынесение второй (рематической) части высказывания в заголовок и отделение ее от последующего паузой приводят к тому, что читатель непроизвольно начинает сам выстраивать ситуационный ряд: чему не научишься? чего бояться? когда уже не приходится бояться? Таким образом, даже в одночленном цзацзуань имплицитно присутствуют члены, домысливаемые читателем.

Осмелимся сказать, что в любом цзацзуань членов (строк, афоризмов) больше, чем напечатано в книге. Именно потому, что, прочтя заголовок и остановившись, читатель – осознает он это или нет – начинает сам выстраивать соответствующий ряд, подбирать свои ответы на поставленный вопрос. И в ходе чтения и осмысления цзацзуань всегда происходит сопоставление читательских ответов с авторскими. Особенно интересно это делать, когда автора и читателя разделяет очень многое – и прежде всего десять веков времени.

Прослеживается сходство структуры цзацзуань и структуры одного из типов китайских фразеологизмов – так наз. недоговорок-иносказаний (сехоуной); об этом см. нашу работу [Антонян 2007].

Изречения Ли Шан-иня оказали большое влияние на литературу последующих эпох: им подражали, их переписывали, цитировали, образные выражения из них вошли в литературный обиход.

В литературоведении высказывалась мысль, что собрание «Цзацзуань» Ли Шан-иня оказало влияние и на японскую классическую и средневековую литературу, где есть произведения, в определенных своих частях сходные с цзацзуань по литературной форме. Это, в частности, отдельные отрывки из «Запи-

сок у изголовья» знаменитой японской писательницы X–XI вв. Сэй-Сёнагон и «Записок от скуки» известного японского автора XIV в. Кэнко-хоси [Горегляд 1975, с. 336-337].

Приведем некоторые примеры из «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон. Здесь и далее все тексты приводятся по изданию [Сэй-Сёнагон... 1988]; приводится номер раздела, или дана. Некоторые даны мы приводим в сокращении.

«25. То, что наводит уныние

- Собака, которая воеет посреди бела дня.
- Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.
- <...>
- Погонщик, у которого издох бык.
- Комната для родов, где умер ребёнок.
- Жаровня или очаг без огня.
- Учёный высшего звания, у которого рождаются только дочери.
- <...>

26. То, к чему постепенно теряешь рвение

- Каждодневные труды во время поста.
- Приготовление к тому, что ещё не скоро наступит.
- Долгое уединение в храме.

30. То, что дорого как воспоминание

- Засохшие листья мальвы.
- Игрушечная утварь для кукол.
- Вдруг заметишь между страницами книги когда-то положенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.
- В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдёшь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.
- Веер «летучая мышь» – память о прошлом лете».

А вот отрывок из «Записок от скуки» Кэнко-хоси, буддийского монаха XIV в. [Сэй-Сёнагон... 1988, с. 316]:

- «То, что желательно: изучение истинно мудрых сочинений, стихосложения, японских песен, овладение духовыми и струнными инструментами, а также знание обрядов и церемоний. Если человек возьмёт себе это за образец, превосходно.
- Почерк должно иметь не корявый и не беглый; обладая приятным голосом, сразу брать верную ноту; не отказы-

ваться выпить, несмотря на смущение, – это хорошо для мужчины».

Как отмечает И.Э. Циперович, «подобная форма была столь же необычным явлением в японской прозе, как и в китайской, и не удивительно, что для объяснения этого явления японские ученые обратились к цзацзуань Ли Шан-иня, ставя вопрос о возможном его влиянии на Сэй-Сёнагон. Вопрос этот в японском литературоведении до сих пор не разрешен, и в этой связи высказываются самые различные соображения» [Циперович 1969, с. 14-15].

В 1932 г. была опубликована статья японского литературоведа Икэды Кикана, посвященная анализу «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон. Краткое содержание этой статьи приведено в монографии [Горегляд 1975, с. 337-342]. В статье приводится следующая классификация разделов (данов) «Записок»:

1. Классифицирующие записи.

1.1. Посвященные объективным фактам, ср. «Горы», «Моря», «Водопады», «Пруды», «Рынки», «Мосты», «Здания», «Сборники стихов», «Темы стихов».

1.2. Посвященные субъективной духовной сущности, ср. «То, что нельзя сравнивать» (дан 71).

2. Классификация чувств: «примечательное», «очаровательное», «отвратительное».

3. Эссеистические: записи, сделанные в порыве вдохновения.

Рассмотрим более подробно подгруппу 1.1 – «Классифицирующие записи». Приведем (с некоторыми сокращениями) дан 38 «Пруды» [Сэй-Сёнагон... 1988, с. 63-64].

«38. Пруды

- Пруд Кацумата. Пруд Иварэ.
- Пруд Ниэно. Когда я совершала паломничество в храмы Хацусэ, то над ними всё время с шумом вспархивали водяные птицы, это было чудесно.
- Пруд Мидзунаси – «Без воды».
- – Странно, отчего его так называли? – спросила я.
- <...>
- Пруд Сарусава славен тем, что некогда его посетил нарский государь, услышав, что туда бросилась юная дева, служившая ему...

- <...>
- Пруд Саяма. Чудесное имя! Невольно приходит на память песня о водяной траве микури.
- Пруд Коинума – «Пока не любил».
- Пруд Хара – это о нём поётся в песне: «Трав жемчужных не срежай!» Оттого он и кажется прекрасным».

А вот отрывки из дана 66 «Травы»:

«66. Травы

- Аир. Водяной рис.
- Мальва очень красива...
- <...>
- Трава омодака – «высокомерная». Смешно, как подумаешь, с чего она так высоко о себе возомнила!
- <...>
- «Опрометчивая трава» растет на берегу у самой воды. Право, душа за неё не спокойна.
- Трава «безмятежность», – хорошо, что тревоги её уже позади.
- Как жаль мне траву «Смятение сердца»!
- <...>.

А вот еще один классифицирующий дан:

«154. То, что на слух звучит обычно, но выглядит внушительно, если написано китайскими знаками

- Земляника. «Трава-роса». Чертов лотос. Паук. Каштан.
- Ученый старшего звания. Ученый младшего звания, успешно сдавший экзамены. Почетный управитель собственного двора императрицы.
- Горный персик.
- Гречишник, к примеру, пишется двумя иероглифами: «тигр» и «палка». А ведь у тигра такая морда, что мог бы, кажется, обойтись и без палки...»

В тексте «Записок» довольно много (не менее 30) классифицирующих данов. Иногда это просто перечисления примечательных в том или ином отношении объектов (гор, водоёмов, водопадов, храмов и т.д.), а иногда такое перечисление сопровождается кратким комментарием Сэй-Сёнагон – воспоминанием, размышлением, усмешкой... И невольно возникает ощущение недоговорённости: даже если комментария

нет – понятно, что этот объект был упомянут не случайно, что он был чем-то важен для автора...

И здесь мы позволим себе высказать одну гипотезу, касающуюся возможных истоков и жанра цзацзуань как такового, и его японских аналогов. Когда перечитываешь названия классифицирующих данов – «Горы», «Рынки», «Горные пики», «Равнины», «Моря», «Заливы», «Леса», «Буддийские храмы» и т.д., невольно возникает ощущение чего-то знакомого. Это заставляет вспомнить о китайских книгах совсем другого рода – а именно, о китайских словарях. И прежде всего о древнейшем из них – словаре «Эрья» («Приближение к изысканному»), составленном в III в. до н.э. Лексика в этом словаре сгруппирована по тематическому принципу, то есть он представляет собой тезаурус [Гурьян 2014, с. 170-174]. По словам тангутоведа А.П. Терентьева-Катанского, переводчика словаря «Смешанные знаки трех частей мироздания», представленное в «Эрья» членение [лексики] отражало определенную лексико-философскую концепцию соответствующей ойкумены [Терентьев-Катанский & Софронов 2002, с. 17].

Вот названия девятнадцати глав «Эрья» [Гурьян 2014, с. 39-40]:

«1. Толкования. 2. Речи. 3. Поучения. 4. Родство. **5. Жилище.** 6. Утварь. 7. Музыка. 8. Небо. 9. Земля. **10. Холмы.** **11. Горы.** **12. Воды.** **13. Травы.** **14. Деревья.** **15. Насекомые.** 16. Рыбы. 17. Птицы. 18. Звери. 19. Домашние животные».

Жирным шрифтом мы выделили заголовки (названия глав «Эрья»), которые совпадают или почти полностью совпадают с заголовками классифицирующих данов в «Записках» Сэй-Сёнагон. Это «Жилище», «Музыка», «Холмы», «Горы», «Воды», «Травы», «Деревья», «Насекомые», «Птицы». Мы полагаем, что эти совпадения не являются случайными.

Словарь «Эрья» явился основой всей китайской лексикографии. Использованная в нем семантическая классификация лексики легла в основу целого ряда последующих словарей – как словарей семейства «Эрья» («Малый Эрья», «Расширенный Эрья» и др.), так и словарей совершенно другого типа – вплоть до «Словаря современного китайского языка», издаваемого в наши дни Институтом языкознания Академии общественных наук КНР [Young & Peng 2008, p. 72; Гурьян 2014, с. 175-199]. Словарь «Эрья» оказал также огромное воздействие на фило-

логические традиции других народов – в частности, тангутов (словарь «Смешанные знаки [трех частей мироздания]») [Герентьев-Катанский 2002]. И, конечно, на японскую филологическую традицию.

Как отмечается в «Большом японско-русском словаре» под ред. акад. Н.И. Конрада, не без влияния «Эрья» в Японии появилось несколько сот новых (национальных) иероглифов («кокудзи») [БЯРС, с. 462].

В одной из статей, входящих в авторитетное издание [Nienhauser 1986], отмечается несомненное влияние «Эрья» на все последующие китайские словари, в том числе многоязычные, а также на китайские энциклопедии лэйшу [Durrant 1986, p. 315].

В Китае в эпоху Тан, в 837 г., словарь «Эрья» был включен в состав системы канонов (цзин) – философских памятников, которые должен был знать наизусть каждый образованный человек. Словарь «Эрья» – полностью! – выучивался наизусть. В нем была 2091 словарная статья, а покрывал он в общей сложности 4300 иероглифов [Young & Peng 2008, p. 68]. По данным, приводимым В.С. Колоколовым, вклад «Эрья» в иероглифический запас учащегося составлял 928 иероглифов (из 6544) [Колоколов 1977, с. 119].

Была ли Сэй-Сёнагон знакома со словарём «Эрья»? Это вполне вероятно. Она выросла в очень образованной семье. У нее было четыре старших брата. Все они получили классическое для того времени образование. «Молодые аристократы должны были бегло читать и писать по-китайски, знать наизусть многие сочинения конфуцианских классиков и буддийские сутры, знать китайскую и японскую историю и основы законодательства, искусно сочинять стихи и играть на музыкальных инструментах, разбираться в тонкостях придворного этикета» [Горегляд 1975, с. 19].

Вот еще сведения о детстве Сэй-Сёнагон (это придворное прозвище; настоящее имя писательницы неизвестно; ее детское имя – Нагиго): «Расти в семье с богатыми культурными традициями и литературными контактами, да к тому же иметь четырех старших братьев для японской девочки аристократического круга X века означало воспитываться в атмосфере литературных дискуссий, поэтических турниров и упорных занятий китайской классикой, которую мальчики целыми свитками заучивали наизусть. ...этого было достаточно, чтобы и без специального

курса стать высокообразованной по самым строгим «мужским» стандартам того времени. Недаром впоследствии она приводила в смущение хэйанских вельмож великолепным знанием китайской классической литературы...» [там же, с. 98].

Вот что пишет Т.П. Григорьева: «Сколь велики были познания Сёнагон и сколь подвижен ум, если, получив всего лишь ветку сливы с осыпавшимися цветами и с припиской: «Что вы скажете на это?», она дает молниеносный ответ: «Осыпались рано», намекая на китайские стихи, которые тут же начинают скандировать окружающие. Император остался доволен...» [Григорьева 1988, с. 9].

«Как-то императрица решила испытать Сёнагон: «Скажи мне, Сёнагон, каковы сегодня снега на вершине Сянлу?» Ничего не ответив, Сёнагон велела открыть окно и подняла плетёную занавеску. И стало ясно, что ей знакомы стихи великого китайского поэта Бо Цзюй-и (772-846): «Солнце на небе взошло, // А я все лежу на постели, // Холод в башне царит, // Накинул горой одеяла. // Колокол храма Иай // Слышу, склонясь на подушку. // Снег на вершине Сянлу // Вижу, подняв занавеску» [там же, с. 10].

Таким образом, есть все основания полагать, что Сэй-Сёнагон была знакома со словарем «Эрья». И – без всякого сомнения – с ним были знакомы китайские авторы цзацзуань. Напомним, что он был включен в систему конфуцианских канонов (так наз. «Тринадцатиканоние») и подлежал обязательному заучиванию наизусть с 837 г.

А.И. Кобзев, анализируя систему традиционного конфуцианского образования, выделяет у канонов следующие три функции: когнитивную (познавательную), мнемоническую, а также суггестивную – связанную с внушением [Кобзев 1990, с. 45].

Изучение и выучивание наизусть канонов (и в их числе – упомянутого словаря) формировало внутренний стержень личности. Давало в руки инструмент упорядочения пространства – как внешнего, так и внутреннего, ментального. Или, как говорят об этом психологи, эмоционально-личностной сферы.

Осмелимся утверждать, что стремление организовывать и упорядочивать свои знания, да и не только знания, – гораздо шире, своё ментальное пространство, свои чувства, свои воспоминания, свои радости и горести, – не только стремление, но и

навык упорядочивать все это с помощью классификации, а кста-ти, и сам состав классификационных «полочек» – всё это было обусловлено влиянием китайской лексикографии. И в первую очередь – влиянием словаря «Эрья». Это влияние могло быть одним из факторов, обусловивших возникновение такого необычного литературного жанра, как цзацзуань.

Литература

1. Антонян К.В. Китайский юмор: цзацзуань и сехоуяу // *Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма*. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 531-540.
2. БЯРС – *Большой японско-русский словарь*. Под ред. Н.И. Конрада. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
3. Горегляд В.Н. *Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв.* М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1975. 380 с.
4. Григорьева Т.В. Следуя кисти // *Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. Камо-но Тёмэй. Записки из кельи. Кэнко-хоси. Записки от скуки. Классическая японская проза XI-XIV веков*. М.: Художественная литература, 1988. С. 5-22.
5. Гурьян Н.В. *Первый китайский словарь «Эрья». Опыт историко-филологического исследования*. М.: Восточная книга, 2014. 208 с.
6. Кобзев А.И. Каноны как учебники и учебники как каноны в традиционной культуре Китая // *Проблемы школьного учебника. Вып. 19. История школьных учебных книг*. М.: Просвещение, 1990. С. 32-50.
7. Колоколов В.С. Предисловие Го Пу к книге «Эр-я» // *Китай: история, культура и историография*. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977 (248 с.). С. 115-123.
8. *Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. Камо-но Тёмэй. Записки из кельи. Кэнко-хоси. Записки от скуки. Классическая японская проза XI-XIV веков*. М.: Художественная литература, 1988. 479 с.
9. Терентьев-Катанский А.П. & Софронов М.В. *Смешанные знаки [трех частей мироздания]*. М.: Вост. лит., 2002. 240 с.
10. Циперович И.Э. Изречения цзацзуань в собраниях различных авторов // *Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX-XIX вв.* / Отв. ред. Л.З. Эйдлин; Пер., предисл. и примеч. И.Э. Циперович. М.: Наука, 1969. С. 3-23.

11. *Цзацзуань: Изречения китайских писателей IX-XIX вв.* / Отв. ред. Л.З. Эйдлин; Пер., предисл. и примеч. И.Э. Циперович. М.: Наука, 1969. 98 с.
12. Durrant, S. Ching (Classics) // *The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature* / W.H. Nienhauser, Jr. (ed. and compiler). Bloomington: Indiana University Press, 1986. P. 309-316.
13. Nienhauser, W.H., Jr. (ed. and compiler). *The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 1052 pp.
14. Yong, Heming & Peng, Jing. *Chinese Lexicography. A History from 1046 BC to AD 1911*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 458 p.

**Опыт анализа поэзии Го Мо-жо
в контексте его жизненных реалий:
на примере стихотворения
«Цинь фэн цзянь цзя» («秦风蒹葭»)**

Го Мо-жо (郭沫若), второе имя Го Кай-чжэнь (郭開貞 1892–1978), – один из величайших деятелей культуры Китая XX века – поэт, драматург, переводчик, историк, оратор, каллиграф, марксист, коммунист, автор множества научных и художественных трудов, признанных в КНР, но недостаточно глубоко изученных в отечественной синологической науке.

В 1916 г. Го Мо-жо, находясь на учёбе в Японии, встречает свою любовь – японку Сато Томико (яп. 佐藤 富子). В том же 1916 г. Го Мо-жо начинает заниматься поэтическим творчеством [McDougall & Kam 1999, p. 38].

Встреча Го Мо-жо и Сато состоялась в 1916 г. в Японии, где Го Мо-жо находился на учебе, а Сато Томико, исповедовавшая христианство, работала медсестрой в больнице, в которой проходил лечение от туберкулёза друг Го Мо-жо, Чэнь Лунци 陈龙骧, скоропостижно скончался от болезни. Сато Томико стала соболезновать приехавшему за рентгеновскими снимками в больницу Го Мо-жо, они познакомились и решили начать обмениваться письмами.

Вскоре Го Мо-жо уговорил Сато переехать к нему в Окаяму (яп. 岡山市), и в декабре 1917 г. у них родился первый ребёнок. При том, что подобные отношения не одобрялись ни обществом, ни родителями Го и Сато, к 1923 г. у них было уже трое детей.

В апреле 1923 г. Го Мо-жо и Сато вместе с тремя детьми переезжают в Шанхай¹ по причине финансовых трудностей, Сато временно уезжает от Го в Японию, но возвращается к нему, в Шанхай, уже в ноябре [Chen, 2007, с. 19].

¹ В Шанхае Го Мо-жо ещё в 1921 г. основал издательское общество «Творчество» (創造社 *чуанцзаошэ*), вокруг которого сгруппировались китайские поэты того времени.

В 1923 г. издательством «Творчество» (創造社 *чуанцзаошэ*), лидером которого являлся Го Мо-жо, был опубликован сборник 卷耳集 *Цзюаньэр цзи* (集 *цзи* – «сборник»). Название у этого сборника такое же, как у песни 卷耳 *Цзюаньэр* «Мышиные ушки»¹ из антологии 诗经 «Ши Цзин». Песня «Мышиные ушки» – «Цзюаньэр» (卷耳, I, I, 3, полное название «Цай цай цзюаньэр» – «Собираю, собираю мышиные ушки») – входит в подраздел 周南 «Чжоу нань» («Песни [царства] Чжао и [земель] к югу [от него]») первого раздела 國風 «Го фэн» (I, «Нравы царств») антологии «Ши цзин».

В этот цикл, опубликованный в многотомном собрании сочинений Го Мо-жо [郭沫若 1984], входит 40 стихотворений авторства Го Мо-жо, являющихся вариациями на тему произведений из «Ши цзин». В данной статье анализу подвергнуто одно из них под названием 秦风·蒹葭 – 原文 (*Цинь фэн·цзянь цзя – Гофэн*), одноимённое песне из «Ши цзин». Название 秦风·蒹葭 – 原文 *Цинь фэн·цзянь цзя – Гофэн* означает «Зеленый тростник» – (песня/стихотворение из раздела) 原文 *Го фэн* («Нравы / ветры царств»), представленная в подразделе (№ 11) *Цинь фэн* («Песни/стихи царства Цинь»).

В отечественном китаеведном литературоведении прежде не осуществлялся анализ данной вариации Го Мо-жо (см. [Маркова 1961; Федоренко 1953; Федоренко 1955]). Приведем ее текст (цит. по: [郭沫若 1984, с. 198]):

我昨晚一夜没有睡觉，
清早往河边上散步。
水边的芦草依然青青地，
已经凝成霜了，草上的白露。
我的爱人呀，啊！
你明明是住在河那边！我想从上渡头去赶她，
路难走，又太远了。我想从下渡头去赶她，
她又好象站在河当中了—
啊！我的爱人呀！
你毕竟只是个幻影吗？

¹ 卷耳 *цзюаньэр*, букв. «скрученное ухо», – ясколка (церастиум), стелющееся травянистое растение семейства гвоздичных с белыми цветками.

Мы предлагаем для этого стихотворения следующий подстрочный перевод:

Я со вчерашнего вечера всю ночь не спал,
Рано утром пошел на берег реки гулять.
У берега тростник как прежде зеленый,
Уже обратил внимание на то, как
покрылась инеем осенняя роса.
Моя возлюбленная?! Ах!
Ты наверняка живешь на той стороне реки!
Я хочу переправиться [через реку] и догнать её,
Путь трудно преодолеть, к тому же очень далеко.
Я хочу переправиться через реку и догнать её,
Она к тому же, похоже, остановилась посередине реки –
Ах! Моя возлюбленная ли!
Ты в конце концов только лишь фантом?

Внешне стихотворение воспринимается в качестве одной из достаточно многочисленных вариаций, выдержанных в стиле «классической» китайской поэзии, своего рода эксперимента молодого Го Мо-жо, пытавшегося соединить национальные поэтические традиции с новыми для китайской литературы формальными правилами стихосложения (свободный стих «верлибр», от фр. *vers libre*), несмотря на то, что в 1920-е гг. в Китайской Республике господствовала тенденция отказа от классицизма в поэзии как проявления феодализма, ненавистного китайцам той эпохи.

Особое внимание обращает на себя стремление лирического героя «пересечь реку» (кит. 渡 *ду*) для того, чтобы догнать (赶 *гань*) свою возлюбленную, либо супругу 爱人 *айжэнь*. Но она, вероятно, лишь фантом: 幻影 *хуаньин*, – мотив, который мог быть почерпнут из произведений на тему любви простого смертного и небожительницы (神女宓 *Шэнь нюй фу* Сун Юя (宋玉 298-222 гг. до н.э.), а также «Фея реки Ло» – 洛神宓 *Ло шэнь фу* Цао Чжи (曹植 192-232 гг.).

Для максимально детализированного сравнительного анализа песни из *Ши цзин* и одноимённой вариации Го Мо-жо необходимо рассмотреть, помимо этой, уже приведенной вариации, также саму песню и два ее стихотворных перевода: перевод на английский язык, выполненный Джеймсом Леггом (1815-1897),

и перевод на русский язык, выполненный А.А. Штукиным. Все они приводятся ниже.

Оригинальный текст песни:

秦风·蒹葭» - 原文

蒹葭苍苍,白露为霜。
所谓伊人,在水一方。
溯洄从之,道阻且长¹。
溯游从之²,宛在水中央。
蒹葭凄凄³,白露未晞
所谓伊人,在水之湄。
溯洄从之,道阻且跻⁴。
溯游从之,宛在水中坻。
蒹葭采采,白露未已。
所谓伊人⁵,在水之涘。
溯⁶洄从之,道阻⁷且右。
溯游从之,宛在水中沚。

Перевод Дж. Легга:

Reed and rush are dark and green;
As hoarfrost the white dew is seen.
Him, the man I have in mind,
By this water I should find.
Searching, up the stream I haste,
On a long and toilsome quest.
Downwards then I turn, and see!
In the midstream standeth he.
He is there but far removed;
Vain has all my searching proved.
Reed and rush luxuriant rise;
Still undried the white dew lies.
Him, the man I have in mind,
On the stream's edge I should find.

¹从之 *цун чжи* «идти за ним» [Legge 1991, p. 196].

²溯游 *су ю* «идти вниз с потоком» [там же].

³凄 *ци* «собирать» [там же].

⁴跻/ 跻 *ци* «восходящий» [там же].

⁵伊人 *и жэнь* «тот мужчина / человек» [там же].

⁶溯 *су* «идти вверх против течения» [там же].

⁷阻 *цзу* «опасный» [там же].

Upwards first my course I keep,
Though the way is rough and steep.
Downwards then, and what to see?
In the midstream standeth he,
On the islet, far removed; –
Vain has all my searching proved.

Reed and rush grow thick and tall;
Ceases not the dew to fall.
Him, the man I have in mind,
On the stream's bank I should find.
Upwards first I go along,
But the hard path leads me wrong.
Downwards then my steps I turn,
And in midstream him discern,
On the island, far removed; –
Vain has all my searching proved.

[Legge 1991, p. 195-197]

Перевод А.А. Штукина:

Тростники с осокой сини, сини
(I, XI, 4)

Тростники с осокой сини, сини,
Белая роса сгустилась в иней.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Верно, где-нибудь в речной долине.
По реке наверх иду за ним я –
Труден кажется мне путь и длинен;
По теченью я за ним спускаюсь –
Он средь вод – такой далекий ныне.
Синь тростник и зелена осока –
Не обсохли от росы глубокой.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега потока.
По реке наверх иду за ним я –
Путь мой труден, путь лежит высоко;
По теченью я за ним спускаюсь –
Он средь вод на островке далеко.
Блекнет зелень в сини тростниковой.
Белая роса сверкает снова.
Тот, о ком рассказываю вам я,
Где-нибудь у берега речного.
По реке наверх иду за ним я –

Труден путь, я вправо взять готова;
По течению я за ним спускаюсь –
Он средь вод у острова большого.

[Ши цзин 1987, с. 104]

Сопоставляя приведенные тексты, мы можем сделать следующий вывод.

«Цинь фэн цзянь цзя» (秦风蒹葭) Го Мо-жо, действительно, является вариацией на тему песни «Цзяньцзя» (蒹葭) из «Ши цзин», которая приведена выше вместе с ее английским и русским переводами. Однако лирический герой Го Мо-жо – мужчина, мечтающий перебраться (ду 渡) через реку, тогда как героиня «Цзянь цзя» из «Ши цзин» – женщина, которая идет в поисках любимого вдоль речного берега то по течению реки (溯游 су ю), то против течения реки (溯 су). Как показывают исследования китайской поэзии, в лирике на любовные темы река не просто символизировала разлуку влюбленных (супругов), но и служила метафорой трудности их встречи (напр., [Кравцова 2001, с. 141]).

К наиболее ярким проявлениям сходства песни из «Ши цзин» и стихотворения Го Мо-жо относится описание «трудного пути через реку». В «Ши цзин» это 道阻且跻 дао цзу це цзи, у Го Мо-жо это 路难走 лу нань цзо.

В древнекитайском оригинале из «Ши цзин» нет иероглифа 渡 ду. Поэтому можно сделать вывод, что идею «пересечения реки» Го Мо-жо берёт вообще не из стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя», как оно представлено в «Ши цзин».

Поскольку Го Мо-жо пишет именно о «пересечении реки с целью догнать «фантом» [его] супруги/возлюбленной айжэнь 爱人, – есть основания полагать, что Го Мо-жо имеет в виду Сато Томико, с которой он на период, по крайней мере, публикации данной вариации, скорее всего, временно в разлуке. «你明明是住在河那边!» («Ты наверняка живешь на той стороне реки!») – пишет Го Мо-жо в изучаемой вариации.

Однако же предисловие к сборнику «Мышиные ушки» было написано Го Мо-жо ещё 14 августа 1922 г. [郭沫若 1984, с. 158]. Сам же сборник вышел в свет примерно летом 1923 г., и доподлинно не известно, сочинил ли вариацию «Цзянь цзя» Го Мо-жо, находясь в разлуке с Сато или в другое время, поскольку сама вариация точно не датирована ни в одном источнике. Но в контексте содержания вариации и в результате её анализа нам

представляется вполне обоснованным полагать, что в «Цзянь цзя» Го Мо-жо нашли отражение его жизненные реалии, его меланхолический характер, а также волнения от постоянных переездов между Японией и Китаем с его любимой Сато Томико и детьми.

В.М. Алексеев пишет: «В китайской поэзии классического типа (*ши* 詩) нет ни намека на страстную любовь, составляющую основную тему всех других поэзий. Но есть, так сказать, строгая любовь мужа к жене и жены к мужу, выражающаяся в тоске по отсутствующему супругу, по временно нарушенной, но крепкой и незыблемой связи...» [Алексеев 2002, с. 313]. Есть основания полагать, что как раз об этой нарушенной связи с возлюбленной, Сато Томико, пишет Го Мо-жо в своей вариации.

Таким образом, исследованное стихотворение Го Мо-жо с большой вероятностью было посвящено его возлюбленной, Сато Томико, и является образцом поэзии по мотивам древнекитайской литературы, основанным на песне из «Ши цзин», что указывает на консервативность взглядов Го Мо-жо относительно поэтического творчества в начале 1920-х гг.

Литература

1. Алексеев В.М. *Труды по китайской литературе*. Т. 1. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.
2. Кравцова М. Е. *Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины 5 – начала 6 века*. СПб.: Наука, 2001. 407 с.
3. Маркова С.Д. *Поэтическое творчество Го Мо-жо*. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 98 с.
4. Федоренко Н.Т. *Го Мо-жо. Избранное*. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953.
5. Федоренко Н.Т. *Го Мо-жо*. М.: Изд-во Вост. лит., 1955. 466 с.
6. Цао Чжи. *Фея реки Ло* / Сост. Р.В. Грищенко; пред. Л.Е. Черкасский. СПб: Кристалл, 2000. 255 с.
7. *Ши цзин: Книга песен и гимнов* / Пер. с кит. А.А. Штукина, ред. Н.Т. Федоренко. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
8. Chen, Xiaoming. *From the May Fourth Movement to Communist Revolution*. New York: State University of New York, 2007. 151 p.

9. Legge, James, trans. *The Chinese Classics. Vol. IV. The She King, or The Book of Poetry*. 2nd edn. Rpt. Taipei: Southern Materials Center Publishing Inc., 1991. 785 p.
10. McDougall, Bonnie S. & Louie, Kam. *The Literature of China in the Twentieth Century*. London: C. Hurst & Co. Publishers, 1999. 504 p.
11. 郭沫若全集 [Го Мо-жо цюаньцзи {Го Мо-жо. Полное собрание сочинений}]. Т. 5. 北京: 人民文學出版社 [Пекин: Жэньминь вэньсюэ чу-баньшэ], 1984. 453 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Аннотации

Шаляпина З.М. *Исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН*

В статье указываются языки Южной и Юго-Восточной Азии, исследуемые или ранее исследовавшиеся в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, называются сотрудники Отдела, выполнявшие (выполняющие) такие исследования, и кратко характеризуются основные направления и результаты их научной деятельности в этой области.

Ключевые слова: языки Южной и Юго-Восточной Азии; история отечественной востоковедной лингвистики; персоналии

Шаляпина З.М. *Выборочная библиография по языкам Южной и Юго-Восточной Азии, исследуемым в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН*

В библиографию включены работы по языкам Южной и Юго-Восточной Азии, которые опубликованы или подготовлены сотрудниками Отдела языков народов Азии и Африки ИВ РАН в период их работы в Отделе и при этом либо не учтены в имеющихся сводных библиографических и биобиблиографических справочниках, либо для сведений, указанных для них в этих справочниках, возможны уточнения.

Ключевые слова: библиография; языки Южной и Юго-Восточной Азии

Еловков Д.И. *Номинация в кхмерском языке*

В статье описываются семантические типы номинации в кхмерском языке. По объему значения и сочетаемости рассматриваемых единиц выделяется семь таких типов, от лексики с широким значением до узкоспецифичных связанных определений.

Ключевые слова: кхмерский язык, лексическая семантика, лексическая сочетаемость, объем значения

Смирнитская А.А. *Sinnparān* и *uncle*: семантическое развитие в дравидийской и индоевропейской терминологии родства

Статья посвящена сопоставлению семантики терминологии родства в дравидийских и индоевропейских языках. Использование методологии «семантических переходов» позволяет проследить динамику изменения значений терминов, начиная от праязыкового состояния, а также рассмотреть синхронную полисемию как источник диахронической эволюции. Основное внимание уделяется терминам, обозначающим боковые ветви родства (значения ‘дядя’, ‘тетя’).

Ключевые слова: семантика, семантическая типология, термины родства, дравидийские языки, индоевропейские языки, тамильский язык.

Андреева В.А. *Займствованные фразеологические единицы вьетнамского языка*

Статья посвящена заимствованным идиомам, пословицам и поговоркам вьетнамского языка. В зависимости от происхождения фразеологические единицы во вьетнамском языке делятся на две группы: исконно вьетнамские и заимствованные (из китайского языка и индоевропейских языков). Среди заимствованных из китайского языка идиом, пословиц и поговорок могут быть выделены три основные подгруппы: ханвьетские фразеологизмы, заимствованные из китайского языка в неизменном виде; вьетнамизированные ханвьетские заимствования; калькированные (переведенные) китайские фразеологизмы. В статье рассматриваются особенности этих трех типов заимствованных фразеологических единиц.

Ключевые слова: вьетнамский язык, заимствованные фразеологические единицы, ханвьетские фразеологизмы, вьетнамизированные ханвьетские идиомы, фразеологические кальки

Ветров П.П. *Фразео-лексическая сочетаемость и конструктивная обусловленность воспроизводства фразеологизмов-идиом в речи (на материале современного китайского языка)*

Фразеологические единицы современного общенационального китайского языка весьма многочисленны, и каждая из них обладает свойственным только ей набором тех специфических свойств в области фразео-лексической комбинаторики и синтаксиса, которые делают возможным её реализацию в речи. В статье рассматриваются те внутрilingвистические факторы, которые обуславливают речевое воспроизведение фразеологических единиц и в частности – идиом. Особое внимание уделяется понятию «конструкционного профиля» идиомы, связанному с её избирательной совместимостью с определенными типами синтаксических структур. Подчеркивается, что грамматика идиом достаточно специфична и в общем описании языка ей должно отводиться особое место.

Ключевые слова: Общенациональный китайский язык; фразеологическая единица; идиома; интралингвистические факторы воспроизводства идиом в речи; сценарий; лексическая валентность идиомы; синтаксические свойства идиом; конструкционный профиль идиом; грамматика идиом.

Дудченко Г.Б. *Новые слова в виде транскрибированных заимствований в китайском языке*

Статья посвящена тому, как появление неологизмов в китайском языке связано с относительно новым явлением в его лексическом составе – фонетическими заимствованиями. На ряде примеров отмечено, насколько широко представлены в языке слова, образованные при помощи транскрибирующих иероглифов. Выделены критерии отнесения подобных слов к неологизмам. Показаны особенности словообразования в китайском языке с применением транскрипций как имен собственных, так и нарицательных.

Ключевые слова: китайский язык, неологизмы, лексические заимствования, транскрипция, словообразование

Комарова И.Н. *Глагол в грамматической системе тибетского языка.*

В статье рассматривается образование глагольных форм в современном тибетском языке. Выделяются такие категории тибетского глагола, как наклонение, время, вид, лицо, переходность/непереходность, контролируемость/неконтролируемость действия, очевидность/неочевидность действия. На примерах демонстрируется, что образование каждой глагольной формы связано со взаимодействием многих факторов, включая семантику глагола, тип основы глагола, взаимоотношение различных глагольных категорий. В целом тибетский глагол обладает типологическими чертами, свойственными агглютинативным, изолирующим и флективным языкам, причем с последними его сближает, в частности, такая специфическая особенность, как внутренняя флексия.

Ключевые слова: тибетский язык, глагол, спряжение, формобразование, чередование, тоны

Крамарова С.Г. *Средства оформления категории определенности имени существительного в балийском языке*

Статья посвящена одной из универсальных категорий языка – категории определенности/неопределенности. Балийский язык относится к языкам с биполярной оппозицией, в которых категория определенности оформляется с помощью артикля. Помимо основного существуют и другие средства оформления данной категории, среди которых выделяются указательные местоимения.

Ключевые слова: балийский язык, категория определенности/неопределенности, средства оформления, определенный артикль, указательные местоимения

Погибенко Т.Г. *Аспекты факультативности видовременных показателей в изолирующем языке (на примере языка ма)*

В статье рассматриваются аспекты функционирования показателей вида и времени в изолирующих языках, связанные с их факультативностью, на материале языка ма (бахнарическая группа мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков). Делается вывод, что актуализирующая функция видовременных показателей является

фактором, обуславливающим их факультативность, однако она связана не только с актуализацией во времени и/или по отношению к другим ситуациям. В сферу актуализации могут попадать и другие компоненты высказывания. Факультативность видовременных показателей регулируется не на семантическом уровне, а на коммуникативном.

Ключевые слова: изолирующие языки, австроазиатские языки, полые исследования, факультативность грамматических показателей, семантика, прагматика, коммуникативная структура высказывания.

Ренковская Е.А. *Императив в куллуи*

Работа посвящена категории императива в куллуи. Из всех имеющих на данный момент грамматических описаний куллуи категория императива кратко упоминается только в трех работах, а прохибитивные конструкции не упоминаются ни в одной из них. В данной работе описаны все четыре императивных конструкции, имеющиеся в куллуи: нейтральный императив, императив будущего времени, прохибитив и превентив.

Ключевые слова: язык куллуи, императив, дистантный императив, прохибитив, превентив, грамматикализация

Шуванникова Е.М. *Индоарийский язык куллуи: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш)*

В статье анализируется степень витальности языка куллуи в д. Наггар (район Куллу, штат Химачал-Прадеш, Индия). Делается вывод о том, что на данном этапе язык не подвержен серьезной угрозе исчезновения, хотя наблюдаются определенные тенденции сокращения сферы его употребления как языка повседневного общения, а также уменьшения активности его использования представителями младшего поколения.

Ключевые слова: язык куллуи, витальность, языки пахари, социолингвистическая ситуация

Крылова А.С. *Классификация языков мунда по данным лексикостатистики*

Статья посвящена генеалогической классификации языков мунда. Автор перечисляет существующие классификации и приводит 110-словные списки Сводеша для языков хо, мундари, бонда и сора, основанные на собственных полевых данных 2016 года. Дерево, построенное по новым спискам в программе Старлинг, подтверждает классификацию и датировки И. Пейроса.

Ключевые слова: языки мунда, лексикостатистика, полевая лингвистика, генеалогическая классификация

Мазурова Ю.В. *Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия)*

Статья посвящена некоторым результатам лингвистической экспедиции в округ Куллу (штат Химачал-Прадеш, Индия) в 2016 году. Обсуждаются особенности полевой работы в этом ареале. Собранные материалы позволяют пролить свет на характер и степень диалектного разнообразия в округе Куллу, а также уточнить сложившуюся в научной литературе классификацию химачальских диалектов.

Ключевые слова: индоарийские языки, куллуи, западные пахари, химачальские пахари, полевые исследования

Антонян К.В. *Жанр цзацзуань в китайской литературе и китайская лексикография*

В работе рассматриваются китайские литературные произведения жанра *цзацзуань*, который оказал влияние и на японскую классическую литературу. Мы рассматриваем взаимосвязь этого жанра с традиционной китайской лексикографией и в частности со словарем «Эрья», включенным во времена династии Тан в число конфуцианских канонов, обязательных для заучивания наизусть. Это способствовало формированию определенного – классифицирующего – склада мышления, что и могло стать одним из факторов, обусловивших появление такого необычного жанра, как *цзацзуань*.

Ключевые слова: китайская литература, жанр «цзацзуань», японская литература, жанр «дзуйхицу», китайская лексикография, словарь «Эрья»

Андросенко Р.А. *Опыт анализа поэзии Го Мо-жо в контексте его жизненных реалий: на примере стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя» (秦风蒹葭)*

Го Мо-жо (1892-1978) является выдающимся китайским учёным, драматургом, историком, оратором, каллиграфом, поэтом, чьи труды имеют большое значение для китайской культуры в целом. Однако поэтический сборник авторства Го Мо-жо, «Цзюаньэр цзи (卷耳集 «Мышиные ушки»)» (1923) до сих пор почти неизвестен русским синологам. В настоящей статье дается общее описание этого сборника и детальный анализ входящего в него стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя» (秦风蒹葭 «Песня царства Цинь, Тростник»). Стихотворение рассматривается в контексте китайской поэтической традиции, а также с учетом биографических сведений о поэте.

Ключевые слова: литературоведение, китайская поэзия, Го Мо-жо

2. Summaries

Shalyapina Z.M. *Research on South and South-East Asian Languages at the Department of Asian and African Languages of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences).*

The paper specifies the South and South-East Asian languages studied, now or earlier, at the Department of the Asian and African languages of the Institute of Oriental Studies (RAS); names the researchers of the Department engaged in such studies; and briefly describes the main directions and results of their scientific efforts in this area.

Keywords: languages of Southern and South-Eastern Asia; history of Russian oriental linguistics; personalia

Shalyapina Z.M. *Selected Bibliography on South and South-East Asian Languages Studied at the Department of Asian and African Languages of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences).*

The bibliography includes selected papers on South and South-East Asian languages published or prepared by the researchers of the Department of Asian and African languages of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of sciences while they worked at the Department. The papers selected are limited to those that have either been left out of the existing general bibliographic and biobibliographic indexes, or the data given in these is open to refinement or correction.

Keywords: bibliography; South and South-East Asian languages

Yelovkov D.I. *On Some Features of Nomination in Khmer*

The paper gives an overview of nomination in Khmer. Seven types of lexical meanings are distinguished based on their scope and on the words' collocation, from vague abstract nouns to specific modifiers limited to a particular fixed expression.

Keywords: Khmer language, lexical semantics, scope of meaning, collocation

Smirnitskaya A.A. *Cinnappān and Uncle: Kinship Terms in Dravidian and Indo-European Languages*

This paper compares the semantics of kinship terms in Dravidian and Indo-European languages. Using the “semantic shifts” method, we trace the diachronic development of these terms’ meanings in the languages under consideration. Attention is also given to the synchronous structure of the terms’ polysemy as the origin of their diachronic evolution. The primary focus is on the collateral kinship terms “uncle” and “aunt”.

Keywords: semantics, semantic typology, kinship terms, Dravidian languages, Indo-European languages, Tamil.

Andreeva V.A. *The Borrowed Phraseological Units in Vietnamese*

The paper deals with the borrowed idioms, proverbs and sayings in Vietnamese. According to their origin all phraseological units in Vietnamese may be divided into two big groups: native (authentic Vietnamese) and borrowed (from Chinese and Indo-European languages). The idioms, proverbs and sayings borrowed from Chinese can be classified into three types: original Sino-Vietnamese idioms that are directly borrowed and retain their original Chinese form; Vietnamized Sino-Vietnamese idioms; calques (loan translations) from Chinese. The paper analyses these three types of phraseological units.

Keywords: Vietnamese language, borrowed phraseological units, Sino-Vietnamese idioms, Vietnamized Sino-Vietnamese idioms, phraseological calques

Vetrov P.P. *Phraseo-lexicological and Phraseo-syntactical Properties of Idioms as Basic Intralinguistic Factors Regulating Their Reproducibility in Speech (as Observed in Mandarin Chinese /Putonghua/)*

Modern Mandarin Chinese features very numerous phraseological units, or idioms, each of them having specific lexical combinability and specific syntactic properties that license its realization in speech. The present paper considers the intralinguistic factors that influence the idioms’ speech reproducibility. Special attention is paid to the so-called “constructional profile” of the idiom, determining syntactic restrictions on its compatibility with certain types of sentence structures. The idioms’ grammatical behaviour being often irregular, it is emphasized that the

general language description should comprise a grammar of idioms as its important part.

Key words: Mandarin Chinese; phraseological unit; idiom; intralinguistic factors of idioms' reproducibility in speech; scenario; lexical valency of idiom; idioms'syntactic properties; constructional profile of the idiom; grammar of idioms.

Dudchenko G.B. *New Words in the Form of Transcribed Borrowings in Chinese*

The paper discusses the connections between the appearance of neologisms in the Chinese language and a relatively new phenomenon in its vocabulary – phonetic borrowings. Several examples are given to show how common are in the contemporary language words formed by phonetically used characters. The author also suggests criteria for classifying such words as neologisms and shows the specific features of Chinese word formation when it involves transcription of proper names and common nouns.

Keywords: Chinese, neologisms, lexical borrowings, transcription, word formation

Komarova I.N. *Verb in Tibetan grammar*

The paper gives a detailed description of the system of verbal conjugation in Tibetan, covering: 1) person (first person/non-first person); 2) tense (present/past/future); 3) modality (indicative/imperative); 4) transitivity/intransitivity; 5) evidentiality/non-evidentiality; 6) volition/non-volition; 7) aspect (resultative, frequentative and continuative). Examples are given to show that formation of each verbal form involves many factors including verbal semantics, type of the verbal root, interaction of various verbal categories. On the whole, the Tibetan verb manifests typological characteristics of both agglutinative, isolating, and inflexional languages, being drawn closer to the latter, among other features, by inner inflection.

Keywords: Tibetan language, verbal inflection, conjugation, morphology, tone

Kramarova S.G. *Definiteness Marking in Balinese*

This paper presents an overview of one of the universal categories of natural language, that of definiteness/indefiniteness, as it is manifested in

Balinese. Balinese has a bipolar opposition, with article as a means of definiteness marking. There are also other means of definiteness marking in this language, of great interest among them being demonstrative pronouns.

Keywords: Balinese language, the category of definiteness / indefiniteness, marking, definite article, demonstrative pronouns.

Pogibenko T.G. *Some Factors in the Optionality of Tense-aspect Markers in Isolating Languages (as observed in the Ma language)*

This article explores the non-obligatory nature of tense-aspect markers in isolating languages, using field data of the Ma language. It is maintained that the actualizing function of tense-aspect markers is the factor that determines their presence/absence in an utterance. However actualization in time or in respect to other situations is not the only type of actualization possible. Some other components of the utterance can come within the scope of actualization, thereby triggering the non-obligatory usage of tense-aspect markers. The presence/absence of tense-aspect markers is governed by pragmatics and the information structure of the utterance, rather than semantics.

Keywords: isolating languages, austroasiatic languages, field linguistics, non-obligatory nature of grammatical markers, semantics, pragmatics, information structure.

Renkovskaya E.A. *Imperative in Kullui*

The paper discusses imperative constructions in the Kullui language. Imperative in Kullui has not been properly described in any of the previous works on Kullui grammar. In this paper, four types of imperative constructions in Kullui are analyzed, i.e., imperative, distant imperative, prohibitive, and preventive constructions.

Keywords: Kullui language, imperative, distant imperative, prohibitive, preventive, grammaticalization

Shuvannikova E.M. *The Indo-Aryan Kullui language: degree of vitality (India, Himachal-Pradesh).*

The paper analyzes the vitality of the Kullui language in Naggar Village (Kullu region, Himachal Pradesh, India). The author comes to the conclusion that at this stage of its development the language is not subject to

any serious threat of extinction, although there is a certain trend towards a reduction of the scope of its usage as a language of everyday communication, as well as towards a decrease in its active usage by the younger generation.

Keywords: Kullui language, language vitality, Pahari languages, sociolinguistic situation

Krylova A.S. *Genealogical classification of the Munda languages based on lexicostatistical data*

The subject of the paper is the genealogical classification of the Munda languages. The author gives an overview of the existing classifications and presents Swadesh's 110-word lists for Ho, Mundari, Sora, and Bonda based on her field research data obtained in 2016. The genealogical tree produced by Starling software on the basis of the new lists verifies the classification and dating by I. Peiros.

Keywords: Munda languages, lexicostatistics, field linguistics, genealogical classification.

Mazurova Yu. *Fieldwork in Himachali Pahari dialects (Northern India)*

The paper presents the results of the linguistic expedition to the Kullu district (Himachal Pradesh, India) in 2016. The details of the linguistic fieldwork in the region are discussed. The data gathered in the course of the expedition allows to clarify the specifics of the dialectal continuum of the Kullu district and the traditional classification of the Himachali dialects.

Keywords: Indo-Aryan languages, Kullui, Western Pahari, Himachali Pahari, fieldwork

Antonyan K.V. *Genre "zazuan" in Chinese Literature and its Links with Chinese Lexicography*

The object of the study is *zazuan* ("miscellaneous editings") – a national-specific genre of Chinese literature. This genre produced a certain influence on Japanese literature. Passages that are structurally very similar to *zazuan* can be found in works belonging to the genre *zuihitsu* – "following the brush". This paper hypothesizes that one of the factors that might have led to the formation of such a genre as *zazuan* was traditional Chinese lexicography, and especially the "Erya" dictionary which was

included in the set of Confucian canons. The semantic classification of words and phrases used in “Erya” presented a model of oikumena. Learning “Erya” by heart formed a disposition towards classification and a classifying approach to the world and its phenomena. This could be one of the factors that had led to the formation of such a genre as *zazuan*.

Keywords: Chinese literature, genre “zazuan”, Japanese literature, genre “zuihitsu”, Chinese lexicography, the “Erya” dictionary

Androsenko R.A. *The Poetry of Guo Moruo in the Context of his Biographical Realia: a Study of «Qing fen jiang jia» (秦风蒹葭)*

The paper analyses «Qing fen jiang jia» (秦风蒹葭 «Reeds: A Song of the Qing kingdom»), a poem by Guo Moruo (1892-1978), an outstanding Chinese scholar, historian, dramatist, orator, calligrapher, and poet. The poem belongs to his poetic compilation «Juaner ji» (卷耳集 «Gathering Mouse-ear») (1923) which is still almost unknown to Russian synologists. In its analysis, consideration is given to the Chinese poetical tradition, on the one hand, and to the details of the poet’s biography, on the other.

Keywords: modern Chinese poetry, literature studies, Guo Moruo

3. Сведения об авторах

Андреева Валентина Алексеевна – научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН

Андросенко Роман Александрович – студент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Антонян Ксения Владиславовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН

Ветров Павел Павлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института лингвистики РГГУ

Дудченко Герман Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики частного образовательного учреждения высшего образования «Невский институт языка и культуры»

Еловков Дмитрий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Китая, Кореи и стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Комарова Ирина Нигматовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН

Крамарова Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Юго-Восточной Азии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Крылова Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Мазурова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН

Погибенко Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Ренковская Евгения Алексеевна – младший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН

Смирнитская Анна Александровна – младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Шаляпина Зоя Михайловна – кандидат филологических наук, заведующий Отделом языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН

Шуванникова (Князева) Елена Михайловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. К истории отечественного востоковедения	
Шаляпина З.М. <i>Исследования по языкам Южной и Юго-Восточной Азии в Отделе языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН</i>	5
Шаляпина З.М. <i>Выборочная библиография по языкам Южной и Юго-Восточной Азии, исследуемым в Отделе языков народов Азии и Африки ИВ РАН</i>	40
II. Лексикология	
Еловков Д.И. <i>Некоторые особенности номинации в кхмерском языке</i>	72
Смирнитская А.А. <i>Sinparrān и unple: семантическое развитие в дравидийской и индоевропейской терминологии родства</i>	74
Андреева В.А. <i>Заемствованные фразеологические единицы вьетнамского языка</i>	92
Ветров П.П. <i>Фразео-лексическая сочетаемость и конструктивная обусловленность воспроизводства фразеологизмов-идиом в речи (на материале современного китайского языка)</i>	101
Дудченко Г.Б. <i>Новые слова в виде транскрибированных заимствований в китайском языке</i>	118
III. Грамматика	
Комарова И.Н. <i>Глагол в грамматической системе тибетского языка</i>	125
Крамарова С.Г. <i>Средства оформления категории определенности имени существительного в балийском языке</i>	142
Погибенко Т.Г. <i>Аспекты факультативности видовременных показателей в изолирующем языке (на примере языка ма)</i>	150

Ренковская Е.А. *Императив в языке куллуи* 168

IV. Полевые лингвистические исследования

Шуванникова Е.М. *Индоарийский язык куллуи: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш)* 174

Крылова А.С. *Классификация языков мунда по данным лексикостатистики* 181

Мазурова Ю.В. *Опыт полевого исследования химачальских диалектов пахари (Северная Индия)* 196

V. Литературоведение

Антонян К.В. *Жанр цзацзуань в китайской литературе и китайская лексикография* 203

Андросенко Р.А. *Опыт анализа поэзии Го Мо-жо в контексте его жизненных реалий: на примере стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя» (秦风蒹葭)* 215

Приложения

Аннотации 223

Summaries 230

Сведения об авторах 236

Научное издание

**Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы
общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и
Юго-Восточной Азии.**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка: А.С. Панина

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН. inf@ivran.ru.
107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел. Зав. отделом А.В. Сарасьев.
Email: izd@ivran.ru

Подписано к печати 06.12.2017
Формат 60x84x16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 500 экз. Зак. № 353

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5